

2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Научный журнал

Выпуск 3 (58)

Рязань 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Регистрационный номер **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц., проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина,

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка – партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна)

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

Л. Г. Викулова, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Институт философии и права Национальной академии Армении, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

Е. Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна)

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

В. Г. Решетов, д-р филол. наук, проф. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц., проф. каф. литературы (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, ст. науч. сотр. (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Московский педагогический государственный университет),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. восточных языков и методики их преподавания (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2021

© «Иностранные языки в высшей школе», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Современные подходы к представлению знаний

Гордей А. Н.

О декларативном и процедуральном представлении знаний 5

Захаров Н. В.

Тезаурусный анализ в современных российских шекспировских исследованиях 13

Раздел II

Функционал языковых единиц в коммуникации

Байко В. А., Галанова Е. М.

Авторский диалог в романе А. Мёрдок «Море, Море» 25

Дечева С. В., Копанева А. В.

Явление английской акцентуации в свете современных лингвокультурологических реалий 33

Кабахидзе Е. Л.

Дискурсивный маркер *well* в обыденном и политическом дискурсах:
амбивалентность и бифункциональность 43

Кузнецова Т. Я.

Особенности грамматической системы латинского языка как
когнитивно-коммуникативной основы медицинской терминологии 54

Раздел III

Социокультурные и лингвокультурные аспекты общения

Ахренова Н. А., Орлова А. А.

Глобальное и национальное в лингвистике fashion-блогов 62

Садовская Е. Ю.

О формах проявления межпоколенческого дискурса 71

Шань Нина

Интернет-мем как единица коммуникации в современном китайском языке 81

Раздел IV

Теория и практика перевода с лингвокультурной и лингводидактической позиций

Ван Цзиньлин

Популяризация произведений Ф.М. Достоевского в Китае и анализ трудностей перевода
на китайский язык — на примере романа «Униженные и оскорбленные». Часть I 87

Запруднова А. А., Герасименко Н. И.

Интер- и интратекстуальные отсылки как слагаемые микрообраза
в художественном тексте и способы их передачи при переводе 99

Хабдаева А. К.

Формирование навыков перевода у китайских учащихся в процессе
профессиональной подготовки лингвистов профиля «Русский язык как иностранный» 107

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 116

TABLE OF CONTENTS

Part I

Modern Approaches to Presenting Knowledge

<i>Hardzei, Aliaksandr</i> On Declarative and Procedural Knowledge Representation	5
<i>Zakharov, Nikolay</i> The Thesaurus Approach to Shakespearean Studies	13

Part II

The Functions of Language Units in Communication

<i>Baiko, Valeria; Galanova, Ekaterina</i> Authorial dialogue in Iris Murdoch's Novel "The Sea, the Sea"	25
<i>Decheva, Svetlana; Kopaneva, Anastasia</i> English Accentuation in Terms of the Present-Day Linguoculturological Realia	33
<i>Kabakhidze, Ekaterina</i> Discourse Marker <i>Well</i> in Natural and Political Discourses: Ambivalence and Bifunctionality	43
<i>Kuznetsova, Tatiana</i> The features of the Latin grammatical system as the cognitive-communicative basis of medical terminology	54

Part III

Sociocultural and Linguocultural Aspects of Communication

<i>Akhrenova, Natalia; Orlova, Aleksandra</i> The Global and the National in the Linguistics of Fashion Blogs	62
<i>Sadovskaya, Jekaterina</i> On the forms of manifestation of intergenerational discourse	71
<i>Shan Nina</i> Internet Meme as a Unit of Communication in Modern Chinese	81

Part IV

Theory and Practice of Translation: Linguocultural and Linguodidactic Perspectives

<i>Wang Jinling</i> The Popularity of F.M. Dostoyevsky's Prose in China and the Challenges of its Translation into Chinese Exemplified by his novel "Humiliated and Insulted". Part 1	87
<i>Zaprudnova, Anastasia; Gerasimenko, Nadezhda</i> Inter- and intratextual relations as components of micro-image in literary texts and ways of their translation	99
<i>Khabdayeva, Ayuna</i> Development of translation skills among Chinese students in the process of professional training of linguists majoring in "Russian as a foreign language"	107
Requirements to the papers submitted (in Russian) *	116

* Available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en>

РАЗДЕЛ I

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ЗНАНИЙ

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 5–12.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):5–12.

Научная статья
УДК 81'1 + 004.82 + 519.767
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.001

О декларативном и процедуральном представлении знаний

Александр Николаевич Гордей

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
alieks2001@yahoo.com

Аннотация. Рассматриваются преимущества и недостатки стандартных в математике и информатике способов задания множеств и представления знаний. В развитие классификации сигнализации, по Ю. В. Кнорозову, знания разделяются на невербальные (иррациональные) и вербальные (рациональные), последние, в свою очередь, подразделяются на фактуальные и фасцинационные. Доказывается, что в теории Языка как системы фигур и знаков для декодирования модели мира и сознательного управления интеллектуальной деятельностью релевантными оказываются лишь те языковые категории, которые выделены процедурно, закреплены декларативно и подтверждены комбинаторно.

Ключевые слова: декларация, процедура, рекурсия, парадокс Рассела, теория информации, знания, фактуализация, фасцинация, комбинаторная семантика, фигура, знак, атрибутивно-предикативная синтагма, модификатор, актуализатор, топик, комментарий, субстантив, предикатив, тайген, ёген.

Для цитирования: Гордей А. Н. О декларативном и процедуральном представлении знаний // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 5–12. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.001.

Original article

On Declarative and Procedural Knowledge Representation

Aliaksandr Hardzei

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
alieks2001@yahoo.com

Abstract. The article discusses the advantages and disadvantages of standard methods in mathematics and computer science for setting sets and representing knowledge. Developing the classification of signaling by Yu. V. Knorozov, we divide knowledge into non-verbal (irrational) and verbal (rational), with the latter, in turn, subdivided into factual and fascinating. The approach proves that in the theory of Language as a system of figures and signs for decoding the World Model and for conscious management of intellectual activity, only those linguistic categories that are distinguished procedurally, fixed declaratively and confirmed combinatorially can be determined as relevant.

Keywords: declaration, procedure, recursion, Russell's paradox, information theory, knowledge, factualization, fascination, combinatory semantics, figure, sign, attributive-predicative syntagm, modifier, actualizator, topic, comment, substantive, predicative, taigen, yogen.

For citation: Hardzei A. On Declarative and Procedural Knowledge Representation. *Foreign Languages in Tertiary Education. 2021; 3(58): 5–12 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.001.*

Есть соображения за и против процедуральных и декларативных точек зрения на то, как следует хранить знания. В большинстве ситуаций наилучшим подходом является рассмотрение задач сразу с двух позиций, когда используются преимущества и той, и другой.

П. Уинстон

«А математику уже затем учить следует, — писал М. В. Ломоносов, — что она ум в порядок приводит»¹. Действительно, использование математического аппарата в той или иной отрасли знания свидетельствует о её научной зрелости, поскольку позволяет создать модель объекта исследования и тем самым не только доказать непротиворечивость утверждений об объекте исследования, но и осуществить научный прогноз. Нильс Бор говорил: «Ничто не существует, если оно не измерено»². Идеологией математики в настоящее время является теория множеств, которая предлагает задавать множества двумя способами: *декларативным* — прямым перечислением составляющих множество элементов или *процедуральным* — указанием процедуры составления множества из элементов. Например, число π (*пи*) декларативно задаётся непериодической бесконечной десятичной дробью 3,14..., процедурально — отношением длины окружности к её диаметру, то есть простой дробью. Ясно, что процедуральный способ задания множества обладает двумя преимуществами: во-первых, позволяет добиться более высокой точности вычислений, так как во время математических операций знаменатель простой дроби может сократиться, во-вторых, помогает увязывать разнородные множества. Например, с точки зрения декларации между карандашом и ботинком нет ничего общего, поскольку карандаш — это графитовый стержень в колодке, а ботинок — это футляр на подошве для защиты ноги по голеностопный сустав. Однако с процедуральной точки зрения связь между этими объектами, всё-таки есть и заключается она в том, что оба способны оставлять после себя след. Процедуральное представление знаний стало краеугольным камнем в синергетике, рассматривающей мир сквозь призму динамики неравновесных систем. Состояние таких неустойчивостей, как писали в своей знаменитой «Термодинамической теории структуры, устойчивости и флуктуаций» П. Гленсдорф и И. Пригожин, «больше не может описываться с помощью только значения переменных в данный момент, но необходимо, кроме того, знать последовательность неустойчивостей, которые встречались в прошлом» [Гленсдорф, Пригожин, 1973, с. 17–18].

Из недавних лингвистических работ, выполненных в таком ключе, хотя и без прямого упоминания синергетических исследований, назовём кандидатскую диссертацию С. А. Симатовой по дискурсивному анализу интерактивной организации спонтанной диалогической речи как результата конфликтного взаимодействия двух и более носителей любого языка, и прежде всего, китайского [Симатова, 2020].

Популярный в теории информации термин «интерактивный» наиболее точно передаёт научную новизну исследования, заключающуюся в вычленении из речевого потока конфликтных диалогических неустойчивостей, приобретших «историческое» измерение, и анализе динамики их генерации и рекомбинации (развёртки и свёртки). Главным достижением исследования, на наш взгляд, стало определение предиктируемого (характеризуемого) и предиктирующего (характеризующего) компонентов (*атрибутивно-предикативной синтагмы* в комбинаторной семантике [Гордей, 2019]) в качестве структурного ядра диалогического текста и доказательство этого адекватными методами, в том числе включающими собственные разработки в области статистической лингвистики и транскрипции, путём сквозного описания релевантного количества китайской спонтанной диалогической речи конфликтной направленности.

¹ Цит. по: Делман И. Я. Рассказы о математике. Л. : Гос. изд-во дет. лит., 1954. С. 58.

² Цит. по: Матюхин В. «Отец» ядерной физики // Обзор. 2020. № 41 (1239). 8–14 окт. URL : <https://www.obzor.lt/news/n64280.html> (дата обращения: 18.08.2021).

Работа во многом является новаторской для китаистики, поэтому отметим ещё несколько её важных результатов: во-первых, подтверждение материалом исследования рекурсивного характера порождения и построения атрибутивно-предикативных синтагм, во-вторых, использование приёма реконструкции семантической и синтаксической структуры высказывания с опорой, хотя и в неявном виде, на языковую картину мира (презумпцию) и модель мира (пресуппозицию)³, в-третьих, составление алгоритма анализа диалогического текста с учётом его интерактивности, когда все пропозиции текста сначала разделяются на группы по количеству участников диалога или полилога, а затем описываются связи между макропропозициями этих групп, причём алгоритм дополняется типологическими процедурами перехода от поверхностного синтаксиса китайского текста к пропозициональному.

Процедуральный способ представления знания, несмотря на явные преимущества, имеет и свои недостатки, из которых наиболее существенным является снижение прозрачности интерпретации процедуры при увеличении глубины рекурсии. «В нормальных системах, — отмечает П. Уинстон, — некоторый объём знаний содержится в программах, а некоторый — в декларативных структурах. Естественно полагать, что для каждой конкретной цели выбор будет очевидным. Однако здесь имеется возможность для полемики, и время от времени происходят столкновения между процедуралистами и декларативистами. В то время как одни исследователи стараются как можно больше заключить в процедурах, другие предпочитают размышлять в терминах очень простых программ, оперирующих с большими базами данных» [Уинстон, 1980, с. 458]. Поэтому в теории информации и в таком направлении информатики, как искусственный интеллект, периодически возникают жаркие споры: «**Декларативист:** С таким же успехом вы могли бы просто сжечь факт, а не хранить его в виде элемента запрограммированной процедуры. Я могу пользоваться фактом, но как только факты прячутся в программах, они уходят навсегда. Никто не может их найти. Процедуралистам просто нечего противопоставить той *прозрачности*, которая присуща совокупности ясных фактов» [Там же].

Поясним сказанное на излюбленном примере Ф. де Соссюра из игры в шахматы: «Возьмём коня: является ли он сам по себе элементом игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности вне занимаемого им поля на доске и прочих условий игры он ничего для игрока не представляет; он становится реальным и конкретным элементом в игре лишь постольку, поскольку он наделён значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что во время игры эта фигура сломается или потеряется; можно ли будет заменить её другой, равнозначной? Конечно, можно. Не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, не имеющий с ним никакого сходства, может быть отождествлён с конём, если только ему будет придана та же значимость» [Соссюр, 1977, с. 142–143].

Действительно, если потерялась *одна* шахматная фигура, её можно заменить, скажем, спичечным коробком, приписав ему определённую роль в шахматной игре, например коня, и установив на соответствующее поле, партия состоится — это *процедуральный* способ представления знания, но если потерялось **несколько** шахматных фигур, то их так просто спичечными коробками не заменишь, даже приписав им определённые роли в шахматной игре и установив на соответствующие шахматные поля, — игроки в них быстро запутаются и партия не состоится, придётся наклеивать на коробки бирки с названиями фигур, а это уже *декларативный* способ представления знания. Ф. де Соссюр справедливо считает, что важно не то, из чего сделаны шахматные фигуры, а то, какие роли они играют в шахматной партии, но материал всё-таки имеет значение, а форма его — ещё большее: струями воды трудно играть в шахматы, а спичечный коробок на лужайке мы вряд ли ассоциируем с шахматной партией, даже если он в ней использовался, зато если увидим на лужайке шахматную фигуру, того же коня, сразу поймём, что кто-то забыл его после игры в шахматы. Как ни странно, но многие европейские лингвистические школы, провозгласив себя последователями Ф. де Соссюра и даже «функционалистами», сосредоточились на декларативных основаниях языка, а многие американские,

³ Более подробно о различии *презумпции* и *пресуппозиции* см.: [Мартынов, 1982 ; Гордей, 2006].

встав под знамёна В. фон Гумбольдта, — на процедуральных. Пора перестать на сей счёт ломать копыта и противопоставлять основоположников языкознания — это напоминает войну физиков о природе света как волны или корпускулы, в которой они чуть не истребили друг друга, потом оказалось, что свет — это и волна, и корпускула. В теории информации смогли же всё-таки выяснить, что для построения архитектуры знаний нужны оба способа оперирования знаниями: декларативный — прежде всего для их представления, процедуральный — для их преобразования. Отметим также, что знание организовано иерархически, а анализ иерархических систем таит опасность вхождения в парадокс Рассела, если исследователь, потеряв бдительность, допустит смешение уровня и метауровня, языка и метаязыка, теории и метатеории⁴, поэтому в логике запрещается оперировать понятием *множество всех множеств* как ведущим к противоречию. Напомним содержание парадокса: «Большинство множеств не являются элементами самих себя. Например, множество всех котов не является элементом самого себя, потому что оно само не кот. Возможны, однако, и такие множества, которые принадлежат сами себе как элементы, — например, множество всех множеств. Рассмотрим теперь множество A всех таких множеств X , что X не есть элемент X . Согласно определению, если A есть элемент A , то A также и не есть элемент A , и если A не есть элемент A , то A есть элемент A . В любом случае A есть элемент A и A не есть элемент A » [Мендельсон, 1971, с. 8].

В математике и лингвистике проблема, кроме того, усугубляется совпадением объекта и инструмента исследования — языка в обоих случаях: для математики — искусственного и по сути идеографического, поскольку цифра является частным случаем иероглифа, для лингвистики — естественного, на что неоднократно указывали Л. Ельмслев [Ельмслев, 1960] и У. Вейнрейх [Вейнрейх, 1970, 1981].

В силу этого крайне нежелательно употреблять один и тот же термин для обозначения фактов разного уровня, пусть даже изоморфных, например, касательно *сообщения, высказывания и предложения*, находящихся в отношениях включения, то есть в иерархических отношениях. Ещё более нежелательно обращаться к понятию «всеобщий дискурс» — *дискурс всех дискурсов* или *текст как совокупность всех текстов*. Граница между *текстом* и *дискурсом* на основе семантических категорий *завершённости vs. незавершённости*, учитывая их зависимость от точки зрения наблюдателя, также оказывается весьма зыбкой. Если трудно развести данные понятия декларативно (о чём свидетельствуют термины *относительно законченное vs. незаконченное* в определениях текста и дискурса), тогда должна быть предложена формальная процедура их разграничения, тем более когда дополнительные категории типа *статичности vs. динамичности* или *результативности vs. процессуальности* многими исследователями обоснованно отклоняются⁵. Мы солидарны с мнением, что любой текст всегда конкретен, имеет конкретного адресанта и адресата, порождён в конкретной ситуации, передан конкретной звуковой или световой волной и записан на конкретном материальном носителе вне зависимости от времени его обнаружения или знаний сторонних наблюдателей о нём и об условиях его порождения. Правда, тогда семантических оснований для разграничения текста и дискурса ещё меньше — оба становятся *речью*. Так, собственно, и считал Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974]. Вместе с тем, если признавать типологию текстов, их жанровую принадлежность и структурированность, то развитие таких взглядов неизбежно приводит к пониманию *языка* как системы и *речи* как реализации данной системы. Иными словами, речь «асистемна» настолько, насколько позволяет язык и допускает модель мира. Например, фраза «*Кошка бить палка убежать*» понятна при любых синтаксических перестановках, потому что наш жизненный опыт подсказывает, что палка вряд ли убежит.

С другой стороны, если присоединиться к мнению о том, что дискурс есть процесс генерации текстов, то придётся ставить знак равенства между дискурсом и речевой деятельностью. В таком случае, чем данная позиция отличается от воззрений Л. В. Щербы, высказанных в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба, 1974]?

⁴ Подробнее об этом см.: [Гордей, 2011].

⁵ См., напр.: [Симатова, 2020].

Какую бы позицию ни занимал лингвист по отношению к языку, речи и речевой деятельности, признать дуализм Языка ему всё же придётся, а также понять, что одними только процедурами или одними только декларациями Язык не охватишь, что рождение языкового факта, сам языковой факт и роль языкового факта, как рождение человека, сам человек и роль человека, — явления разные, хотя и взаимообусловленные. *Топик и комментарий*, вне сомнения, — роли важные, но необходимы ещё декларации, нужны те, кто эти роли играет, и если в качестве отправного пункта исследования выбирать теорию выдающегося американского учёного китайского происхождения Чжао Юаньжэня, то не стоит опасаться проблем языковых категорий, — вместо частей речи можно смело обращаться к сочетаниям, к номинативным единицам, играющим роли топиков и комментариев, к *субстантивам* и *предикативам* в терминологии Чжао Юаньжэня [Chao, 1968], к *тайгенам* и *ёгенам* в китайско-японской лингвистической традиции [Гордей, 2018].

Кстати, в лингвистике первым, кто осветил проблему характеризующего (модификатора) и характеризуемого (идентификатора) компонентов языка на высоком научном уровне, причём задолго до работ Чжао Юаньжэня, Чарльза Ли и Сандры Томпсон [Ли, Томпсон, 1982], был профессор Краковского Ягеллонского университета и иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук Ян Михал Розвадовский (1867–1935) [Rozwadowski, 1960]. Он писал на польском языке, но современные сервисы Гугл или Яндекс уже позволяют более-менее сносно переводить научные тексты автоматически.

Профессор В. В. Мартынов распространил идеи Я. Розвадовского на уровни выше и ниже слова: модификатор и идентификатор как определяющий и определяемый компоненты фонемы, морфемы, лексемы и устойчивого сочетания лексем (номинативной единицы), модификатор и актуализатор как определяющий и определяемый компоненты свободного сочетания лексем и предложения [Мартынов, 1974, с. 14, 1982, с. 142–144].

В последующем в минской школе комбинаторной семантики стали использоваться термины *модификатор* и *актуализатор*, поскольку механизм свёртки и развёртки номинативных и предикативных единиц одинаковый [Гордей, 1998].

Обратим внимание, что следует различать вербальное и невербальное знание. Невербальное знание находится за пределами рационального подхода к постижению мира, оно вне любой терминосистемы, будь то математика, лингвистика, паралингвистика и вся семиотика в целом. Каким образом у Рафаэля рождались сюжеты картин — невозможно ни объяснить, ни показать, поэтому не следует смешивать невербальное знание с мимикой и жестами. Язык глухонемых является таким же естественным языком, как и любой другой иероглифический язык [Гордей, 1998, с. 18]. Вербальное знание составляют информация и фасцинация. По мнению Ю. В. Кнорозова, максимальная информация заключена в математике, а максимальная фасцинация — в музыке [Кнорозов, 1973].

Дальнейшие исследования показали, что фасцинация, наряду с фактуацией или фактуализацией, всё-таки является разновидностью информации [Романовская, 2019]. В таком случае на фасцинацию, включающую любую стилистическую окраску, всевозможные эмоционально-экспрессивные оттенки и «наведённые» эмоции, в том числе и создаваемые с помощью стихотворного размера, ритма, паузы, распева, изобразительных приёмов и других акцентологических средств, в равной мере распространяются декларативный и процедуральный способы представления знания.

Поскольку языковые категории как опорные конструкторы метатеории Языка увязаны с вербальным знанием, релевантными из них следует признать лишь те, которые выделены процедурно, закреплены декларативно и подтверждены комбинаторно. При этом «если ставится задача объяснить глубину и масштабность умственной деятельности, то необходимо, чтобы отдельные достижения в области логического рассуждения, лингвистики, памяти и восприятия были более серьёзными и тщательно систематизированы, а их фактическое содержание было теснее увязано с процедурным» [Минский, 1978, с. 249].

Список источников

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — 446 с.
2. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. — Вып. 5 : Языковые универсалии. — М. : Прогресс, 1970. — С. 163–249.
3. Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 10 : Лингвистическая семантика. — М. : Прогресс, 1981. — С. 50–176.
4. Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. — М. : Мир, 1973. — 280 с.
5. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. — Минск : Белорус. гос. ун-т, 1998. — 156 с.
6. Гордей А. Н. К уточнению дихотомии языка и речи // Беларусь в современном мире : тез. докл. I Респ. науч. конф. — Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. — С. 155–157.
7. Гордей А. Н. Модель мира как пресуппозиция языковой картины мира // Художественный дискурс: интерпретация и коммуникативные константы : материалы науч.-теорет. конф., Минск, 13–14 мая 2005 г. — Минск : Минский гос. лингвист. ун-т, 2006. — С. 17–20.
8. Гордей А. Н. Значение логических и семантических парадоксов для теории языка // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. / отв. ред. А. И. Головня. — Ч. 1. — Минск : Белорус. дом печати, 2011. — С. 9–18.
9. Гордей А. Н. Семантические категории в китайско-японской лингвистической традиции // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2018. — Вып. 4 (47). — С. 7–22.
10. Гордей А. Н. Атрибутивно-предикативная синтагма как языковая универсалия // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2019. — Вып. 4 (51). — С. 7–19.
11. Демпман И. Я. Рассказы о математике. — Л. : Гос. изд-во дет. лит., 1954. — 144 с.
12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М. : ИЛ, 1960. — Вып. 1. — С. 264–389.
13. Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. — М. : Наука, 1973. — С. 324–334.
14. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — М. : Прогресс, 1982. — Вып. 11. — С. 193–235.
15. Мартынов В. В. Семиологические основы информатики. — Минск : Наука и техника, 1974. — 192 с.
16. Мартынов В. В. Категории языка. Семиологический аспект. — М. : Наука, 1982. — 192 с.
17. Матюхин В. «Отец» ядерной физики // Обзор. — 2020, 8–14 окт. — № 41 (1239). — URL : <https://www.obzor.lt/news/n64280.html>. (дата обращения: 18.08.2021).
18. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. — М. : Наука, 1971. — 320 с.
19. Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. — М. : Мир, 1978. — С. 249–338.
20. Романовская Е. В. Теория фасцинации в контексте проблем художественного перевода (на примере переводов китайской классической поэзии «ши») // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2019. — № 1 (112). — С. 125–131.
21. Симатова С. А. Диалогический текст в структурно-динамическом рассмотрении (на материале китайских конфликтных диалогов) : дис... канд. филол. наук : 10.02.19. — М. : МГПУ, 2020. — 362 с. — URL : https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2020/03/C.A.-Simatova_KD.pdf. (дата обращения: 24.07.2021).
22. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1977. — С. 31–273.
23. Уинстон П. Искусственный интеллект. — М. : Мир, 1980. — 520 с.
24. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. — Л. : Наука, 1974. — С. 24–39.
25. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. — Berkely (Los Angeles) ; London : University of California Press, 1968. — 847 p.
26. Rozwadowski J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów // Wybór pism. — Т. 3 : Językoznawstwo ogólne. — Warszawa : PWN, 1960. — S. 21–95.

References

1. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [Problems in General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 446 p. (In Russian).
2. Weinreich U. On the Semantic Structure of Language. *Novoye v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 5. Yazykovyye universalii* [New Research in Foreign Linguistics. Iss. 5. Language Universals]. Moscow, Progress Publ., 1970, pp. 163–249. (In Russian).
3. Weinreich U. Explorations in Semantic Theory. *Novoye v zarubezhnoi lingvistike. Iss. 10. Lingvisticheskaya semantika* [New Research in Foreign Linguistics. Vyp. 10. Linguistic Semantics]. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 50–176. (In Russian).
4. Glansdorff P., Prigogine I. *Termodinamicheskaya teoriya struktury, ustoychivosti i fluktuatsiy* [Thermodynamic Theory of Structure, Stability and Fluctuations]. Moscow, World Publ., 1973, 280 p. (In Russian).
5. Hardzei A. *Printsipy ischisleniya semantiki predmetnykh oblastei* [The Principles of Evaluating the Semantics of Subject Domains]. Minsk, Belarusian State University Publ., 1998, 156 p. (In Russian).
6. Hardzei A. To Clarify the Dichotomy of Language and Speech. *Belarus' v sovremennom mire* [Belarus in the Modern World]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2003, pp. 155–157. (In Russian).
7. Hardzei A. The World Model as a Presupposition of the Linguistic Image of the World. *Khudozhestvennyy diskurs: interpretatsiya i kommunikativnyye konstanty* [Artistic Discourse: Interpretation and Communicative Constants]. Minsk, Minsk State Linguistic University Publ., 2006, pp 7–20. (In Russian).
8. Hardzei A. The Meaning of Logical and Semantic Paradoxes for Language Theory. *Karpovskiy nauchnyye chteniya* [Readings from V. A. Karpov]. Collection of Research Papers in 2 parts. Minsk, Belarusian State University Publ., 2011, pt. 1, pp. 9–18. (In Russian).
9. Hardzei A. Semantic Categories in the Sino-Japanese Linguistic Tradition. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in Higher School]. Ryazan, Ryazan State University Publ., 2018, iss. 4(47), pp. 7–22. (In Russian).
10. Hardzei A. Attributive-Predicative Syntagm as a Language Universal. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in Higher School]. Ryazan, Ryazan State University Publ., 2019, iss. 4(51), pp. 7–19. (In Russian).
11. Depman I. Ya. *Rasskazy o matematike* [Stories About Mathematics]. Leningrad, State. Publishing House of Children's Literature, 1954, 144 p. (In Russian).
12. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language. *Novoye v lingvistike* [New Research in Linguistics]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1960, iss. 1, pp. 264–389. (In Russian).
13. Knorozov Yu. V. On the Classification of Signaling. *Osnovnyye problemy afrikanistiki* [Basic Problems of African Studies]. Moscow, Science Publ., 1973, pp. 324–334. (In Russian).
14. Lee C., Thompson S. Subject and Topic: a New Typology of Languages. *Novoye v zarubezhnoi lingvistike. Sovremennyye sintaksicheskiye teorii v amerikanskoj lingvistike* [New Research in Foreign Linguistics. Modern Syntactic Theories in American Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, iss. 11, pp. 193–235. (In Russian).
15. Martynov V. V. *Semiologicheskie osnovy informatiki* [Semeiological Foundations of Computer Science]. Minsk, Science and Technology Publ., 1974, 192 p. (In Russian).
16. Martynov V. V. *Kategorii yazyka. Semiologicheskiiy aspekt* [Language Categories. The Semiological Aspect]. Moscow, Science Publ., 1982, 192 p. (In Russian).
17. Matyukhin V. “Father” of Nuclear Physics. *Gazeta “Obzor”* [Obzor Newspaper]. 2020, no. 41 (1239), October 8–14. Available at : <https://www.obzor.lt/news/n64280.html> (accessed 18.08.2021). (In Russian).
18. Mendelson E. *Vvedeniye v matematicheskuyu logiku* [Introduction to Mathematical Logic]. Moscow, Science Publ., 1971, 320 p. (In Russian).
19. Minsky M. Structure for Knowledge Representation. *Psikhologiya mashinnogo zreniya* [Psychology of Machine Vision]. Moscow, World Publ., 1978, pp. 249–338.
20. Romanovskaya E. V. The Theory of Fascination in the Context of the Problems of Literary Translation (on the Example of Translations of the Chinese Classical Poetry “Shi”). *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Proceedings of Gomel State University named after Francisk Skorina]. Gomel, Gomel State University Publ., 2019, no. 1(112), pp. 125–131. (In Russian).
21. Simatova S. A. Dialogic Text in Structural and Dynamic Consideration (Based on the Chinese Conflict Dialogues). Thesis (Ph. D.). Moscow State Pedagogical University, 2020, 362 p. Available at : https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2020/03/C.A.-Simatova_KD.pdf (accessed 24.07.2021). (In Russian).

22. Saussure F. de. A Course of General Linguistics. *Trudy po Yazykoznaniiyu* [Studies in Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 31–273. (In Russian).

23. Winston P. *Iskusstvennyy intellekt* [Artificial Intelligence]. Moscow, World Publ., 1980, 520 p. (In Russian).

24. Shcherba L. V. The Threefold Aspect of Linguistic Phenomena and Experiment in Linguistics. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad Science Publ., 1974, pp. 24–39. (In Russian).

25. Chao Yuen Ren. *A Grammar of Spoken Chinese*. Berkely (Los Angeles), London, University of California Press, 1968, 847 p.

26. Rozwadowski J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. *Wybor pism*. Warszawa, PWN Publ., 1960, vol. 3. Językoznawstwo ogólne, 270 s. (In Polish).

Информация об авторе

А. Н. Гордей — доктор филологических наук, профессор, директор Минского городского научно-педагогического центра «Тайген», заведующий кафедрой теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, профессор кафедры языкознания и страноведения Востока Белорусского государственного университета. Почтовый адрес: 220117, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т им. газеты «Звезда», д. 48, кв. 108. Тел.: +375-29-674-66-88.

Information about the author

A. Hardzei — Doctor of Philology, Professor, Director of Minsk City Scientific and Pedagogic Center “Taigen”, Head of the Department of Theory and Practice of Chinese Language at Minsk State Linguistic University, Professor of Oriental Language & Country Studies’ Department of Belarusian State University. Postal address: 48–108 Zviazda Av., Minsk, Belarus, 220117. Tel.: +375-29-674-66-88.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 26.07.2021;
принята к публикации 27.07.2021.*

*Submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 26.07.2021;
accepted for publication 27.07.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 13–24.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):13–24.

Научная статья

УДК 821.111; 009.

DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.002

Тезаурусный анализ в современных российских шекспировских исследованиях

Николай Владимирович Захаров

Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

nikoltine@yandex.ru

Аннотация. Изучение творчества Шекспира в парадигме междисциплинарности является актуальной задачей. Тезаурусный подход исследований Шекспира и его современников позволяет сосредоточиться на междисциплинарном изучении шекспировского творчества. В статье анализируются основные направления шекспировских исследований, которые давно вышли за пределы англоязычной культуры. Во многих университетах мира изучают не только литературу позднего Ренессанса, эволюцию шекспировской поэтики, шекспировские реминисценции в национальных литературах, но и другие, казалось бы далеко стоящие от художественной литературы явления. Важными в научной и преподавательской деятельности стали исследования, ориентированные на философское прочтение творчества великого драматурга. Новые возможности открывают Интернет и цифровые технологии. Тезаурусный подход в современной гуманитаристике должен трансформироваться и стать методом анализа концептов и концептосфер, которые образуют тезаурусы. Как инструмент познания, метод способствует формированию полноты и глубины знания в междисциплинарных исследованиях. Каждый их сегмент открывает шекспировскую семантику культурных констант, объединяющих человечество и расширяющих тезаурус мировой культуры, не только национальный, но и мировой тезаурус творчества Шекспира.

Ключевые слова: У. Шекспир, тезаурусный подход, метод, анализ, междисциплинарность, Валерий Андреевич Луков, Владимир Андреевич Луков, шекспироведение.

Для цитирования: Захаров Н. В. Тезаурусный анализ в современных российских шекспировских исследованиях // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 13–24. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.002.

Original article

The Thesaurus Approach to Shakespearean Studies

Nikolai V. Zakharov

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

nikoltine@yandex.ru

Abstract. The background for Shakespearean studies gains importance in an interdisciplinary context. The thesaurus approach of studying Shakespeare, his contemporaries, and the daily life of his epoch helps to concentrate on the aspect of interdisciplinary studies of Shakespeare's creative works. Following this task, the author of the article researches the key areas of Shakespearean studies. Today, Shakespeare is not only the genius of Anglo-Saxon literature, but also one of the pillars of Anglo-American educational system both at school and at university. Shakespearean studies have long gone beyond the framework of the English-speaking cultures. Turning to Shakespeare, researchers of the largest educational centers of the world study not only the literature of the late Renaissance period, the evolution of Shakespearean poetics in the context of world culture, Shakespearean allusions in national literatures, not only the development of dramaturgy, the history of the theatre, music, the cinema, but also other disciplines seemingly unconnected to the world artistic culture. The research oriented at philosophical understanding of the great playwright's work has gained special significance for scientific and teaching activity. Studying Shakespeare's work in the 21st Century is closely connected to the Internet and information technologies. In a sense, the thesaurus approach in modern humanities should be transformed and become a method of analyzing the concepts and conceptospheres that form thesauri.

Keywords: W. Shakespeare, thesaurus approach, method, analysis, interdisciplinarity, Valery A. Lukov, Vladimir A. Lukov, Shakespearean studies.

For citation: Zakharov N. V. The Thesaurus Approach to Shakespearean Studies. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021; 3(58):13–24 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.002.

Введение

Осмысление творчества великого английского драматурга и поэта У. Шекспира в парадигме междисциплинарности, когда результаты специальных исследований соединяются в некую целостность, представляется сложной и вместе с тем перспективной задачей развития гуманитарного знания.

Одним из способов достижения этой целостности является тезаурусный анализ. Именно на базе тезаурусной методологии идет изучение шекспировской проблематики в научной школе Московского гуманитарного университета, в других образовательных и научных организациях в России и за рубежом.

Во многом распространению тезаурусного подхода в отечественной гуманитаристике способствовало создание Института гуманитарных исследований (ныне Институт фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета), среди сотрудников которого — разработчики тезаурусного подхода и их коллеги: Б. Н. Гайдин, В. А. Гневашева, Ч. К. Ламажаа, А. Б. Тарасов, Т. Ф. Кузнецова, Э. К. Погорский и др. За относительно небольшой срок были написаны и опубликованы сотни научных работ о Шекспире, методология которых основана на тезаурусной теории.

Тезаурусный подход

Тезаурусный подход является своеобразным ответом на современные тенденции в развитии гуманитарного знания, в частности на его субъективизацию как атрибутивное свойство. Наиболее детально тезаурусная теория изложена в трудах Вал. А. и Вл. А. Луковых «Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания» (2008) и «Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира» (2013). Им также принадлежат такие фундаментальные труды, как «Европейская культура в русском тезаурусе: энциклопедические очерки» (2018) в 3 томах и «Тезаурусная социология» (2018) в 4 томах.

В гуманитарных науках тезаурусный анализ получил развитие в трудах многих исследователей, и прежде всего участников постоянно действующего с 2005 года в Московском гуманитарном университете семинара «Тезаурусный анализ мировой культуры», в монографиях: «Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке» под общей редакцией В. А. Лукова (2006), В. А. Лукова «Предромантизм» (2006); Н. В. Захарова «Шекспиризм в русской классической литературе: тезаурусный анализ» (2008), Н. В. Захарова и Вл. А. Лукова «Гений на века: Шекспир в европейской культуре» (2012), Н. В. Захарова, Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова «Драматургия А. С. Пушкина: проблема сценичности» (2015) и др. На основе тезаурусного анализа созданы учебные пособия «Культурология. История мировой культуры» под редакцией Т. Ф. Кузнецовой (2003), многократно переиздаваемое Вл. А. Лукова «История литературы: зарубежная литература от истоков до наших дней» (2003), В. А. Лукова «Социальное проектирование» (2010) и практикумы «Литература» (2003) в 2-х частях под редакцией Вл. А. Лукова, статьи в сборниках научных трудов «Шекспировские штудии» и «Тезаурусный анализ мировой культуры», в научном журнале «Знание. Понимание. Умение» (гл. ред. И. М. Ильинский), в докладах участников международных научных конференций «Шекспировские чтения» (2006–2020), в работе ежегодных международных конференций «Высшее образование для XXI века» (2004–2020), на международных съездах англистов, на Пуришевских чтениях в Московском государственном педагогическом университете, на международной конференции в Самаре «Предромантизм и романтизм» (2008), в I–III «Академических чтениях памяти Владимира Ан-

дреевича Лукова» (2015–2019) и других научных форумах. Результаты тезаурусных исследований отражены в докторских и кандидатских диссертациях И. В. Вершинина (2003), Н. В. Соломатиной (2003), Б. Н. Гайдина (2009) и других исследователей-гуманитариев.

В чем суть тезаурусного подхода и в чем его продуктивность для шекспировской темы?

Тезаурус (др.-гр. *θησαυρός* — сокровище) — сокровищница, запас того, что имеет особую ценность. Научный тезаурус составляет терминология Новейшего времени: «...в лингвистике, семиотике, информатике, теории искусственного интеллекта и других областях знания тезаурус обозначает некоторое, особым образом оформленное накопление. В информатике и теории искусственного интеллекта обращается внимание на систематизацию данных, составляющих тезаурус, и на их ориентирующий характер. Именно такая характеристика тезауруса легла в основу содержания этого понятия в общегуманитарном тезаурусном подходе: тезаурус — это структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект» [Луков, Луков, 2006, с. 559]. Любой тезаурус неполон по сравнению с действительным содержанием культуры, фрагментарен и сравнительно непоследователен. Несмотря на фрагментарность составляющих его элементов, можно говорить о целостности тезауруса, которая обеспечивается единством личности субъекта познания.

Особую роль в тезаурусном анализе занимают ценностные приоритеты носителя знания. Специфика ценностного отношения состоит в том, что концепт (ядро ценности), подобно магниту, притягивает одни смыслы и отталкивает другие, образуя смысловое гнездо. Связь знаний в тезаурусе и строится на взаимопротяжении и взаимоотталкивании смысловых гнезд, образовавшихся вокруг ценностей, а сам тип связи в этом случае преимущественно полевой, и лишь в актуальных фрагментах знания он приобретает ясные очертания иерархических и(или) сетевых связей.

Иерархия знаний основывается на принципе ценностного отношения. Из тезаурусного понимания культуры следует, что, во-первых, структурирующим принципом знания может выступать дихотомическое различие своего и чужого; во-вторых, и свое, и чужое обладают протяженностью и разной интенсивностью: это определенные зоны, концентрические круги вокруг субъекта, одни из которых ближе, другие дальше от центра и в этом отношении «более» свои и «менее» свои (соответственно «менее» чужие и «более» чужие); в-третьих, в тезаурус встроен защитный механизм от информации, которая основана на антиценностях для субъекта и воспринимается им как чуждая и если и пересекает границу тезауруса, то в форме ее критики.

Таким образом, внутри тезауруса действует дифференцирующий принцип «свое — чужое»; если же рассматривать тезаурус в его взаимодействии с другими тезаурусами, то дифференцирующей становится триада «свое — чужое — чуждое». Можно сказать, что чужое — до некоторой степени свое и может стать своим при определенных условиях, в отличие от чуждого, которому в данном тезаурусе (тезаурусной генерализации) места нет.

Свое — чужое (свой — чужой и т. п.) — наиболее определенное ценностное отношение, выполняющее функцию социальной ориентации. Оно изначально социально: «свой» — тот, кто принадлежит мне, «свое» — то, что принадлежит мне, но в то же время и в такой же мере «свой» — из того круга, которому принадлежу я, «свое» — из тех вещей, свойств или отношений, от которых завишу я (зависят моя безопасность, удовольствие, счастье и т. д.). В логическом плане антоним «своего» — «не свой», а в ценностном плане — «чужой».

«Чужой», «чужое» — знаки не только находящегося за пределами «своего», но и противопоставленного «своему», а возможно — и враждебного ему. Именно в парадигме «свое — чужое» воспринимают действительность человек, группа, сообщество. Оппозиция «свое — чужое» образует стержень тезауруса и придает ему социальную значимость. На этом строятся «картины мира» [см., напр.: Кузнецова, Луков, 2009; Кузнецова, 2012; Кузнецова, 2015], которые формируются постепенно по мере социализации и обретения социальной идентичности субъектом познания.

Основываясь на противопоставлении «своего» и «чужого», а вернее — на процессе «освоения» чужого, инокультурного материала (его объяснения, изучения и приближения к своему), можно приобщить студентов к текстам зарубежных авторов. Проще всего это сделать, объясняя взаимоотношения и взаимовлияние представителей зарубежной и отечественной культуры. Иначе говоря, объяснить соотношение в отечественном культурном пространстве своей и чужой литературы: попадая на русскую почву, каждый иноязычный текст проходит определенную культурную адаптацию, а в переводах — культурно-лингвистическую трансформацию.

Шекспировские исследования

Еще Б. Л. Пастернак высказался о наличии «русского ответвления шекспировской традиции» [Пастернак, 1985, с. 322]. Трудно не согласиться с его суждением. У самого Пастернака «русское ответвление шекспировской традиции» выразилось не только в авторской переводческой традиции, но и в оригинальном творчестве. По существу, он дополнял и перерабатывал шекспировский текст, давая самобытную интерпретацию его образов, героев и характеров. Подобным образом к шекспировскому наследию относился и А. С. Пушкин, который в свое время не просто подражал ему, а творил самобытные произведения, опираясь на шекспировские источники.

Б. Л. Пастернак, выразив свое творческое видение мира в стихотворении «Гамлет», придал шекспировскому тексту «живаговский» колорит. Именно в подобном обогащении личных тезаурусов и заключается значение шекспировского наследия, вполне сопоставимое в отечественной культуре со значением в англосаксонском мире.

Благодаря прекрасным переводам Б. Л. Пастернака и других русских поэтов XIX–XX веков, Шекспир говорит с нами по-русски на современном литературном языке, а не на архаичном наречии времен «Переписки Иоанна Грозного с Курбским». В отличие от современных англо-американских студентов, которые штудируют «отца нашего Шекспира» [Пушкин, 1962, с. 281], обложившись словарями и комментариями, всевозможными «гидами», энциклопедиями и справочниками по Шекспиру, отечественным школярам легче войти в мир шекспировских героев: у них есть не только выбор из нескольких десятков переводов его пьес на русский язык, но и традиция русского шекспиризма. Конечно, это не освобождает их от чтения и понимания Шекспира в оригинале, но культ британского гения для них бесспорен и безусловен [см., напр.: Луков, 2006, № 2, с. 70–72 и др.].

Сегодня Шекспир не только гений англосаксонской литературы, но и один из столпов англо-американской образовательной системы. Шекспировские штудии давно вышли за рамки англоязычной культуры. Во многих университетах мира изучают не только литературу позднего Ренессанса, эволюцию шекспировской поэтики в контексте мировой культуры, шекспировские реминисценции в национальных литературах, не только эволюцию драматургии, историю театра, музыки, кино, но и другие, казалось бы далеко стоящие от художественной культуры дисциплины.

Так, по шекспировским характерам изучают психологию человека (Пастернак, 1985; Выготский, 1987). К ним обращались многие авторы классических трудов о природе человеческого сознания. З. Фрейд использовал персонажей Шекспира для объяснения своих психоаналитических концепций и идей [Фрейд, 1913]. Особое распространение получило его «фрейдистское» прочтение образа Гамлета. Работы З. Фрейда сыграли огромную роль не только в совершенствовании психоанализа, но и имели непосредственное значение как для развития шекспироведения в частности, так и мировой философской критики в целом. Они стали толчком для зарождения совершенно нового течения в философии — психоаналитической критики (psychoanalytic criticism). В шекспировских характерах Фрейд обнаружил благодатное поле для размышлений над человеческой природой, которое гораздо труднее было бы себе представить или обнаружить, если бы Фрейд обратился к реальным пациентам. К тому же литературные

герои (например, софокловский царь Эдип) или реальные исторические личности (Леонардо да Винчи, Ф. М. Достоевский) были в общественном сознании во многом понятнее и ближе обычных, зачастую безликих живых людей.

Несмотря на спорность выводов, З. Фрейд удалось положить начало целому направлению и множеству ответвлений не только в истолковании природы человеческого поведения, психологических мотиваций в поведении людей, но и целой отрасли современного знания о человеке. Слабость «психологического критицизма» состоит в том, что множественность этих теорий и концепций, различных прочтений произведений Шекспира с психоаналитических позиций не дают какой-либо общей их интерпретации, а значит остаются во многом умозрительными, обслуживают задачи, изначально сформулированные исследователем, и «подгоняются» под удобные выводы.

Не менее перспективно изучение психологии в Шекспировскую эпоху. Подобный исторический подход используется в практике преподавания истории психологии в ряде европейских университетов, где наглядными моделями служат герои пьес Шекспира, их поведение.

Важными в научной и преподавательской деятельности стали исследования, ориентированные на философское прочтение творчества великого драматурга. Так, с неогегельянских позиций рассматривал произведения английского драматурга профессор Оксфордского университета Э. С. Брэдли (1851–1935), автор книги «Шекспировская трагедия» (1904), эссе об «Антонии и Клеопатре», статьи «Отвергнутый Фальстаф», лекции о «Кориолане», прочитанной в стенах Британской академии, и другие работы о творчестве драматурга. Несмотря на то что Брэдли упрекали за тенденциозную попытку сделать из шекспировских персонажей реальных людей, он признан классиком философского истолкования в литературной критике.

Развитие тезаурусного анализа в России также связано с выходом коллективной монографии под редакцией И. И. Лисович «Шекспирсфера: виртуальные миры Шекспира и его современников» (2016). В ней представлены междисциплинарные исследования шекспировского мифа в культуре: осмысливается опыт реконструкции как виртуальных миров Шекспировской эпохи, так и их трансформации в современном визуальном пространстве, рассмотрены разнообразные примеры: виртуализация и визуализации фигуры британского драматурга и произведений его современников, культурные практики в Елизаветинскую эпоху, в современной массовой культуре и искусстве XX–XXI веков.

Театр Шекспира возник в период образования европейских государств Нового времени. Шекспировский язык, образы и сюжеты его пьес стали основой «английскости», фактором расширения влияния англоязычной культуры, частью мирового тезауруса, в том числе и русского.

Шекспирсфера — явление историческое. В XVIII веке она включала читателей и зрителей из образованной части общества. Позже, благодаря романтическому культу и изучению произведений Шекспира в школьной программе, круг его поклонников расширился. В XX веке Шекспир вдохновляет не только поп-культуру (кино, музыка, комиксы), но и создателей компьютерных игр, интерактивных форм коммуникации (массовые открытые онлайн-курсы (MOOC), социальные сети, цифровые приложения), становится контентом цифровых проектов, в которых происходит визуализация миров. Пьесы Шекспира порождают новые виды визуальных и традиционных искусств, цифровых и образовательных технологий. Их изменение привело к расширению, диверсификации и усложнению шекспирсферы.

Творчество и личность Шекспира часто становятся предметом рефлексии и интерпретаций, которые стремятся занять доминирующее положение, оттесняя Шекспира на второй план, что видно на примере антистратфордских теорий, интерпретаций шекспировских героев и ситуаций, смещения внимания на социокультурный контекст елизаветинской и шекспировской Англии. В центре актуального восприятия оказывается не сам Шекспир и его тексты, а претенденты на роль Шекспира, споры об искусстве, информационной среде и научном методе. Тексты Шекспира становятся поводом для презентизма и модернизации в соответствии с текущими политическими, социальными и этическими проблемами.

Популяризация Шекспира часто оборачивается против него. Отдаленность культурной эпохи делает ее не только экзотичной, но и непонятной. Желание сделать ее ближе возвращает потребителей к ним самим: в свой культурный багаж они включают не Шекспира, его современников и эпоху, а себя пытаются вписать в круг героев Шекспира, занять место в его текстах; не впитать шекспировские метафоры, а заменить его речь своим сленгом. Так происходит «присвоение», «переписывание» и «редактирование» текстов У. Шекспира, что расширяет и опрокидывает шекспиросферу в текучую повседневность с ее зыбкостью, мимолетностью и обыденностью. Тем не менее «тезаурус» и культурные паттерны маркируют ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их сообществам, что позволило проанализировать, как шекспиросфера реализует себя в виртуальных мирах, которые не только опираются на актуальную обыденность, но и отклоняются от нее, оказывая воздействие на комплекс социальных структур и процессов, социокультурных институтов, связанных с памятью о прошлом и ее реактуализацией в настоящем.

Язык, сюжеты и персонажи Шекспира, стремительно распространяясь в информационном пространстве, не только привносят английскость в иную культуру, но и приобретают новую окраску. В инациональных культурах возникает свой виртуальный Шекспир, своя шекспиросфера. Разбросанные по миру «локальные Шекспиры» связаны между собой уходящей в историю нитью, но они, в отличие от Барда, не привязаны к Англии, к Стратфорду, к какому-то конкретному месту, а свободно бродят по миру, меняя свой облик.

Виртуальная шекспиросфера представляет собой совокупность явлений, возникающих вокруг личности и творчества Шекспира как иконической фигуры, включая попытки его «деканонизации». В этом виртуальном мире апелляция к прошлому и его актуализация в настоящем происходят посредством создания индивидуальных и коллективных артефактов, представляющих шекспировскую эпоху и формирующих шекспировский миф. Важным элементом шекспиросферы является также стремление реконструировать великую эпоху, наполнить ее событиями, фигурами, представить через социокультурные практики не только в искусстве и цифровых проектах, но и в научных исследованиях. Развитие «шекспиросферы» предстает нелинейным неструктурируемым процессом, который парадоксальным образом равномерен и неравномерен, симметричен и асимметричен, однороден и неоднороден, целостен и фрагментарен.

Виртуальность, основанная на рациональности и одновременно на воображении ученого, формируется в раннее Новое время, причем ученые создают воображаемые утопические проекты, изобретают научный метод, новые области исследования, научный язык, публичные формы демонстрации научного знания, в том числе и театрализованные, повышают свой социокультурный статус. В науке происходят те же процессы, что и в поэзии. Научные дискурсы проникли в тексты У. Шекспира и в сферу культуры в целом — поэзию, живопись, архитектуру и проч.

В английской культуре рубежа XVI–XVII веков фантазия писателей, ученых, читателей и зрителей создавала идеальные миры прошлого, настоящего и будущего. Обмен научных и поэтических дискурсов продолжается и в современной культуре, но уже в доминирующей позиции научного знания и рациональности, что порождает и особые проблемы.

С одной стороны, исключительная роль Шекспира в мировой культуре и развитие культурно-исторических исследований привели к тому, что мы представляем себе Лондон рубежа XVI–XVII веков полнее и точнее, чем в другие исторически сопоставимые периоды, включая положение дел в искусстве и политике, знаем даже, как выглядели исторические здания. С развитием искусственного интеллекта и — шире — цифровой культуры эти виртуальные миры будут только совершенствоваться.

С другой стороны, любая реконструкция чревата подменой, что видно в появлении «альтернативных Шекспиров» и «постбардовского Шекспира». Разнообразие шекспировских постановок и адаптаций в театре, кино, на трансмедийных площадках возможно, только если поддерживается определенный уровень требований к ним. Необходимо понимание сложности Шекспира и того, как противоречия внутри его пьес развиваются в гигантском многообразии исторических ситуаций и мест действия.

В юбилейные годы рождения и смерти поэта шекспировсфера стремительно расширяется, коммерциализуется и омассовляется за счет манипулятивных медиатехнологий: инсинуаций, домыслов, скандальных сенсаций, обострения «шекспировского вопроса», что, с одной стороны, пробуждает интерес к шекспировской эпохе и его современникам, с другой — превращает критику в произвольную игру фантазии.

Вечно перестраивая иерархии, шекспировсфера все дальше идет по пути усложнения. Основным трендом развития становится ее визуализация, втягивание потребителя в интерактивное, виртуально перевоссоздаваемое шекспировское пространство, причем мода на научно реконструированную «древность» и «аутентичность» сталкивается с «гламурностью» и редукцией поп-культуры.

Современные технологии виртуализации обогащают шекспировсферу визуально, поверхностно, не всегда наполняя ее новым содержанием, но сосуществуют в ней наравне с традиционными формами искусства (театр, литература, изобразительное искусство), а также с наукой и образованием.

Виртуальная шекспировсфера — бесконечно расширяющаяся вселенная, постоянно порождающая смыслы и новые траектории развития.

В 2020 году по марловианскому проекту Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) была издана коллективная научная монография «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд», посвященная памяти Валерия Андреевича Лукова (1948–2020). В авторском коллективе — коллеги и ученики ученого: Е. Н. Черноземова, Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин, И. И. Лисович, В. С. Макаров и Н. В. Шипилова.

Марловианский миф в классической и современной культуре представлен в монографии как анализ связи творчества К. Марло со средневековыми и ренессансными интеллектуальными практиками, дано осмысление его значения в английской литературе второй половины XVI века, обозначено влияние художественных идей и концепций гениального предшественника Шекспира на национальные культуры и литературы XVIII–XXI веков. Особое внимание уделено диалогу русской и мировой культур в возникновении и эволюции такого феномена, как «русский Марло». Исследование расширяет и уточняет существующие представления о К. Марло, его литературном наследии и героях, генезисе английского театра, роли университетских интеллектуалов в литературном Ренессансе, помогает понять величие и многогранность его творческого наследия.

В приложение вошло эссе Вал. А. Лукова «*Кристофер Марло как протосоциолог*», в котором автор продемонстрировал возможности междисциплинарного подхода к интерпретации литературного текста. Анализируя социальную и культурно-историческую проблематику произведений английского поэта, Вал. А. Луков пришел к мнению, что К. Марло следует считать одним из первых протосоциологов, который задолго до становления социологии увидел человека в его общественных связях, понял его роль и место в социальном мире Елизаветинской эпохи. Вал. А. Луков — автор концепции тезаурусного подхода, которую он разработал совместно со своим братом — выдающимся отечественным ученым-литературоведом и культурологом доктором филологических наук, профессором Вл. А. Луковым (1948–2014).

Изучение творчества Шекспира в XXI веке тесно связано и с Интернетом и информационными технологиями. Создание таких интернет-ресурсов, как информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир», электронная энциклопедия «Мир Шекспира», информационно-исследовательская база данных «Современники Шекспира», вносит значительную лепту в изучение и исследование творчества великого Барда в русскоязычном сегменте мировой информационной сети.

В XIX веке Шекспир вошел в образовательные программы, чего не было в XVII–XVIII веках. Его наследие востребовано не только в обязательном образовании. На примере его исторических произведений кризисному менеджменту обучаются управленцы высшего звена. Тренинги, организованные сыном знаменитого шекспировского актера Лоуренса Оливье

Ричардом, посещают политики, дипломаты, специалисты по рекламе, связям с общественностью, социологи, психологи, конфликтологи и т. д. Особенно популярен его авторский мастер-класс, который он разработал на материале шекспировского «Макбета» для обучения бизнесменов лидерским навыкам. Мастер-класс задуман в жанре мифодрамы и представляет собой синтез театра, психологии, мифологии и организационных тренингов. Пьеса Шекспира должна научить пониманию разных типов поведения, которые способны создавать или разрушать судьбы отдельных людей или целых корпораций.

В связи со стремительным развитием шекспировских массовых открытых онлайн-курсов среди преподавателей, шекспироведов, можно говорить об особой форме существования «шекспиросферы» в современном образовательном тезаурусе. Шекспир как культовый автор давно вошел в массовое сознание и спровоцировал создание шекспировской индустрии, которая опирается не столько на научные факты, сколько на культурный тезаурус интерпретаторов. Впрочем, университетский образовательный процесс и популярная культура остаются разными феноменами, хотя и схожими в некоторых чертах. Очевидно, что для создателей курсов, подобных «Сообществу Шекспира», главным является возможность применения новейших цифровых технологий для освоения колоссального массива информации о Шекспире и современном человеке в рамках работы конкретного МООКа. Возможно, что очень скоро мы станем свидетелями прорыва в использовании МООКов как наиболее целесообразной формы онлайн-образования и вполне вероятно, что опыт цифровой обработки тезауруса британского драматурга поможет этой образовательной революции в передаче гуманитарного знания.

Еще совсем недавно поклонников великого английского поэта и драматурга радовала возможность перелистать виртуальный том Первого фолио Mr. William Shakespeares Comedies, Histories, & Tragedies, изданного в 1623 году. Сегодня виртуальные онлайн-встречи с Шекспиром значительно расширяют возможности шекспиросферы. Некоторых это побуждает повторить прохождение курса, других, возможно, — создать свой шекспировский МООК.

Во всех курсах представлены разные подходы к изучению творчества Шекспира. Среди их создателей есть и всемирно известные ученые, и не менее маститые преподаватели, и молодые аспиранты. Объединяет их не только любовь к Шекспиру и стремление ввести в обучение студентов новые образовательные технологии, но и понимание того, что желание современного человека быть причастным к виртуальным шекспировским мирам с каждым годом усиливает славу Шекспира.

Новые культурные проекты были бы невозможны еще несколько десятилетий назад, и стремительное развитие виртуальных аналогов реального мира в самых разных областях жизнедеятельности задает новые рамки того, что могут выразить шекспировские образы применительно к тезаурусам и их ядру — картинам мира индивидов и человеческих общностей разного масштаба и культурных ориентаций.

Есть и обратная сторона этого процесса: соединиться с новыми технологиями, новыми образовательными программами может не любая архаика, ценная тем, что пережила века, но именно культурная константа, то есть такая духовная, нравственная, эстетическая ценность, которая сохраняет свою актуальность и мобилизующую силу для новых поколений.

Образовательные программы и информационная насыщенность Интернета представляют совершенно новые возможности для комплексного изучения человека на примере анализа творчества как Шекспира, так и его предшественников и последователей, а также современников из разных социальных групп.

Заключение

Представленные проекты показывают возможности применения тезаурусного анализа в решении задач комплексного изучения человека — одного из краеугольных камней современного гуманитарного знания. В известном смысле тезаурусный подход должен трансформироваться и стать методом анализа концептов и концептосфер, составляющих основу тезаурусов.

Как и инструмент познания, метод способствует формированию полноты и глубины знания в междисциплинарных исследованиях, когда каждый их сегмент раскрывает шекспировскую семантику культурных констант, объединяющих человечество и расширяющих тезаурус мировой культуры, не только национальный, но и мировой тезаурус творчества Шекспира.

Список источников

1. Вершинин И. В. Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII в. и «поэтизация» культуры : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03. — Самара, 2003. — 407 с.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. — М. : Педагогика, 1987. — 344 с.
3. Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. — М., 2009. — 194 с.
4. Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке : моногр. / под общ. ред. В. А. Лукова. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. — 680 с.
5. Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 320 с.
6. Захаров Н. В., Луков Вл. А. Гений на века: Шекспир в европейской культуре : моногр. — М. : Гуманит. ин-т телевидения и радиовещания, 2012. — 504 с.
7. Захаров Н. В., Луков Вал. А., Луков Вл. А. Драматургия А. С. Пушкина: проблема сценичности : моногр. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — 412 с.
8. Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира: теоретические проблемы : моногр. — М. : ГИТР, 2012. — 250 с.
9. Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира как ядро тезауруса в концепции Владимира Андреевича Лукова // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL : http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Kuznetsova_Cultural-World-View/ (дата обращения: 12.12.2016).
10. Кузнецова Т. Ф., Луков Вл. А. Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция). — 2009. — № 1. — С. 66–69.
11. Культурология. История мировой культуры : учеб. пособие / под ред. Т. Ф. Кузнецовой. — М. : Академия, 2003. — 605 с.
12. Литература : практикум : в 2 ч. / Вл. А. Луков, Н. В. Захаров, А. Б. Тарасов, В. В. Каблуков, К. Н. Кислицын ; под общ. ред. Вл. А. Лукова. Ч. 2 : Русская литература. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 147 с.
13. Луков В. А. Социальное проектирование : учеб. пособие. — М. : Моск. гуманит. ун-т : Флинта, 2010. — 240 с.
14. Луков В. А. Тезаурусная социология : моногр. : в 4 т. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018.
15. Луков В. А., Луков Вл. А. Теория тезаурусного подхода // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке : моногр. / под общ. ред. В. А. Лукова. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. — С. 557–655.
16. Луков В. А., Луков Вл. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания : моногр. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. — 784 с.
17. Луков В. А., Луков Вл. А. Зигмунд Фрейд: идеи для тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение : электрон. журн. — 2008. — № 2. — URL : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Lukovs_Freud/ (дата обращения: 25.12.2016).
18. Луков В. А., Луков Вл. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира : моногр. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. — 640 с.
19. Луков Вл. А. История литературы: зарубежная литература от истоков до наших дней : учеб. пособие. — М. : Академия, 2003. — 512 с.
20. Луков Вл. А. Предромантизм : моногр. — М. : Наука, 2006. — 683 с.
21. Луков Вл. А. Культ Шекспира как научная проблема // Вестник Международной академии наук (Русская секция). — 2006. — № 2. — С. 70–72.
22. Луков Вл. А. Европейская культура в русском тезаурусе : энциклопедические очерки : в 3 т / под общ. ред. Вал. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — Т. 1. — 559 с. ; Т. 2. — 636 с. ; Т. 3. — 541 с.
23. Луков Вл. А., Захаров Н. В. Культ Шекспира // Знание. Понимание. Умение : электрон. журн. — 2008. — № 1. — С. 132–141.

24. Луков Вл. А., Захаров Н. В. Культ Шекспира как социокультурный феномен // Вестник Международной академии наук (Русская секция). — 2008. — № 1. — С. 65–68.
25. Луков Вл. А., Захаров Н. В., Каблуков В. В. Литература : практикум : в 2 ч. / под общ. ред. Вл. А. Лукова. — Ч. 1 : Зарубежная литература. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.
26. Макаров В. С. МООКи о Шекспире: британский и российский опыт // Образовательные технологии. — 2015. — № 1. — С. 19–27.
27. Макаров В. С. С курсом “Hamlet's Ghost” в мир МООКов входит Стивен Гринблатт // Современники Шекспира. — 2016, 30 окт. — URL : ound-shake.ru/news/5056.htm (дата обращения: 25.10.2016).
28. Мaudсли Г. Гамлет. Психологический очерк // Знание. — 1874. — № 9. — С. 22–61.
29. Пастернак Б. Л. Избранное : в 2 т. — Т. 2 : Проза; Стихотворения. — М. : Худож. лит., 1985. — 559 с.
30. Погорский Э. К. Картина мира // Знание. Понимание. Умение : электрон. журн. — 2012. — № 4. — С. 322–323.
31. Пушкин А. С. Письмо к издателю «Московского вестника» // Собр. соч. : в 10 т. — Т. 6. — М. : ГИХЛ, 1962. — С. 280–284.
32. Соломатина Н. В. Оскар Уайльд: Создание автомифа и его трансформация в «биографическом жанре» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. — М., 2003. — 214 с.
33. Уэллс С. Шекспировская энциклопедия / пер. с англ. А. Шульгат. — М. : Радуга, 2002. — 270 с.
34. Фрейд З. Толкование сновидений : пер. с нем. — М. : Современные проблемы, 1913. — 620 с.
35. Шекспирсфера: виртуальные миры Шекспира и его современников : коллектив. моногр. / гл. ред. И. И. Лисович. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. — 480 с.

References

1. Vershinin I. V. *Predromanticheskie tendencii v anglijskoj poezii xviii v. i “poetizaciya” kul'tury* [Pre-Romantic Tendencies in English Poetry of the 18th Century and the “Poeticization” of Culture]. PhD Dissertation (Doctor of Philology). Samara, 2003. 407 p. (In Russian).
2. Vygot'sky L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow, Pedagogics Publ., 1987, 344 p. (In Russian).
3. Gaydin B. N. *Vechnye obrazy kak konstanty kul'tury (interpretaciya “gamletovskogo voprosa”)* [Eternal Images as Constants of Culture (Interpretation of the “Hamlet Question”)]. PhD dissertation (Candidate of Philosophy). Moscow, 2009, 194 p. (In Russian).
4. *Gumanitarnoe znanie: tendencii razvitiya v XXI veke.* (Ed. V. A. Lukov) [Humanitarian Knowledge: Development Trends in the XXI century]. Moscow, Publishing House of the National Institute of Business, 2006, 680 p. (In Russian).
5. Zakharov N. V. *Shekspirizm russkoj klassicheskoj literatury: tezaurnyj analiz* [Shakespearianism of Russian Classical Literature: Thesaurus Analysis]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2008, 320 p. (In Russian).
6. Zakharov N. V., Lukov V. A. *Genij na veka: Shekspir v evropejskoj kul'ture* [Genius for the Ages: Shakespeare in European Culture]. Moscow, Humanitarian Institute of Television and Radio Publ., 2012, 504 p. (In Russian).
7. Zakharov N. V., Lukov V. A., Lukov V. A. *Dramaturgiya A. S. Pushkina: problema scenichnosti* [Dramaturgy of A. S. Pushkin: the Problem of Stage Performance]. Scientific Monograph. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2015, 412 p. (In Russian).
8. Kuznetsova T. F. *Kul'turnaya kartina mira: teoreticheskie problemy* [Cultural Picture of the World: Theoretical Problems]. Moscow, Humanitarian Institute of Television and Radio Publ., 2012, 250 p. (In Russian).
9. Kuznetsova T. F. Cultural Picture of the World as the Core of the Thesaurus in the Concept of Vladimir Andreevich Lukov. *Znanie. Ponimanie. Umenie : informatsionnyj. gumanitarnyj portal* [Information Humanitarian Web Portal “Knowledge. Understanding. Skill”]. 2015, no. 3. Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/kuznetsova_cultural-world-view/ (accessed: 12.12.2016). (In Russian).
10. Kuznetsova T. F., Lukov V. A. Cultural Picture of the World in the Light of Trends in the Development of Cultural Studies. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk (Russkaya sekciya)* [Herald of the International Academy of Sciences (Russian section)]. 2009, no. 1, pp. 66–69. (In Russian).
11. *Kulturologiya. Istorija mirovoi kul'turi.* Ucheb. Posobie. Kuznetsova T. F. (ed.) [Culturology. History of World Culture. Textbook]. Moscow, Academy Publ., 2003, 605 p. (In Russian).

12. *Literatura. Practicum*. Lukov V. A. (ed.) [Literature. Workshop]. In 2 parts. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2006. Part 2. Russian Literature. (In Russian).
13. Lukov V. A. *Social'noe proektirovanie. Ucheb. posobie* [Social Design. Textbook]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., Flinta Publ., 2010, 240 p. (In Russian).
14. Lukov V. A. *Tezaurusnaya sociologiya* [Thesaurus Sociology]. In 4 vols. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2018. (In Russian).
15. Lukov V. A., Lukov V. A. Theory of the Thesaurus Approach. *Gumanitarnoe Znanie: Tendencii Razvitiya v XXI veke*. Lukov V. A. (ed.) [Humanitarian Knowledge: Development Trends in the XXI Century]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2006, pp. 557–655. (In Russian).
16. Lukov V. A., Lukov V. A. *Tezaurusy. Sub"ektnaya organizaciya gumanitarnogo znaniya* [Thesauri: Subject Organization of Humanitarian Knowledge]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2008, 784 p. (In Russian).
17. Lukov V. A., Lukov V. A. Sigmund Freud: Ideas for a Thesaurus Approach. *Znanie. Ponimanie. Umenie : elektronnyi zhurnal* [Electronic journal "Knowledge. Understanding. Skill"]. 2008, no. 2. Available at: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Lukovs Freud](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Lukovs%20Freud) (accessed 25.12.2016). (In Russian).
18. Lukov V. A., Lukov V. A. *Tezaurusy II: Tezaurusnyj podhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: Thesaurus Approach to Understanding Man and His World]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2013, 640 p. (In Russian).
19. Lukov V. A. *Istoriya literatury: zarubezhnaya literatura ot istokov do nashih dnei. Ucheb. posobie* [Literary History: Foreign Literature from Its Origins to the Present Day. Manual for university Students]. Moscow, Academy Publ., 2003. 512 p. (In Russian).
20. Lukov V. A. *Predromantizm* [Pre-Romanticism]. Moscow, Science Publ., 2006, 683 p. (In Russian).
21. Lukov V. A. Shakespeare's Cult as a Scientific Problem. *Vestnik mezhdunarodnoj akademii nauk (russkaya sekciya)* [Herald of the International Academy of Sciences (Russian Section)]. 2006, no. 2, pp. 70–72. (In Russian).
22. Lukov V. A. *Evropejskaya kul'tura v russkom tezauruse : enciklopedicheskie ocherki. V 3 t.* (Ed. Lukov V. A.) [European Culture in the Russian Thesaurus: encyclopedic essays. In 3 vols]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2018. (In Russian).
23. Lukov V. A., Zakharov N. V. The Cult of Shakespeare. *Znanie. Ponimanie. Umenie : elektronnyi zhurnal* [Electronic journal "Knowledge. Understanding. Skill"]. 2008, no. 1, pp. 132–141. (In Russian).
24. Lukov V. A., Zakharov N. V. Shakespeare's Cult as a Socio-cultural Phenomenon. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk (Russkaya sekciya)* [Herald of the International Academy of Sciences (Russian section)]. 2008, no. 1, pp. 65–68. (In Russian).
25. Lukov V. A., Zakharov N. V., Kablukov V. V. *Literatura. Praktikum. V 2 ch.* [Literature. Workshop. In 2 parts]. (Ed. Lukov V. A.). Part 1: Foreign Literature. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2007. (In Russian).
26. Makarov V. S. MOOCs on Shakespeare: British and Russian experience. *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational technologies]. 2015, no. 1, pp. 19–27. (In Russian)
27. Makarov V. S. With the Course "Hamlet's Ghost" Stephen Greenblatt Enters The World Of MOOCs. *Sovremenniki Shekspira* [Shakespeare's Contemporaries]. Available at: OUND-SHAKE.RU/NEWS/5056.HTM (accessed: 25.10.2016). (In Russian).
28. Maudsley G. Hamlet. Psychological sketch. *Znanije* [Knowledge]. 1874, no. 9, pp. 22–61. (In Russian).
29. Pasternak B. L. *Izbrannoje. V 2 Toma* [h. Tom 2 : Proza. Stikhotvoreniya] [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2. Prose; Poems]. Moscow, Fiction Publ., 1985, 559 p. (In Russian).
30. Pogorsky E. K. Picture of the World. *Znanie. Ponimanie. Umenie : elektronnyi zhurnal* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2012, no. 4, pp. 322–323. (In Russian).
31. Pushkin A. S. Letter to the Editor of "Moscow Herald". *Sobranije sochinenij. V 10 tomakh. Tom 6* [Collected works in 10 vols. Vol. 6]. Moscow, GIHL, 1962, pp. 280–284. (In Russian).
32. Solomatina N. V. *Oskar Uajld: Sozdanie avtomifa i ego transformaciya v "biograficheskom zhanre"* [Oscar Wilde: the Creation of an Automyth and its transformation into the "biographical genre"]. PhD Dissertation (Cand. Of Philology). Moscow, 2003, 204 p. (In Russian).
33. Wells S. *Shekspirovskaya Encyklopedija* [Shakespeare's Encyclopedia]. S. Wells with The Participation of J. Shaw; trans. from English A. Shulgat. Moscow, Raduga Publ., 2002, 270 p. (In Russian).

34. Freud Z. *Tolkovanije Snovidenij* [Interpretation of Dreams: trans.] Moscow, Modern problems, 1913, 620 p. (In Russian).

35. *Shekspiroŝfera: virtual'nye miry Shekspira i ego sovremennikov. Kollektivnaya monografija* (Ch. Ed. I. I. Lisovich) [Shakespeare: The Virtual Worlds of Shakespeare and his Contemporaries: Multi-Authored Monograph. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2016, 480 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Захаров Николай Владимирович — доктор философии, кандидат филологических наук, директор Шекспировского центра Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия), сопредседатель Шекспировской комиссии РАН.

Information about the author

Zakharov Nikolai Vladimirovich — PhD (Philology), Head of Shakespeare Centre, Institute of Fundamental and Applied Research at Moscow Humanitarian University (Moscow). Academician of the International Academy of Sciences (IAS, Innsbruck, Austria), Co-Chairman of Shakespeare Committee, Russian Academy of Sciences.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2021;
одобрена после рецензирования 16.07.2021;
принята к публикации 10.08.2021.*

*Submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 16.07.2021;
accepted for publication 10.08.2021.*

РАЗДЕЛ II

ФУНКЦИОНАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КОММУНИКАЦИИ

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 25–32.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):25–32.

Научная статья
УДК: 81'22 + 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.003

Авторский диалог в романе А. Мёрдок «Море, море»

*Валерия Александровна Байко*¹,
*Екатерина Михайловна Галанова*²

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия,
beskar_valeria@inbox.ru

² Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
в Севастополе, Россия, katya_gala@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль авторского диалога в философско-психологическом романе Айрис Мёрдок «Море, море» (Iris Murdoch “The Sea, the Sea”, 1978) в раскрытии авторского замысла в целом и выявлении аспектов диалогичности художественного текста. На сегодняшний день отсутствуют лингвистические исследования данного популярного романа, который представляет прекрасный образец философско-психологического произведения литературы XX века и отражает актуальные тенденции работы с художественным словом, что обуславливает актуальность и научную новизну работы. Авторы статьи на материале романа А. Мёрдок анализируют диалогические маркеры речевого взаимодействия, опираясь на теорию, разработанную в исследовании Т. Ф. Плехановой, посвященную анализу художественного текста как дискурса в его диалогическом измерении, предлагают классификацию диалогических маркеров авторско-читательского взаимодействия, выявляют языковые средства, оформляющие непосредственный диалогический контакт, проводят подробный лингвостилистический анализ наиболее интересных фрагментов речевого взаимодействия, делают выводы об их роли в реализации авторского замысла.

Ключевые слова: дискурс, дейксис, хронотоп, художественный текст, языковые средства, авторский диалог, диалогические маркеры, временной сдвиг, смена повествовательного лица, семантический сдвиг к обобщению.

Для цитирования: Байко В. А., Галанова Е. М. Авторский диалог в романе А. Мёрдок «Море, море» // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 25–32. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.003.

Original article

Authorial dialogue in Iris Murdoch’s “The Sea, the Sea”

*Valeria A. Baiko*¹,
*Ekaterina M. Galanova*²

¹ Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
beskar_valeria@inbox.ru

² Sevastopol branch of Moscow State University Sevastopol, Russia
katya_gala@mail.ru

Abstract. The article discusses the role of the authorial dialogue in the philosophical and psychological novel by Iris Murdoch “The Sea, the Sea” in revealing the authorial intent, namely aspects of the dialogic character of a literary text. The popular novel by Iris Murdoch is a perfect specimen of philosophical and psychological fiction of the twentieth century reflecting up-to-date literary trends; however, it has not undergone any thorough linguistic analysis so far. This fact determines the topicality and novelty of the research conducted. The authors investigate dialogical markers of speech interaction based on the theory devoted to the analysis of a literary text as a discourse in its dialogical dimension developed by T. F. Plekhanova. Based on the results of the Plekhanova research, the authors of the article offer a classification of dialogical markers of author-reader interaction; identify linguistic means that form direct dialogical contact, conduct a detailed linguistic and stylistic analysis of the most interesting fragments of speech interaction, make conclusions about their role in the implementation of the authorial intent.

Keywords: discourse, deixis, chronotope, literary text, linguistic means, authorial dialogue, dialogical markers, time shift, change of narrative person, semantic shift towards generalization.

For citation: Baiko V. A., Galanova E. M. Authorial dialogue in Iris Murdoch’s “The Sea, the Sea”. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021;3(58):25–32 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.003.

В романе А. Мёрдок «Море, море» (Iris Murdoch. *The Sea, the Sea*) раскрывается проблема случайности и необходимости в жизни человека. В романе игра случайностей в жизни успешного театрального режиссера Чарлза Эрруоби не только мешает ему уехать из Лондона и уединиться в Шрафф-Энд — доме на скалистом берегу моря, чтобы отдалиться любимым занятиям, но и втягивает его в сложные, завершающиеся трагедией взаимоотношения с Хартли, его первой возлюбленной и ее семьей.

Главная идея произведения заключается в том, что «пороки среды воздействуют на людей и часто извращают их чувства и поведение» [Михальская, 2007, с. 443].

Одним из эффективных средств воздействия на читателя и одновременно воплощения целостного авторского замысла в данном романе является авторский диалог.

Прежде чем перейти к анализу материала исследования, раскроем понятие авторского диалога в художественном тексте.

Проблематика субъектного присутствия автора в литературном произведении, поднятая в свое время М. М. Бахтиным [Бахтин, 1997], и сегодня является актуальной для различных отраслей филологического знания. Диалогичность как конституционное свойство художественного текста становится предметом многочисленных исследований и в лингвистике. Особенностью лингвистических исследований является их целевая ориентация не только на эксплицитные и имплицитные стратегии диалогического дискурса, но и на комбинаторику дискурсивных тактик, которые в широком спектре от отдельного словосочетания до развернутого высказывания определяют индивидуальность авторского рисунка текста.

Функциональность дискурсивных тактик заключается в тождественности авторско-читательской интерпретации значений конкретной языковой единицы. Таким образом, можно говорить о том, что компетенции дискурсивных тактик находятся в области дейксиса дискурса, то есть с позиции коммуникативной лингвистики имеют метакоммуникативную природу [Аристов, Сусов, 1999].

Так, Е. В. Падучева при анализе текста предлагает прежде всего выделять его «метатекстовый каркас». По ее мнению, авторское сознание в тексте отображено через механизм композиционного единства характеристик литературных персонажей и контента самого повествования. Таким образом, на уровне языка сознание автора в тексте представлено феноменом несобственно-прямой речи «со всеми ее лингвистическими атрибутами», или «вторичным дейксисом» [Падучева, 2011, с. 411].

А. Вежбицкая, работая над вопросами функционирования метатекста, рассматривает его как связующую составляющую коммуникативного дейксиса в дискурсе, формирующую в конечном счете семантическую организацию всего текста. Анализируя варианты метатекстовых интерпретаций, ученый выделяет в них элементы как вводного характера, выраженные малыми

текстовыми формами, так и значительные по объему текстовые массивы, ориентирующие читателя в общем пространстве текста. Данные элементы выполняют таким образом роль проводника-комментатора, или «мета-организатора» текста [Вежбицкая, 1978, с. 418].

Говоря о коммуникативной стратегии конкретного дискурса, необходимо обращать внимание не только на алгоритм его развития, но и на аспекты, связанные с мотивацией читательского внимания, утверждением правоты авторской позиции. Иными словами, речь идет о процессе планирования межличностного вербального контакта, или «сценария взаимодействия» [Макаров, 2003, с. 102].

Подобный сценарий всегда строится с учетом определенной авторско-читательской общности знаний, понятий и чувств. Данная общность лежит в основе стратегии любого дискурса, тем самым формируя его текстовый прототип. Таким образом, прототип текста представляет собой некую «общую точку отсчета», без которой понимание авторского замысла для читателя становится невозможным [Воробьева, 1993, с. 14]. Прототип художественного текста построен на игровом принципе. Созданный автором фикциональный мир литературного произведения, по выражению М. Риффатерра, воспринимается читателем как достоверный благодаря «лингвистическим структурам правдоподобия» [Riffaterre, 1990, p. 17].

Полифонию лингвистических конструкторов в прототипе диалога условно можно разделить на две категории: прямая авторская речь, то есть непосредственно авторско-читательское взаимодействие, и имплицитные формы трансляции авторского сознания, когда контакт с читателем происходит опосредованно через механизм художественного образа.

При анализе текста для распознавания диалогических структур в своем исследовании мы использовали метод систематизации диалогических маркеров, предложенный Т. Ф. Плехановой. Согласно данному методу, к указанным маркерам относятся языковые средства, так или иначе реализующие функцию межличностного контакта. Диалогический маркер определяет в текстовом пространстве границы, в пределах которых развивается авторский диалог [Плеханова, 2011].

Т. Ф. Плеханова дифференцирует диалогические маркеры по следующим категориям:

1) *временной сдвиг* (фактически контакт в диалоге возможен только в режиме реального времени, что предопределяет восприятие читателем повествования рамками текущего момента);

2) *смена повествовательного лица* (субъектная принадлежность адресанта в динамике сюжетного развития может изменяться от первого лица к третьему или в количественном измерении от единственного к множественному);

3) *формы повелительного и сослагательного наклонения* (в структуре диалога неизменно присутствует элемент соподчиненности его участников; ролевая функция такого соподчинения на лингвистическом уровне проявляется по форме употребляемого в высказывании наклонения);

4) *интерсубъективный модальный план* (диалогическими маркерами интерсубъективной модальности являются используемые автором формы глагольного наклонения; согласно авторской стратегии, диалог с читателем может строиться на конфликте индивидуального восприятия трех миров или трех интермодальностей: реального мира, мира авторского вымысла и мира отдельного литературного персонажа);

5) *фатические языковые средства* (языковые средства, используемые для инициации контакта с адресатом);

6) *средства проксемики* (отдельные слова и словосочетания, указывающие на дистанцию между автором и адресатом);

7) *семантический сдвиг к обобщению* (ведет к созданию разделенного смысла: употреблению абстрактных существительных, модальных слов и выражений, квалифицирующих и обобщающих метафор, означающих переход к интерсубъективности) [Плеханова, 2011, с. 162–172].

Перейдем к непосредственному анализу произведения. Следует отметить, что море в романе А. Мёрдок «Море, море» приобретает символическое значение. Размышления и воспоминания героя о его собственной жизни, описания природы и морских пейзажей выливаются

в рассуждения о человеке и окружающем его мире. Формирование коммуникативного пространства текста происходит в самом начале повествования, когда герой оказывается в своем новом доме на краю скалистого утеса и в форме дневниковых записей знакомит нас с окружающей его природой, морем, домом, вспоминая свое прошлое — семью, друзей, коллег. Обращение героя к читателю представлено как монолог от первого лица, в котором одновременно присутствует прямая речь других персонажей.

Чарлз Эрроуби условно делит свои записи на две части: «Предысторию» и «Историю». В первой части повествования главный герой делится воспоминаниями своей молодости, о судьбе молодого человека из бедной семьи. Главный герой с детства увлечен театром, и в частности творчеством Шекспира. Он много работает и в результате добивается успеха в театральном мире. Но прожив большую и яркую жизнь, полную труда и страстей, Чарлз все-таки испытывает неудовлетворенность.

На этом этапе жизненного пути своего героя автор показывает его с другой стороны. Достигнув славы и материальной стабильности, он в то же время безнадежно одинок. Навязчивой идеей в его сознании присутствуют воспоминания о первой любви к Хартли (Мери Хартли Смит). Покупая дом на пустынном берегу моря, Чарлз Эрроуби ищет покой в уединении, но волею судьбы здесь он встречает ту, которую не может забыть уже сорок лет. Отчаянно пытаясь добиться у своей возлюбленной взаимности, Чарлз совершает ряд необдуманных поступков, которые приводят к трагической смерти Титуса — приемного сына Хартли.

Проведя своего героя через муки совести и душевные страдания, автор в конце романа возвращает Чарлза в большой город с его жестокими нравами.

Коммуникативное пространство романа создается в рамках хронотопа «море»: роман начинается словами “*The sea which lies before me as I write glows rather than sparkles in the bland May sunshine*” [Murdoch, 1978, p. 14] («Море, которое простирается передо мной, когда я пишу эти строки, скорее светится, чем искрится в мягких лучах майского солнца»¹). Слово “*sea*” (море) является ключевым и повторяется в романе 228 раз; данное ключевое слово употребляется в отстраненных рассуждениях героя как обозначение событийного агенса, который может в зависимости от ситуации вызывать противоречивые чувства от восхищения “*Oh blessed northern sea, a real sea with clean merciful tides, not like the stinking soupy Mediterranean!*” («О благословенное северное море, настоящее море с его чистыми благосклонными приливами, не то, что Средиземное, похожее на вонючий теплый суп!») до панического страха “*this sea’s a killer*” («это море — убийца»). Когда же в повествовании автор выделяет непосредственный контакт героя с морем, то для описания морской стихии в качестве обозначения агенса он использует слова “*water*” (вода) (79 словоупотреблений), “*waves*” (волны) (60 словоупотреблений), “*surface*” (поверхность) (28 словоупотреблений) и “*foam*” (пена) (7 словоупотреблений), которые при необходимости пространственной ориентации дополняются пояснительными словами: бухта, пляж, побережье.

Автор использует лексическое многообразие в нарративе моря для инициации рефлексивного дискурса, что позволяет ему применять метафорические конструкты для диалога с читателем на темы, связанные с проблемами социума и отдельной личности. При этом следует отметить, что море как бы оживает, его описание сопровождается образными сравнениями “*the water undulated calmly, smooth and shining upon the surface, like the rind of a fruit, the sea was like liquid jelly*” («вода тихо покачивалась, гладкая и блестящая на поверхности, точно фруктовая кожура; море было похоже на жидкое желе»), эпитетами “*gentle waves, calm quiet sea, glycerine sea, rushing foaming water*” («нежные волны; тихое спокойное море; глицериновое море; бурлящая пенящаяся вода»), метафорой “*it [the sea] leans quietly against the land; it was so close to the sea which was gently slapping the rock just below; I could hear them [the waves] roaring into the cauldron*” («оно [море] тихо прижималось к земле; это было так близко к морю, которое легонько шлепало скалу прямо у подножья; я мог слышать как они [волны] ревели в котле).

¹ Здесь и далее по тексту перевод наш. — В. Б., Е. Г.

Метафора, эпитеты и сравнения не только характеризуют море, но и говорят о восхищении героя морской стихией, ее разнообразием и красотой. Он называет море благословенным, настоящим, мягким, спокойным, радостным и счастливым (*blessed, real, gentle, calm, happy, joyful*), воспринимая его как избавление от общества (*I had not been wrong in thinking of the sea as a source of peace*), как уединенный райский уголок (*what a paradise, I shall never tire of this sea and this sky*) и сравнивая цвет моря с цветом глаз своей первой возлюбленной (*the sea was now a bluish purple, the colour of Hartley's eyes*).

С развитием сюжетного действия, когда Чарлз Эрроуби понимает, что ему не удалось скрыться от городской жизни, от прежних знакомых и проблем, тональность повествования меняется, меняется и описание цветовой гаммы моря. В начале романа, когда главный герой полон надежд на новую жизнь, цвет моря как бы отвечает на его ожидания, в описаниях моря преобладают оттенки голубого и зеленого цветов, которые символизируют молодость и идиллические мечты: *golden, goldeny-brown, emerald green, blue and white, a very pale blue, the colour of very light blue*. В ходе развития действия меняются взгляды и поведение героя, а вслед за ними изменяется и цвет моря. Оно уже не выглядит таким лазурным, спокойным, безмятежным, как прежде, теперь оно таит в себе скрытую угрозу, в описании начинают преобладать оттенки темно-зеленого, темно-синего и серого цветов (*bottle green colour, deep dark green glass, dark blue, choppy dark blue-grey, grey, slightly greyish*), которые несут в себе отрицательный оттенок, ассоциируясь с чем-то плохим и безрадостным, символизирующим опасность, беду и несчастье.

После падения в море со скалистого берега и чудом избежав смерти, Чарлз Эрроуби начинает понимать, что море — это природная стихия, таящая в себе скрытую угрозу для его жизни. Посредством развернутой метафоры и эпитетов (*the sea was menacingly quiet; waves climbed the rocks; horrible sea; restless rushing sea; ferocious water*) автор через описание моря передает нарастающее беспокойство героя, переходящее в тревожное состояние, связанное с олицетворением моря со смертью. В итоге Чарлз Эрроуби начинает воспринимать море как живое существо: *“The sea... was in a quietly dangerously violent mood”*; *“The sea was in a restless fussy mood”*; *“The sea was silent”*; *“I could now hear the soft grating sound of the waves, like a gentle scratching of fingers upon a soft surface”* («Море... было в молчаливом, угрожающе яростном настроении»; «Море было в беспокойно суетливом настроении»; «море было молчаливо»; «Сейчас я мог слышать мягкий царапающий звук волн, похожий на легкое царапанье пальцев о мягкую поверхность»).

Одушевление моря и воплощение в нем образа смерти достигает своей полноты после трагической гибели подростка Титуса. В результате этого события Чарлз Эрроуби осознает, что море может быть враждебным и опасным для него лично и ему надо как-то противостоять этому: *“Oh God, if I had only told Titus, don't swim there, it's dangerous. If there's any swell you can't get out. Never swim in a rough sea, dear boy, this sea's a killer”* [Murdoch, 1978, p. 312] («О Боже, если бы я только сказал Титусу не плавать там, это опасно. Если на море волнение, ты не сможешь выбраться. Никогда не плавай в бурном море, дорогой мальчик, это море — убийца»).

Маркером авторского диалога в данном фрагменте является смена глагольного наклонения. В начальной фазе монолога героя автор использует сослагательную форму *“if I had only told Titus”* («если бы я только сказал Титусу»), а завершает его глаголами в повелительном наклонении: *“don't swim, it's dangerous, Never swim...”* («не плавай, это опасно, никогда не плавай...»). Единство дискурсивного действия, его постоянный характер подчеркивается и наречием *“never”*. Утвердительный финал монолога, выводы, сделанные в нем героем, передают читателю позицию автора относительно вопросов генезиса личности и факторов, влияющих на этот процесс.

Сметрь Титуса заставляет Чарлза Эрроуби взглянуть на себя со стороны, чтобы найти новое понимание своим прежним поступкам, пересмотреть свое отношение к окружающим его людям. Картина рефлексии главного героя представлена в тексте анализом и оценкой, неприемлемой, на первый взгляд, для него ситуацией:

“By what strange path of accidents, alive with so many other possibilities, had he made his way to the base of that sheer rock where he had tried again and again to pull himself out of the moving teasing killing sea? I ought to have warned him, I ought never to have dived in with him on that first day; I had destroyed him because I so rejoiced in his youth and because I had to pretend to be young too. He died because he trusted me. My vanity destroyed him. It is a matter of causality. The payment for faults is automatic” [Murdoch, 1978, p. 346].

В данном фрагменте маркерами авторского диалога являются сдвиг повествовательного лица и временной сдвиг. Повествование в указанном фрагменте начинается с высказывания персонажа, повествовательная субъектность которого определена местоимением третьего лица единственного числа. Временной статус действия выражен глагольной формой прошедшего времени: *“had he made, he had tried”* («он выбрал, он пытался»). В той части повествования, где дается авторский комментарий на представленную позицию героя, субъектность говорящего лица меняется на форму первого лица единственного числа. Одновременно со сменой субъектности повествовательного лица происходит и смена временной формы глагола с прошедшей на настоящую: *“I ought”*; *“I had destroyed”* («Я должен»; «Я уничтожил»). Данный прием позволяет автору реализовать свою дискурсивную стратегию, так как переводит читателя от положения стороннего наблюдателя в статус соучастника диалога: *“It is a matter of causality. The payment for faults is automatic”* («Все дело в причинно-следственной связи. Расплата за ошибки неизбежна»). В этом случае словосочетание *“It is”* определяет для читателя общность людей, в которую входят и он, и автор, и персонажи. Ощущение сопричастности запускает у него механизм субъектного чувственного опыта, что в свою очередь способствует расширению диалогового пространства текста.

Тема жизни и смерти звучит по нарастающей во внутреннем диалоге главного героя, обращенном к прожитой жизни, к воспоминаниям, к взаимоотношениям, и постепенно Чарльз Эрроуби приходит к следующему обобщению посредством образного сравнения: *“Time, like the sea, unties all knots”* [Murdoch, 1978, p. 358] («Время, как и море, развязывает все узлы»).

Заостряя конфликты, создавая крайние жизненные ситуации, А. Мёрдок побуждает своего героя, а вместе с ним и читателя снова и снова решать проблему морального выбора, задавать себе вопрос о смысле жизни, о цене счастья:

“What innumerable chains of fatal causes one’s vanity, one’s jealousy, one’s cupidity, one’s cowardice have laid upon the earth to be traps for others. It is strange to think that when I went to the sea I imagined that I was giving up the world. But one surrenders power in one form, and grasps it in another. Perhaps in a way James and I had the same problem?” [Murdoch, 1978, p. 372].

В представленном фрагменте, наряду с такими маркерами авторского диалога, как смена субъекта повествования и временной сдвиг, автор использует неопределенно-личные местоимения *one’s, one, it* (кто-то, один, это), осуществляя таким образом семантический сдвиг к обобщению. Чередование данных местоимений способствует усилению субъективной оценки, эмоциональности выражения: *“It is strange to think that when I went to the sea I imagined that I was giving up the world. But one surrenders power in one form, and grasps it in another”* («Странно думать, что, когда я ушел к морю, я вообразил, что отказываюсь от мира. Но отказываясь от власти в одной форме, мы хватаемся за нее в другой»).

Эти размышления представляют собой обращенный дискурс — автор через обращение Чарльза Эрроуби к себе, обращается к читателю, заставляя его задуматься о жизненных ценностях. Риторический вопрос *“Perhaps in a way James and I had the same problem?”* («Возможно, в каком-то смысле у нас с Джеймсом была такая же проблема?»), завершающий внутренний диалог героя является кульминацией романа. Данный вопрос в диалогическом дискурсе повествования, безусловно, направлен к читателю. Тональность диалога, задаваемая автором посредством риторического вопроса, значительно расширяет семантическое пространство текста, смысловое значение которого уже не умещается в хронотоп «море». Эти размышления составляют кульминацию романа.

Проведенное исследование позволяет нам сделать выводы, что контуры диалогического пространства данного романа намечены ключевыми словами “*sea*”, “*water*”, “*waves*”, “*surface*”, “*foam*”, составляющими номинативную основу текста. Стратегия авторского диалога с читателем основана в романе на рефлексивном дискурсе, который помещен в рамки хронотопа «море». С применением образного сравнения, эпитетов, развернутой метафоры и олицетворения проблематика взаимоотношений личности и социума переносится автором в картины явлений материальной природы — морские пейзажи.

Исследование показало также, что границы диалогической зоны обозначены следующими диалогическими маркерами: 1) временной сдвиг; 2) изменение наклонения и модального плана; 3) смена повествовательного лица; 4) семантический сдвиг к обобщению.

Результаты представленного исследования свидетельствуют о том, что в рамках художественного произведения слияние голоса автора с голосом персонажа создает в семантике повествования зоны смыслового уплотнения, призванные акцентировать внимание на ключевых значениях нарратива, реализуя таким образом стратегию авторского диалога. Кроме того, следует отметить, что диалог автора с персонажем по форме носит латентный характер и проявляет себя только отдельными диалогическими маркерами.

Список источников

1. Аристов С. А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник : сб. науч. работ. — Ижевск : Sancta Lingua, 1999. — Вып. 1. — С. 3–29.
2. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч. : в 7 т. — М. : Русские словари, 1997. — Т. 5. — С. 287–297.
3. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 8 : Лингвистика текста. — М. : Прогресс, 1978. — С. 402–421.
4. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата. — Киев : Вища шк., 1993. — 200 с.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
6. Михальская Н. П. История английской литературы. — 2-е изд., стер. — М. : Академия, 2007. — 480 с.
7. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М. : Языки славянской культуры, 2011. — 480 с.
8. Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста : пособие для студентов вузов. — Минск : ТетраСистемс, 2011. — 368 с.
9. Riffaterre M. Fictional Truth. — Baltimore ; London : The Johns Hopkins Univ. Press, 1990. — 137 p.
10. Murdoch I. The Sea, the Sea. — Penguin Classics, 1978. — 373 p.

References

1. Aristov S. A., Susov I. P. Communicative-cognitive linguistics and colloquial discourse. *Lingvisticheskiy vestnik* [Linguistic Bulletin]. Izhevsk, Sancta Lingua Publ., 1999, vol. 1, pp. 3–29. (In Russian).
2. Bakhtin M. M. Language in the literary text. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [Complete Works in 7 vol.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, T. 5, pp. 287–297. (In Russian).
3. Vezhbickaya A. Metatext in the text. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New trends in the foreign linguistics. Text linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, vol. 8, pp. 402–421. (In Russian).
4. Vorob'eva O. P. *Tekstovye kategorii i faktor adresata* [Text categories and addressee factor]. Kiev, Vishcha shk. Publ., 1993, 200 p. (In Russian).
5. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Basis of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003, 280 p. (In Russian).
6. Mikhalskaya N. P. *Istoriya anglijskoj literatury* [History of English literature]. Moscow, Academy Publ., 2007, 480 p. (In Russian).
7. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of time and type in Russian; Narrative semantics.]. Moscow, Yazyki slavianskoj kul'tury Publ., 2011, 480 p. (In Russian).

8. Plekhanova T. F. *Diskurs-analiz teksta: posobie dlya studentov vuzov* [Discourse analysis of the text: a guide for university students]. Minsk, TetraSistems Publ., 2011, 368 p. (In Russian).
9. Riffaterre M. *Fictional Truth*. Baltimore, London, The Johns Hopkins Univ. Press Publ., 1990, 137 p.
10. Murdoch I. *The Sea, the Sea*. Penguin Classics Publ., 1978, 373 p.

Информация об авторах

В. А. Байко — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Севастопольского государственного университета.

Е. М. Галанова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе.

Information about the authors

V. A. Baiko — Ph. D. (Philology), Senior Teacher, Foreign Languages Dpt., Sevastopol State University.

E. M. Galanova — Ph. D. (Philology), Associate Professor, Russian Language and Literature Dpt., Sevastopol branch of Moscow State University.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2021;
одобрена после рецензирования 11.08.2021;
принята к публикации 11.08.2021.*

*Submitted 07.08.2021;
approved after reviewing 11.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 33–42.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):33–42.

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.004

Явление английской акцентуации в свете современных лингвокультурологических реалий

Светлана Владимировна Дечева¹
Анастасия Валерьевна Копанева²

^{1, 2} Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ dechevasv@gmail.com

² anastasiya25n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие лингвокультурологически обусловленной акцентуации в современном английском языке. Несмотря на значительное количество работ, посвященных явлению дополнительной слоговой и словесной выделенности, до сих пор при его изучении основной упор, как правило, делается на грамматико-синтаксические и лексико-фразеологические предпосылки его возникновения. Что же касается этических аспектов, таких как различный менталитет участников общения или же свойственные тому или иному языковому коллективу особенности оформления речи, которые также влияют на местоположение и выбор просодических средств, участвующих в реализации акцентного выделения, то они все еще остаются во многом не раскрытыми и требуют более подробного освещения. В этой связи предпринятый в данной работе анализ публичных выступлений представителей британской аристократической элиты с опорой на принципы когнитивной силлабики оказывается особенно продуктивным. Результаты когнитивной обработки нашего материала свидетельствуют о том, что успешное усвоение современной английской акцентуации и осуществление эффективного и действенного общения в глобальном англоязычном пространстве становятся возможными только при учете лингвокультурологических предпосылок акцентного выделения и последних инновационных процессов в английской культуре речи.

Ключевые слова: силлабика, когнитивная обработка, акцентуация, эффект выделенности, этика интеллективного общения.

Для цитирования: Дечева С. В., Копанева А. В. Явление английской акцентуации в свете современных лингвокультурологических реалий // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 33–42. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.004.

Original article

English Accentuation in Terms of the Present-Day Linguoculturological Realia

Svetlana V. Decheva¹, Anastasia V. Kopaneva²

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ dechevasv@gmail.com

² anastasiya25n@mail.ru

Abstract. This article deals with the linguoculturological aspect of accentuation in modern British English. Although the phenomenon of accent is a very prolific subject both in this country and abroad, so far the effect of additional prominence in different genres of intellectual communication has been studied mostly from the viewpoint of its grammatical, syntactic or lexical-phraseological antecedents. However, there is a whole range of other, no less significant, social-cultural-historical, psychological as well as ethical factors, such as the speakers' worldview or the phonetic

and linguistic outlook typical of the representatives of this or that speech community, which also play an important role in the localisation of accents and the choice of the prosodic means that make for their accentual highlighting in the flow of speech. These aspects of accentuation have not yet received all the attention they deserve and require further elaboration and interpretation in phonetic and, especially, syllabic terms. The cognitive processing of public speeches belonging to the members of the British aristocracy turns out to be highly illuminating in this respect. Our material indicates that in order to make accentuation part of our philological proficiency and optimize the process of communication in the English language as a lingua franca we need to take into account both the ethical properties of the phenomenon in question and the innovative trends in the present-day British English speaking culture.

Keywords: syllabics, cognitive processing, accentual highlighting, the effect of additional prominence, the ethical aspect of intellectual communication.

For citation: Decheva S. V., Kopaneva A. V. English Accentuation in Terms of the Present-Day Linguocultural Realia. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole*. 2021; 3(58):33–42. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.004.

Представление о том, что без детального фонового знания культуры той или иной страны эффективность использования языка в процессе коммуникации значительно снижается, разделяют многие лингвисты и специалисты в области преподавания иностранных языков [Тер-Минасова, 2007 ; Crystal, 2009 ; Баранова, 2015]. Дело в том, что несмотря на то, что наш мир существует объективно, его восприятие разными народами оказывается неодинаковым, что прежде всего прослеживается на уровне языка. Последний является своеобразным зеркалом окружающей действительности, он отражает ее и создает картину мира, уникальную для каждого речевого сообщества.

Таким образом, овладевая языком, люди осваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений, а также перенимают заложенные в нем правила поведения, систему ценностей и моральные принципы того общества, частью которого они являются. Именно поэтому считается, что успешность речепроизводства на иностранном языке неизбежно сопряжена с пониманием культурных и социальных сторон жизни говорящих на нем людей, а также с особенностями их национального характера, эмоционального склада и мышления [Тер-Минасова, 2007].

Отмечается, например, что для англичан в социокультурном плане важно при общении с другими людьми не навязывать своего мнения, не подчеркивать свою значимость или относиться к себе слишком серьезно. Иными словами, как признают сами британцы, “*the importance of not being earnest*” является одной из главных черт английского коммуникативного поведения [Fox, 2004, p. 66]. Это выражается в том, что юмор и ирония (и в том числе самоирония) прослеживаются на всех уровнях общения на английском языке. При этом они часто преподносятся в сдержанной манере и строятся в соответствии с типичной для английской речи тенденцией к преуменьшению и недосказанности (*understatement*), за счет чего представителям иных языковых коллективов бывает нелегко их проследить [Fox, 2004 ; Hewitt, 2009; Тер-Минасова, 2007]. Не зная этих лингвокультурологических особенностей, они могут испытывать сложности при расшифровке тех экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций, которые для британцев являются очевидными и как бы читаются между строк.

В этой связи особую актуальность приобретает понимание того, как под влиянием такого рода этических моментов выстраивается языковое поведение англичан в публичных выступлениях в глобальном англоязычном пространстве. Специальные исследования, проведенные на материале научной речи, а именно жанра университетской лекции, свидетельствуют о том, что британские ученые нередко используют юмор и самоиронию при первом знакомстве с аудиторией. В сочетании с соответствующим фонетическим оформлением звучания они позволяют сократить дистанцию между говорящим и слушающими и установить с ними более тесный контакт [Блох, Фрейдина, 2017 ; Дечева, Аристова, 2020].

Еще одним ключевым моментом британского речевого общения является использование всевозможных элементов «отгораживания» (*hedges*), или же так называемых ограничителей

(*qualifiers*)¹, которые способствуют смягчению категоричности и прямолинейности высказываний, а также помогают сместить фокус с личности говорящего и не преувеличивать его роль в восприятии и оценке происходящего [Магидова, 2016 ; Дечева, Копанева, 2021 ; Lakoff, 1972 ; Hewitt, 2009]. В специальных работах, посвященных этому вопросу, указывается, что обращение к смягчающим и ограничивающим элементам английской речи является одним из главных средств создания эффекта коммуникативной неприкосновенности, невмешательства в личное пространство других участников речевого акта, а также установления определенных рамок языкового поведения, которые нельзя преступать. Это составляет основу вежливости в британском варианте английского языка и является важной частью английского речевого этикета [Баранова, 2015 ; Brown, Levinson, 1987].

Считается, например, что включение в речь таких элементов «отгораживания», как модальные глаголы *would, could, might, may*, косвенные вопросы, которые начинаются с *I wonder whether / if...*, или вводные предложения *I think, I imagine, I gather*, свидетельствует о внимательном или серьезном отношении говорящего к мнению своих собеседников и позволяет ему показать свое уважение к ним. В тех же случаях, когда выражается несогласие или дается рекомендация, ограничители *maybe, perhaps, in a sense, as it were, kind of, if I may say so, if you like* придают сказанному более вежливый характер и помогают избежать возможной нежелательной реакции со стороны лица или лиц, к которым обращена речь [Ларина, 2009, с. 173].

Следует заметить также, что использование элементов «отгораживания» не ограничивается повседневным межличностным общением и наблюдается в разных функциональных стилях, причем одним из наиболее развитых направлений исследования в этой области является изучение особенностей функционирования ограничителей в научном дискурсе [Hyland, 2005 ; Riekkinen, 2010]. Такой интерес объясняется тем, что корпусный анализ текстов интеллектного общения, принадлежащих к научному стилю и характеризующихся точностью, ясностью и однозначностью подачи материала, свидетельствует о высокой частотности и функциональной вариативности не прямых или смягченных способов изложения информации. К ним относятся, например: наречия *possibly, somewhat, rather, around*; безличные предложения с местоимениями *it* и *one* (*It was evident that...; One might think that...*); придаточные предложения, вводимые при помощи союзов *even if, even though, although, while*.

Необходимо отметить, однако, что, наряду с языковыми средствами, способствующими снижению дидактики и поучения, в интеллектном общении наблюдается и широкое использование слов-усилителей или интенсификаторов (*intensifying words* или *boosters*), которые подчеркивают значимость определенных частей высказывания, таких, как: *certainly, obviously, indeed, no doubt, it is clear that..., I am sure that..., we firmly believe...* и т. д.

С точки зрения выполняемых ими функций эти элементы прежде всего указывают на высокую степень уверенности лица, которому принадлежит речь, в точности и достоверности его умозаключений, правдивости и неоспоримости предоставляемой информации и снижают возможность разной интерпретации обсуждаемых положений. Кроме того, слова-усилители часто сопровождают те факты и представления, которые являются общеизвестными и общепринятыми в научном сообществе и служат для установления взаимопонимания между участниками общения на основе их профессиональной принадлежности [Hyland, 2005 ; Vazquez, Giner, 2009].

Особо показательными в плане употребления и количественного соотношения элементов «отгораживания», с одной стороны, и слов-усилителей — с другой, являются корпусные исследования, проведенные на материале статей по разной научной проблематике [Hyland,

¹ *Qualifying words* образованы по аналогии с *intensifying words*, под которыми понимаются слова, употребляемые для того, чтобы усилить значение того или иного члена предложения, на который падает логическое ударение, перед которыми они помещаются, и выделить их по сравнению с остальными [Ахманова, 2004, с. 480]. Мы используем понятие *qualifiers* для того, чтобы показать, что в английском языке есть и другие слова, которые, в отличие от интенсификаторов, могут ограничивать силу или значение высказывания.

2005 ; Takimoto, 2015]. Их результаты свидетельствуют о том, что и ограничители, и интенсификаторы встречаются в любом тексте, принадлежащем к научному сообщению. Тем не менее использование таких элементов определяется содержательной спецификой дисциплины. К примеру, в статьях гуманитарной и социологической направленности нередко содержится менее точная и достаточно субъективная информация, которая зависит от личной трактовки автора. Этим объясняется большое количество как ограничителей, так и интенсификаторов. Что же касается текстов по естественно-научным и главным образом техническим дисциплинам, которые предполагают обсуждение данных, полученных опытным путем, то они безличны или объективны и характеризуются менее частым использованием элементов «отгораживания» [Takimoto, 2015].

Результаты этих корпусных исследований имеют для нас большой интерес и позволяют составить представление о наиболее частотных и характерных для интеллективного общения лексико-фразеологических и грамматико-синтаксических средствах, которые участвуют и в реализации «отгораживания», и в интенсификации, или усилении. Однако приходится констатировать, что **фоностилистика** сторона этого явления, и в частности его акцентуационное оформление, до сих пор не получает достаточного освещения и сведения о том, что свойственно этим элементам в плане их акцентной выделенности, практически отсутствуют.

С позиций когнитивного изучения языка, и прежде всего когнитивной силлабики, в свете которой выполнена эта работа, имеющая своей целью раскрыть до сих пор не выявленный функционально-коммуникативный потенциал явления английской акцентуации, исследуемая проблематика получает новое звучание. Рассматриваются ранее не учтенные ее стороны и грани, которые имеют решающее значение в современных условиях использования языка в глобальном англоязычном пространстве. В центре внимания оказываются вопросы: кем, как и с какой целью отдельные слова (или даже более протяженные лексические последовательности) выделяются в процессе речевого взаимодействия и о чем они сообщают или сигнализируют в развернутом произведении речи. При этом главным фактором, влияющим на расстановку и просодическое оформление эффекта дополнительной выделенности, становится современная культура речи и те инновационные изменения и преобразования, которым она подвергается в связи с процессами демократизации и цифровизации английского языка, происходящими в последние десятилетия.

На первый план выходят новые произносительные тенденции, которые отражают привычный для технологически грамотной, продвинутой (*advanced*) аудитории неформальный и несколько сниженный стиль общения в режиме «чата» и оказывают влияние на нормативный произносительный стандарт британского английского языка, с одной стороны, и риторику интеллективного общения — с другой. Точнее, на смену умеренному (*mainstream*) RP приходит его обновленная разновидность (*modernized* или *young RP*), наблюдающаяся в наши дни в Великобритании повсеместно и в первую очередь относящаяся к молодому поколению британского юга (*Standard Southern British pronunciation*) [Lindsey, 2019].

Этот новый произносительный стандарт отличается целым рядом характеристик, заимствованных из более демократичного или **неэлитарного** американского варианта. К ним относятся, например, такие сегментные особенности звучания, как опора на количественный компонент слога или же использование гортанной смычки как в стадии слоговой рекурсии, так и экскурсии. Это также и во многом свойственные американскому разговорному фонетическому стилю (или же британскому социальному диалекту *Estuary English*, разделяющему с ним целый ряд общих черт) особенности межслоговой динамики, а именно процессы коартикуляции, ассимиляции и сращения или же типичный для *advanced RP* основной интонационный контур, который не сводится к поступательному движению тонов на ударных слогах знаменательных слов по нисходящей шкале и подразумевает появление высокого нисходящего или низкого восходящего тона вместо тона финального завершения в терминальной части высказывания [Ильина, 2018 ; Lindsey, 2019].

Итак, британская речь трансформируется и подстраивается под ожидания толерантной и ориентированной прежде всего на интерактивность процесса коммуникации современной аудитории. Происходит обновление того риторического арсенала, который традиционно

используется в разных жанрах интеллективного общения. Набор риторических средств, участвующих в эффекте акцентной выделенности, значительно расширяется и пополняется элементами аффективной силлабики, что придает звучанию особую тембральную окраску, соответствующую новым веяниям и предпочтениям в фонационном оформлении речи.

В этой связи, для того чтобы упорядочить, систематизировать и всесторонне осветить жанрово-стилистическое своеобразие акцентуационного оформления современной английской фонации, методологически оправданным представляется введение нами категории маркированности / немаркированности акцентной выделенности. При этом учитывается относительный характер маркированного акцентного выделения и его обусловленность как лексико-морфологическими или же грамматико-синтаксическими предпосылками, так и этическими особенностями английской речи, которые нередко остаются незамеченными теми участниками речевого общения, для которых английский язык не является родным.

Тем не менее в переходный период эволюционного развития языка, свидетелями которого мы являемся, важно понимать, что тональность или модальность речевого общения уже не укладывается в рамки ранее установленных стереотипов межличностной коммуникации. Расстановка акцентной выделенности в английской речи и выбор просодических средств, обуславливающих ее жанрово-стилистическое своеобразие, становятся более многогранными и многоплановыми, чем прежде, и характеризуются чрезвычайно широким спектром всевозможных фонетических и собственно силлабических средств, участвующих в ее реализации. К ним как раз и относятся до сих пор не получившие должного внимания лингвокультурологически обусловленные способы акцентной выделенности, которые вряд ли можно отнести к одной из двух противопоставляемых друг другу частей предлагаемой нами линейной категории маркированности / немаркированности. Именно поэтому для того, чтобы более точно определить категориальную сущность эффекта акцентуации, требуется гораздо более объемное видение всех задействованных в его создании языковых аспектов.

В этом смысле предпринятое в нашем исследовании изучение акцентной выделенности непосредственно восходит к языковедческому направлению, получившему в свое время название речеведения (*speechology*) [Ахманова, Минаева, 1977 ; Дечева, 1998]. Более точно наша работа соответствует положениям неомacroфонетики (*neo-macro-phonetics*) [Onishi, 1988], в которой звучащей стороне высказывания отводится главенствующая роль в культуре речевого общения и так называемом проявлении языковой вежливости по отношению к собеседнику или лицам, к которым обращена речь. Иными словами, неомacroфонетическое изучение акцентуации занимается ключевыми или наиболее важными для говорящего и слушающего особенностями английской фонации с учетом постоянно происходящих на всех языковых уровнях эволюционных преобразований, которые не только придают речи желаемую окраску (или тональность), но и способствуют оптимизации процесса коммуникации в целом.

Обратимся к материалу. В жанре публицистического выступления, принадлежащего представителям британской аристократической элиты, где на всеобщее обсуждение выносятся наиболее насущные вопросы современности, используемый прием акцентуации речи является наиболее показательным и может быть проиллюстрирован следующим образом²:

Whatever the \case, | I've certainly | reached the con\clusion | that there are no easy ? \answers | — political \or techno/logical | — to the en \viron, mental \crisis, | even if it ? \is /hard | to be\lieve some/times | that such a crisis e\exists. || We are still \tempted to be\lieve | that this is \all the result | of ex\cessively alarmist \talk. || It \has /been | ex\traordinary to \witness | the surge of \interest | that there \has /been | \in the /subject | over the last couple of \years. || The \ozone layer, | ma\rine pollution, | \toxic waste, | \acid rain, | \global warming | — these | rather \fateful phrases | have \gradually become | \part of our daily \lives. |||

² Разметка в тексте сделана на основе аудиторского анализа звучащего материала и расшифровывается так: \ — высокий нисходящий тон, / — низкий восходящий тон, ↑ — внезапный подъем, | — риторическая пауза, || — пауза в одну единицу, ||| — пауза в две единицы, ? — гортанная смычка. См.: [Давыдов, Малого, 2002].

В этом отрывке из документального фильма принца Чарльза, посвященного проблемам экологии и защиты окружающей среды (*The Earth in Balance: A Personal View of the Environment*) [Дечева, Магидова, Тренина, 2013, с. 24], наиболее частотным является выделение той части высказывания, которая находится в сильной синтаксической позиции и приходится на конец синтагмы или всего предложения [Александрова, 2009], то есть является немаркированным. Так, это высокий нисходящий тон:

- на моносиллабе *case* в конце парантетического внесения *Whatever the \case*, обозначенного соответствующим знаком препинания (запятой);
- *answers* в *there are no easy ? \answers* перед парантетическим внесением *political \or techno/logical*, относящемся к категории экземплификации, то есть содержащем пример, пояснение или уточнение ранее сказанного, и обозначенном сдвоенным тире;
- *crisis* в *to the en'viron,mental \crisis* перед придаточным предложением уступки *even if it ? \is /hard...* обозначенным запятой;
- *exists* в *such a crisis \exists* на конце предложения перед точкой;
- моносиллабе *talk* в *this is ↑all the result | of ex↑cessively alarmist \talk* на конце всего высказывания;
- *witness* на конце синтагмы *It \has /been | ex↑traordinary to \witness*, которую отделяет от остальной части высказывания синтаксическая диерема (пауза в одну единицу длительностью до 200 м/сек), реализующая наиболее тесную разновидность комплетивной связи, а именно между процессом и обстановкой, в которой он протекает;
- моносиллабе *years* в *over the last couple of \years* на конце предложения;
- *lives* в *↑part of our daily \lives* на конце всего высказывания перед точкой.

Тем не менее не требуется специального исследования для того, чтобы понять, что экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны, которые передаются при помощи используемой в этих случаях акцентуации, не сводятся исключительно к усилению или эмфатическому выделению соответствующих элементов речи. Они служат для передачи особого метасодержания, которое продиктовано современной культурой речи и новыми когнитивными способностями поколения NET, для которых естественной средой обитания является Всемирная паутина [Prensky, 2001 ; Дечева, Аристова, 2020]. Стремительные, контактные, привыкшие постоянно находиться на связи с другими пользователями социальных сетей, ориентированные на интересное и приносящее удовольствие общение, преимущественно молодые представители этого поколения требуют считаться с их коммуникативными приоритетами и предпочитают общение «на равных» с другими участниками интеллективного общения независимо от их социального статуса. Авторитет или известность говорящего не имеет значения, и на первый план выходит желание постоянного взаимодействия (или интерактивности) и вовлеченность в процесс рассуждения на какую-либо актуальную или злободневную тему.

В этом смысле возникновение высокого нисходящего тона в сильной синтаксической позиции служит для поддержания тесной связи со слушателями (или телезрителями), к которым обращена речь по проблемам экологии, и позволяет придать общению тональность, соответствующую ожиданиям аудитории. Иными словами, подобное оформление эффекта дополнительной выделенности в этом отрывке является риторическим приемом, используемым для реализации особой модальности выступления представителя королевской семьи, который так же, как и большая часть его целевой аудитории, не является профессиональным экологом. Он просто стремится поделиться с широкой публикой своей обеспокоенностью по поводу назревающей экологической катастрофы и призывает их совместно задуматься об этой проблеме. Вместо низкого нисходящего тона финального завершения акцентное выделение при помощи высокого нисходящего тона сигнализирует об этой особой коммуникативной интенции говорящего, который как бы предоставляет возможность тем, кому адресовано его выступление, разделить его обеспокоенность и сказать свое слово по обсуждаемой тематике.

Еще один случай, который в полной мере не принадлежит ни к чисто маркированным или, наоборот, сугубо немаркированным ситуациям акцентной выделенности и всецело зависит от лингвокультурологических предпосылок и новых коммуникативных установок современной культуры речи, обнаруживается в отрывке из выступления принца Чарльза на конференции, посвященной усовершенствованию сельского хозяйства и созданию экопродуктов (*The Future of Food*)³:

Now, | one or |two | of you | \may have noticed though | that over the past thirty |years | I've | been venturing into | ex↑tremely dangerous |territory | 'by | speaking about the future of |food. || I have all the scars to |prove it. || \Questioning | the conventional | /world |view | is a risky |business, | believe you |me. || And the only |reason | I have |done /so | is for the sake | of | your | generation | and for the integrity | of nature | her|self. || It is |your |/future | that concerns |me | and that of your |grand/children, | and /theirs |too. || \That is how /far | we |should be looking |ahead. |||

Необходимо отметить, что конференция проходила в Джорджтаунском университете штата Вашингтон, причем принц Уэльский обращается к смешанной аудитории, которая включает в себя не только известных специалистов в области экологии и защиты окружающей среды, но и студентов, занимающихся этими вопросами. Как и в предыдущем отрывке, при оформлении конца предложений вместо низкого нисходящего тона финального завершения преимущественно используется высокий нисходящий тон, а именно:

- **food** в *speaking about the future of |food*;
- **prove** в *I have all the scars to |prove it*;
- **herself** в *the integrity | of nature | her|self*;
- **ahead** в *\That is how /far | we |should be looking |ahead*.

Однако в предложении *It is |your |/future | that concerns |me | and that of your |grand/children, | and /theirs |too* наблюдается возникновение типичного для американского варианта английского языка восходяще-нисходящего тона на последних двух элементах, а именно **theirs** с низким восходящим тоном и **too** с высоким нисходящим тоном. Это означает, что в этом предложении просодическое оформление акцентуации является риторически обусловленным. Говорящий намеренно прибегает к явлению переключения или, точнее, смешения кода (*code mixing*), приспособляясь к более привычному для американцев интонационному контуру [Ильина, 2018]. Иными словами, имеет место явление аккомодации.

Заметим, что подобное оформление конца высказывания также является частью обновленной разновидности произносительного стандарта (*modernized RP*) и молодежной риторики, которая позволяет придать выступлению оттенок интерактивности. Подобно актеру на сцене, в своем публичном выступлении говорящий рассчитывает на сиюминутную реакцию аудитории и приглашает ее к совместному обсуждению.

Отдельного комментария в этой связи заслуживает и просодическая организация устойчивого выражения *believe you me*, которое появляется в конце предложения *\Questioning | the conventional | /world |view | is a risky |business, | believe you |me* и приобретает высокий нисходящий тон на последнем элементе, то есть моносиллабе [mi:]. Согласно современным толковым словарям, это выражение обычно используется в неформальной разговорной речи, чтобы подчеркнуть высокую уверенность говорящего в правильности или достоверности своего утверждения [Hornby, 2000, p. 125]. Таким образом, расположение дополнительной акцентной выделенности на личном местоимении, которое обычно является безударным даже в сильной синтаксической позиции (как, например, *it* в *I have all the scars to |prove it*), приобретает риторическую значимость и обуславливается эмфатическим характером всего парантетического внесения.

Из сказанного следует, что публицистическое выступление принца Чарльза в этом отрывке во многом схоже со сценической речью, которая, как известно, является своеобразным сплавом искусственного и естественного. С одной стороны, она отличается хорошей разборчивостью

³ URL : <https://www.princeofwales.gov.uk/speech/speech-hrh-prince-wales-future-food-conference-georgetown-university-washington-dc> (дата обращения: 16.07.2021).

и направлена на то, чтобы донести до зрителя каждое слово и эффективно завладеть его вниманием, а с другой — обладает всеми признаками живой разговорной речи [Кузьмина, 1986 ; Пономарева, 2013].

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные в статье лингвокультурологически обусловленные особенности акцентной выделенности являются неотъемлемой частью современной культуры английской речи, которые позволяют оптимизировать общение в условиях глобальной англоязычной полифонии. Мы приходим к выводу, что это не просто дань преходящей молодежной моде, а важная составляющая эффективного общения, которая со временем будет укрепляться в англоязычном общении и становиться все более разнообразной в соответствии с требованиями технологического прогресса и речемыслительными особенностями будущих поколений, пользующихся английским языком как *lingua franca*.

Список источников

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. — М. : URSS, 2009. — 211 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — 2-е изд. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 608 с.
3. Ахманова О. С., Минаева Л. В. Место звучащей речи в науке о языке // Вопросы языкознания. — 1977. — № 6. — С. 44–60.
4. Баранова Л. Л. The Language of Manners and its Manifestation in British English // Теория и практика междисциплинарного дискурса : сб. материалов XII Международной конференции ЛАТЕУМ. — М. : Университетская книга, 2015. — С. 101–103.
5. Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй. — М. : Флинта, 2017. — 236 с.
6. Давыдов М. В., Малюга Е. Н. Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. — М. : Дело и Сервис, 2002. — 224 с.
7. Дечева С. В. Когнитивная силлабика. — М. : Диалог-МГУ, 1998. — 215 с.
8. Дечева С. В., Аристова Д. Д. Жанр лекции в британском и американском англоязычном обществе // Ахмановские чтения 2019. — М. : Наука, 2020. — С. 45–54.
9. Дечева С. В., Копанева А. В. Акцентуация в английском языке: проблемы и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. — 2021. — № 1. — С. 208–219.
10. Дечева С. В., Магидова И. М., Тренина Н. Г. A Practical Course of Cultured English and Rhetoric. — М. : АСТ- ПРЕСС, 2013. — 192 с.
11. Ильина К. А. Фонетическая интерференция как часть произносительных тенденций в современном английском языке : дис. канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2018. — 215 с.
12. Кузьмина С. М. О состоянии и задачах изучения сценической речи // Русское сценическое произношение. — М. : Наука, 1986. — С. 5–19.
13. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с.
14. Магидова И. М. “Hedging” в академической английской речи: прагмафонетический аспект // Ахмановские чтения 2015 : материалы конф. — М. : Университетская книга, 2016. — С. 334–340.
15. Пономарева М. А. Слоговое своеобразие фонетики аффектов в американском диалектном варианте английского языка : дис. канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2013. — 240 с.
16. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. — М. : АСТ : Астрель, 2007. — 344 с.
17. Brown P., Levinson S. D. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
18. Crystal D. The Future of Language. — London, New York : Routledge, 2009. — 184 p.
19. Fox K. Watching the English. — London : Hodder, 2004. — 424 p.
20. Hewitt K. Understanding Britain Today. — Oxford : Perspective Publications, 2009. — 307 p.
21. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. — Oxford : Oxford University Press (8th edition), 2000. — 1552 p.
22. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. — London, New York : Continuum, 2005. — 230 p.
23. Lakoff D. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. — 1972. — N 2 (4). — Pp. 458–508.

24. Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2019. — 172 p.
25. Onishi M. Ex-president's Address and Recommendations for the Successor // *The Phonetic Society of Japan*. — 1988. — N 187. — P. 1.
26. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. — 2001, NCB University Press. — Vol. 9, no. 5. — Pp. 1–6.
27. Riekkinen N. “This is not criticism, but...” — softening criticism: the use of lexical hedges in academic spoken interaction // *English as a Lingua Franca. Special edition of Helsinki English Studies*. — 2010. — N 6. — Pp. 75–86.
28. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. — 2015. — Vol. 5, no. 1. — Pp. 95–105.
29. Vazquez I., Giner D. Writing with conviction: the use of boosters in modeling persuasion in academic discourses // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. — 2009. — N 22. — Pp. 219–237.
30. A speech by HRH The Prince of Wales to the Future for Food Conference, Georgetown University, Washington DC // *The Prince Of Wales Website*: [сайт]. — URL : <https://www.princeofwales.gov.uk/speech/speech-hrh-prince-wales-future-food-conference-georgetown-university-washington-dc> (дата обращения: 16.07.2021).

References

1. Aleksandrova O. V. *Problemy ekspressivnogo sintaksisa* [The Problems of Expressive Syntax]. Moscow, URSS Publ., 2009, 211 p. (In Russian).
2. Akhmanova O. S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2004, 608 p. (In Russian).
3. Akhmanova O. S., Minayeva L. V. The Role of Oral Speech in Language Studies. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 1977, no. 6, pp. 44–60. (In Russian).
4. Baranova L. L. The Language of Manners and its Manifestation in British English *Teoriya i praktika mezhdistsiplinarnogo diskursa* [Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Lateum 2015. Conference Proceedings]. Moscow, University Book Publ., 2015, pp. 101–103. (In Russian).
5. Blokh M. Ya., Freydina Ye. L. *Publichnaya rech' i yeye prosodicheskiy stroy* [Public Speaking and its Prosody]. Moscow, Flinta Publ., 2017, 236 p. (In Russian).
6. Davydov M. V., Malyuga Ye. N. *Intonatsiya kommunikativnykh tipov predlozheniy na angliyskom yazyke* [The Intonation of Communicative Sentence Types in the English Language]. Moscow, Business and Service Publ., 2002, 224 p. (In Russian).
7. Decheva S.V. *Kognitivnaya sillabika* [Cognitive Syllabics]. Moscow, Dialogue-MSU Publ., 1998, 215 p. (In Russian).
8. Decheva S. V., Aristova D. D. The Genre of Lecturing in British and American English-Speaking Community. *Akhmanovskiye chteniya 2019. Materialy konferentsii* [Akhmanova readings 2019. Conference proceedings]. Moscow, Science Publ., 2020, pp. 45–54. (In Russian).
9. Decheva S. V., Kopaneva A. V. Accentuation in the English Language: Research Priorities. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. Moscow University Publ., 2021. no. 1. pp. 208–219. (In Russian).
10. Decheva S. V., Maguidova I. M., Trenina N. G. *A Practical Course of Cultured English and Rhetoric*. Moscow, AST Publ., 2013, 192 p. (In Russian).
11. Ilyina K. A. *Foneticheskaya interferentsiya kak chast' proiznositel'nykh tendentsiy v sovremennom angliyskom yazyke* [Phonetic Interference as a Pronunciation Tendency in Modern English]. Dis. cand. philol. sciences. Moscow, 2018, 215 p. (In Russian).
12. Kuzmina S. M. On the Peculiarities and Aims of Stage Speech. *Russkoye stsenicheskoye proiznosheniye* [Russian Stage Speech]. Moscow, Science Publ., 1986, pp. 5–19. (In Russian).
13. Larina T. V. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [The Category of Politeness. A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]. Moscow, Written Monuments of Ancient Russia Publ., 2009, 512 p. (In Russian).
14. Maguidova I. M. “Hedging” in Academic English Speech: a Prafraphonetic Aspect. *Akhmanovskiye chteniya 2015. Materialy konferentsii* [Akhmanova readings 2015. Conference proceedings]. Moscow, University Book Publ., 2016, pp. 334–340. (In Russian).

15. Ponomareva M. A. *Slogovoye svoyeobraziye fonetiki affektov v amerikanskom diatopicheskom variante angliyskogo yazyka* [The Syllable Specificities of Affective Phonetics in the American Diatopic Variant of the English Language]. Dis. doc. philol. Sciences. Moscow, 2013, 240 p. (In Russian).
16. Ter-Minasova S. G. *Voyna i mir yazykov i kul'tur* [The War and Peace of Languages and Cultures]. Moscow, AST Publ., 2007, 344 p. (In Russian).
17. Brown P., Levinson S. D. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 345 p.
18. Crystal D. *The Future of Language*. London, New York, Routledge, 2009, 184 p.
19. Fox K. *Watching the English*. London, Hodder, 2004, 424 p.
20. Hewitt K. *Understanding Britain Today*. Oxford, Perspective Publications, 2009, 307 p.
21. Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 8th ed. Oxford, Oxford University Press, 2000, 1552 p.
22. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, New York, Continuum, 2005, 230 p.
23. Lakoff D. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1972, no. 2 (4), pp. 458–508.
24. Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2019, 172 p.
25. Onishi M. Ex-president's Address and Recommendations for the Successor. *The Phonetic Society of Japan*. 1988, no. 187, p. 1.
26. Prenskey M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. 2001, NCB University Press, vol. 9, no. 5, pp. 1–6.
27. Riekkinen N. “This is not criticism, but...” — softening criticism: the use of lexical hedges in academic spoken interaction. *English as a Lingua Franca. Special edition of Helsinki English Studies*. 2010, no. 6, pp. 75–86.
28. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2015, vol. 5, no. 1, pp. 95–105.
29. Vazquez I., Giner D. Writing with conviction: the use of boosters in modeling persuasion in academic discourses. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 2009, no. 22, pp. 219–237.
30. A speech by HRH The Prince of Wales to the Future for Food Conference, Georgetown University, Washington DC. Available at : <https://www.princeofwales.gov.uk/speech/speech-hrh-prince-wales-future-food-conference-georgetown-university-washington-dc> (accessed 16.07.2021)

Информация об авторах

С. В. Дечева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

А. В. Копанева — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

Information about the authors

S. V. Decheva — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics, the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1.

A. V. Kopaneva — postgraduate student of the Department of English Linguistics, the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2021;
одобрена после рецензирования 16.07.2021;
принята к публикации 17.07.2021.*

*Submitted 05.07.2021;
approved after reviewing 16.07.2021;
accepted for publication 17.07.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 43–53.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):43–53.

Научная статья
УДК 81.25
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.005

**Дискурсивный маркер *well*
в обыденном и политическом дискурсах:
амбивалентность и бифункциональность**

Екатерина Львовна Кабахидзе

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
kkabakhidze@gmail.com

Аннотация. Устный модус дискурса невозможно представить без богатого репертуара дискурсивных маркеров, для которых характерна ослабленность денотата, с одной стороны, и наполненность прагматическими функциями — с другой. Для выявления особенностей функционирования прагматических маркеров в политическом дискурсе и моделирования макро- и микрофункций дискурсивных маркеров были проанализированы метатекстовые и межличностные функции маркеров, разработанные в трудах отечественных и зарубежных исследователей, и на их основе, а также с учетом лексикографических источников, представлены макро- и микрофункции дискурсивных маркеров в политическом дискурсе. Проведенный анализ позволил выявить новые функции, которые получают ряд дискурсивных маркеров (*you know, I mean*), в том числе рассматриваемый маркер *well* в связи с манипулятивной природой политической коммуникации. Данные функции играют важную роль в создании альтернативной действительности и неопределенности, свойственных политической коммуникации. В исследовании представлен подробный анализ функций маркера *well* с дискурсивно-прагматических позиций на материале телеинтервью Д. Трампа.

Ключевые слова: манипуляция, дискурс, политическая коммуникация, лингвистическая прагматика, дискурсивный маркер *well*.

Для цитирования: Кабахидзе Е. Л. Дискурсивный маркер *well* в обыденном и политическом дискурсах: амбивалентность и бифункциональность // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 43–53. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.005.

Original article

**Discourse marker *well*
in natural and political discourses:
ambivalence and bifunctionality**

Ekaterina L. Kabakhidze

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia
kkabakhidze@gmail.com

Abstract. It is impossible to imagine the existence of the oral mode of discourse which would not include a rich variety of discourse markers. The distinctive feature of discourse markers is weak denotation on the one hand, and explicit pragmatic functions on the other. To identify peculiarities of pragmatic markers functioning in a political discourse and for the purpose of designing their macro- and microfunctions, in the present paper metatext and interpersonal functions of markers developed in the works of Russian and international researchers were scrutinized. On the basis of the data obtained from the previous researches, as well as lexicographic sources, macro- and microfunctions of discourse markers in a political discourse were designed. The analysis allowed to identify new functions developed by a number of discourse markers (*you know, I mean*), including the marker *well*, announced in the title of the paper, due to the manipulative nature of political communication. These functions play an important role in creating alternative

reality and uncertainty inherent in political communication. The research presents a detailed analysis of functions obtained by the discourse marker *well* through the lens of discursive pragmatics based on Donald Trump's TV interview.

Keywords: manipulation, discourse, political communication, linguistic pragmatics, discourse marker *well*.

For citation: Kabakhidze E. L. Discourse marker *well* in natural and political discourses: ambivalence and bifunctionality. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021;3(58):43–53. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.005.

Постулирование деятельностной природы сознания, мышления и речи отечественными лингвистами и в этой связи продуцирование новых подходов к изучению языковых явлений не как застывшей скульптуре (текст), а как динамичному процессу творения Пигмалионом своей Галатеи (дискурс), где текст «не существует вне его создания или восприятия» [Леонтьев, 1969, с. 15], актуализировали прагматические аспекты в изучении коммуникации. Интеграция данного понимания динамичной, процессуальной природы дискурса как «текста, погруженного в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137] с развитием когнитивных подходов к языку в зарубежной лингвистике, привели к утверждению дискурсивного анализа в качестве наиболее продуктивного способа изучения коммуникативных процессов. Таким образом, дискурсивно-прагматические подходы к изучению устных и письменных текстов позволили вывести в фокус внимания исследователей эксплицитные и имплицитные механизмы коммуникации, триаду «язык — сознание — дискурс».

Природа дискурса антропоцентрична. Дискурс — это «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков, 2003, с. 116], который включает в себя несколько компонентов: текст как процесс, как результат, функционирующий в определенном тематическом пространстве, а также текст как диалог, поскольку для выделения разных типов дискурсов необходимы различные социальные ситуации, какими их делают люди в ходе взаимодействия.

Антропоцентрическое и деятельное основание дискурса подчеркивает и А. А. Кибрик, понимая дискурс как «реальное языковое взаимодействие, единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста», рассматривая структуру дискурса как текст, то есть «статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности», а также «разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [Кибрик, 1994, с. 126–127]. Похожее понимание дискурса находим у В. И. Карасика, для которого дискурс — это «текст, погруженный в ситуацию общения, допускающий множество измерений» [Карасик, 2000, с. 12].

Характерным измерением политического дискурса является «альтернативная действительность», так как цель любого акта политической коммуникации — воздействие на адресата, побуждение к действиям, необходимым для адресанта, поэтому вербальные и невербальные компоненты политической коммуникации функционально направлены на решение метазадачи политического дискурса — управлять сознанием адресата, формировать отношения и поведенческие реакции: «...дискурс и коммуникация играют центральную роль в (транс)формировании сознания» [Ван Дейк, 2013, с. 55].

Политический дискурс отличается эзотеричностью и двусмысленностью и должен своей максимальной гибкости достичь в акте интерпретации, чтобы политик мог с помощью одного и того же инструмента проникнуть в сознание максимального количества адресатов из разных социальных, политических, культурных, религиозных и других групп. Так, выступление политика может носить одни смыслы для своих сторонников и однопартийцев и совершенно иные — для оппозиционных сил. Данный эффект достигается за счет двусмысленностей на всех уровнях языка.

Когда язык выступает в политической функции, на первый план выходят иллюкутивная и перлокутивная сила высказывания, то есть не столько содержание высказывания, сколько прагматический компонент, намерения говорящего и достигаемый эффект [Золян, 2018, с. 158].

Дискурсивные маркеры (далее – ДМ) также проявляют свойство двухвекторности и двойственности в связи с тем, что их денотативный компонент ослаблен, следовательно, это

дает пространство для множественности интерпретаций и актуализирует манипулятивную функцию ДМ. Наиболее характерными чертами манипуляции являются: имплицитность, смысловая неоднозначность и неопределенность, односторонняя направленность. С точки зрения когнитивно-прагматического подхода О. В. Соколова выделяет два когнитивных этапа манипуляции. На первом этапе происходит разрушение стереотипных когнитивных моделей, сменяющееся формированием новых когнитивных моделей, которое сопровождается имплицитным выражением базовой информации об объекте [Соколова, 2015, с. 120–122].

Таким образом, манипуляция является главным способом создания альтернативной действительности в политическом дискурсе. К наиболее изученным средствам манипуляции на сегодняшний день относятся лексические единицы, однако манипуляция осуществляется, как было замечено ранее, и на прагматическом уровне, поэтому дискурсивные маркеры также могут обладать манипулятивным потенциалом.

Как отмечает А. Вежбицкая, «если человек, учащий какой-либо язык, не сможет овладеть значениями его частиц, коммуникативная компетенция такого человека будет трагически неполной» [Wierzbicka, 1986, p. 534]. Такая категоричность в описании значимости дискурсивных маркеров в коммуникации вызвана ключевой функцией данного класса единиц языка — прагматикой, выражением отношения. В продолжение этой мысли А. Вежбицкая пишет, что дискурсивные слова могут выражать «отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции» [Wierzbicka, 1986, p. 519]. Таким образом, дискурсивные маркеры синтезируют в себе прагматическую установку говорящего и модальность высказывания.

В отечественной традиции под дискурсивными маркерами понимаются единицы, обеспечивающие как связность текста, так и отражающие «процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего» [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993, с. 207]. Именно в таком значении мы будем употреблять данный термин в своем исследовании.

Несмотря на терминологическую вариативность, среди отечественных исследователей утвердился термин «дискурсивный маркер», а также «дискурсивное слово». Мы будем придерживаться термина «дискурсивный маркер», так как он вбирает в себя не только слова, междометия, частицы, но и словосочетания, предложения, одновременно отражая структурирующую и связующую роль данных единиц в дискурсе, который понимается как связный текст внутри (то есть связанными являются смысловые компоненты текста) и вовне (то есть текст объединяет адресата, адресанта и коммуникативную ситуацию).

По мысли Б. Фрейзера, дискурсивные маркеры входят в состав прагматических маркеров, которые выступают родовым термином по отношению к ДМ [Fraser, 1990, p. 386]. К прагматическим маркерам Б. Фрейзер относит перформативы, прагматические идиомы, модальность и оценку высказывания, экспрессивное речевое поведение, наклонение и др.

М. Халлидей и Р. Хасан, изучая категорию связанности в английском языке, отмечают, что дискурсивные маркеры играют также значительную роль в структурировании, связывании частей дискурса [Halliday, Hasan, 1976, p. 374].

Е. В. Падучева относит дискурсивные маркеры к эгоцентрическим языковым единицам и дейктикам, которые подразумевают говорящего, а также осуществляют референцию к лицам, объектам, событиям, участкам пространства и времени через отношение к говорящему в момент речи и месте речи [Падучева, 2018, с. 17].

Характерными признаками дискурсивных маркеров являются ослабленность денотата, тенденция к десемантизованности, транскатегориальность, явленность в них ментального мира адресанта, глубинная эгоцентричность.

О. В. Соколова отмечает следующие критерии ДМ, которые выделяют их из класса остальных единиц языка: структурные (реализация когерентных отношений, то есть связывание), семантические (метаязыковая интерпретация контекста), прагматические (выражение интенций говорящего, манифестация его отношения к адресату и сообщению), когнитивные (представление информации, конструирование и перспективизация) [Соколова, 2019, с. 234]. Исходя из данных критериев можно выстроить дискурсивно-прагматическую классификацию ДМ.

Многие функциональные классификации дискурсивных маркеров, рассмотренные далее, основаны на функциях языковой системы, которые были разработаны Майклом Халлидейем в рамках структурно-функциональной лингвистики. М. Халлидей выделяет три метафункции языка: идеационную (основана на способности языка истолковывать опыт человека в категориях), межличностную (способность языка отражать социальные роли и отношения), текстовую (способность языка создавать дискурсы, которая включает тема-рематическое деление, когезию на лексическом и грамматическом уровнях).

Д. Шиффрин, подчеркивая полифункциональную природу ДМ, отмечает макрофункции дискурсивных маркеров, и прежде всего связующую, которая заключается в связывании структуры дискурса на каждом из уровней [Schiffirin, 1987, p. 57]. Кроме связывания частей текста, дискурсивные маркеры связывают адресанта и сообщение, адресанта и адресата, из чего вытекает вторая ключевая функция дискурсивных маркеров — прагматическая. Дискурсивные маркеры — слова и фразы, например, такие, как *well, but, oh, you know*, — это класс лингвистических элементов, который функционирует в когнитивной, экспрессивной, социальной и текстуальной сферах [Schiffirin, Tannen, Hamilton, 2001, p. 54].

Б. Фрейзер, давая определение ДМ, отмечал, что это функциональный класс единиц, которые выступают средством регулирования дискурса через установление связей между отдельными фрагментами дискурса, не являются частью пропозиции, не играют роли в формировании пропозиции высказывания и содержат в себе компоненты сообщения, которые хочет передать говорящий [Fraser, 2006, pp. 189–205].

На основе текстовой (связующей) и межличностной (отношения между говорящими и к обсуждаемому предмету) макрофункций ДМ, выделенных Д. Шиффрин и Л. Бринтон, представим дискурсивно-прагматическую классификацию ДМ в политической коммуникации, исходя из мысли о том, что ДМ полифункциональны, а в политическом дискурсе получают качество амбивалентности и бифункциональности в силу двойственной природы самого типа данного дискурса.

Основным критерием выбора маркеров для настоящей статьи стала частотность их использования в интервью Д. Трампа. Материалом исследования послужили четыре интервью: эксклюзивное интервью ведущему телеканала FoxNews Bill O'Reilly от 5 февраля 2017 года, интервью репортерам из WallStreetJournal от 12 января 2018 года, «60 минут немонтированного интервью с Д. Трампом (утечка)» от 22 октября 2020 года, «Интервью в День выборов» Д. Трампа телеканалу FoxNews от 3 ноября 2020 года.

После того как был осуществлен подсчет частотной лексики, мы получили следующие данные по дискурсивным маркерам: *and* (536), *but* (185), *youknow* (112), *so* (101), *like* (88), *because* (72), *OK* (26), *just* (53), *well* (70), *mean* (34), *then* (35), *now* (51), *yeah* (21), *look* (44). Далее была проведена машинная верификация контекстов на предмет дискурсивного употребления данных единиц.

Для того чтобы понять, насколько полученные данные можно экстраполировать на жанр телеинтервью в структуре политического президентского дискурса, мы отобрали такое же количество телеинтервью Б. Обамы, относящихся к периоду его нахождения на посту президента США, и получили следующие данные по распределению ДМ: *and* (678), *but* (156), *you know* (104), *so* (120), *well* (58), *just* (77), *because* (78), *like* (57), *now* (47), *look* (34), *mean* (9), *OK* (2), *yeah* (29).

Самыми частотными маркерами в речи Д. Трампа и Б. Обамы стали маркеры *and, but, youknow, so*. Согласно Б. Фрейзеру, *but, so, and* являются базовыми маркерами и имеют самое широкое контекстуальное значение.

В целях настоящего исследования мы остановили свой выбор на трех маркерах: *well* (T 70 — O 58), *you know* (T 112 — O 104), *I mean* (T 34 — O 9). Данный выбор был обоснован тем, что в политической коммуникации маркеры, имеющие действительный компонент (*you know, I mean*), могут получить дополнительные функции, так как иногда наблюдается функционально-системное преобразование языковых единиц в политическом тексте [Золян, 2018, с. 157], маркер *well* был выбран в связи с его высокой частотностью в речи Д. Трампа.

Применив метод сплошной выборки и контекстуальный анализ, мы выделили основные функции, в которых употребляются данные маркеры. Обратившись к лексикографическим источникам — англоязычным словарям, мы зафиксировали неузуальные случаи употребления ДМ и эксплицировали манипулятивную функцию маркеров (рис. 1).

Рис. 1. Функциональная классификация дискурсивного маркера в политическом дискурсе

Анализ функций дискурсивных маркеров в политической коммуникации проведем на примере ДМ *well*, который, согласно ряду исследований, является самым частотным в английском языке [Furko, 2004 ; Brinton, 1996]. В связи с тем что *well* может выступать и не в дискурсивном качестве (существительное, наречие, прилагательное), нами отмечены лишь те случаи употребления лексемы *well*, в которых она лишена семантического значения и не несет никакой пропозициональной нагрузки.

Согласно словарной статье CollinsCobuild, в узус разговорного английского языка вошли следующие случаи употребления дискурсивного маркера *well*:

- 1) для указания на то, что кто-то собирается сказать что-то: *Is that right? Well, I think so...*;
- 2) для указания на то, что кто-то намеревается или хочет продолжить свою речь: *You know I wanted to go swimming? Well, it turned out much better... Well, let me finish;*
- 3) для указания на то, что кто-то планирует сменить тему разговора и собирается либо вернуться к ранее сказанному или начать новую тему: *And of course, I'd always loved London. Well, then, after the war I'd got a job and settled there;*
- 4) для указания на то, что кто-то завершает разговор: *Well thank you Jim for talking to us about your job;*
- 5) для того чтобы смягчить критику, сделанное исправление или предложение: *Well, let's play the tape back. It was, well, it was a little bit tactless, I think;*
- 6) для объяснения или аргументирования ранее сказанного: *It's cheap there, well a liter of whisky was two pounds;*
- 7) до или после паузации, для того чтобы дать себе время подумать, что сказать далее или перефразировать то, что уже было сказано: *I've told her that you are, well, helping me in this matter;*

8) для исправления или изменения того, что уже было сказано: *We walked along in silence for a bit; well, not really silence because she was humming;*

9) для выражения сомнений относительно того, что кто-то что-то сказал: *He also has a great love for his father. — Well. Do you really think so?*

10) для изображения гнева или удивления в отношении того, что кто-то только что сказал или сделал: *Well, really! What cheek!*

Взяв за основу функционально-прагматические характеристики ДМ *well*, предложим название микрофункции, исходя из классификаций Д. Шиффрин, Л. Бринтон. Таким образом, маркер *well* приобрел дискурсивно-прагматические микрофункции, представленные в таблице.

Таблица

Функциональная классификация дискурсивного маркера *well*

Макрофункция	Микрофункция
Метатекстовая	Структурирующая (<i>вступление в диалог, связывание частей текста</i>)
	Саморефлексия (<i>хезитация, паузация для подбора нужного слова, мысли</i>)
	Самокоррекция (<i>исправление допущенных речевых или фактических ошибок</i>)
Манипулятивная	Агональная (<i>вербальная агрессия, выражение оценки в ироничной форме</i>)
	Фатическая (<i>смягчение критики, негативной оценки, поддержание контакта</i>)
	Смена темы (<i>уход от темы разговора, переключение внимания</i>)
	Эмпирико-логическая (<i>выражение опыта индивида в реальном мире при обозначении ситуации, включая внутренний мир и сознание</i>)
	Имагинативная (<i>формирование «как бы» реальности, когда действительность как бы (вос)создается, а не зеркально отражается</i>)
	Экспрессивная (<i>выражение эмоционального состояния говорящего, придающее оценочное значение ситуации</i>)
	Аргументативная (<i>пояснение ситуации через приведение примеров</i>)
	(Само)цитация (<i>введение цитаты, косвенной речи в качестве достоверных аргументов высказывания</i>)

В метатекстовой макрофункции ДМ *well* применяется чаще всего для вступления в диалог или связывания частей дискурса, то есть выполняет структурирующую функцию, в манипулятивной макрофункции ДМ чаще всего употребляется в агональной функции для выражения иронии и для осуществления вербального выпада в сторону политического противника. Следует отметить, что, хотя в словарных статьях и зафиксировано узусальное использование данного маркера в функции самокоррекции, в речи Д. Трампа мы не обнаружили примеров употребления маркера в данной функции, что связано с нежеланием политика исправлять собственные речевые ошибки.

П. Серио в работе «Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций», анализируя нейтрализацию глагольных признаков и тенденцию к номинализации в советском политическом дискурсе, отмечал, что данные процессы приводят к созданию двусмысленности и неопределенности [Серио, 1999, с. 346]. Возникает вопрос, все ли языковые единицы политического дискурса участвуют в формировании двойственной реальности и какая роль в этом отводится дискурсивным маркерам? Если мы отвечаем утвердительно на данный вопрос, то отражается ли это каким-либо образом на функциях маркеров, приводит ли к их бифункциональности, амбивалентности?

Ответ на данный вопрос мы будем искать в двух направлениях: 1) амбивалентность в рамках узусальной функции маркера, когда в политической коммуникации значение функции

маркера трансформируется (достигает предельных показателей), и 2) бифункциональность через проявление собственных дополнительных функций маркера в условиях политического дискурса.

Для иллюстрации данной мысли рассмотрим употребление ДМ *well* в агональной (рис. 2) и экспрессивной микрофункции. Так, в качестве узуального значения данного маркера в обычном языке в агональной микрофункции в словарях зафиксировано использование маркера для выражения сомнений относительно того, что кто-то сказал, однако в политической коммуникации он получает крайнюю степень проявления — вербальную агрессию, ироничный ответ на реплику собеседника.

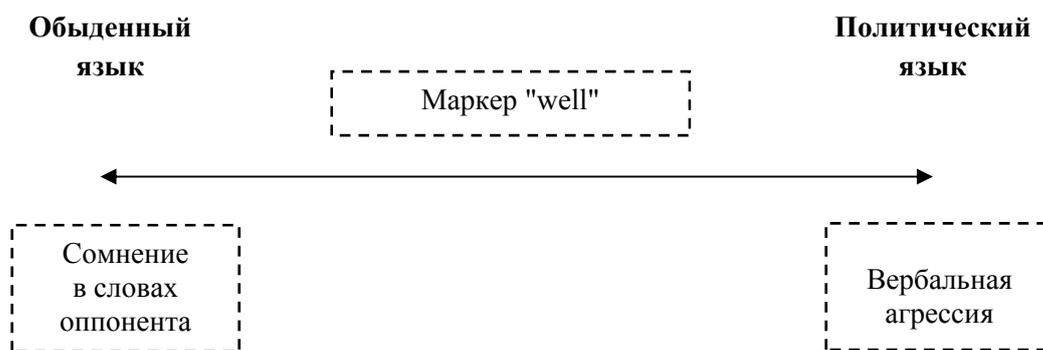

Рис. 2. Амбивалентность дискурсивного маркера *well* в агональной микрофункции

(1) There's no evidence of widespread voter fraud. — Oh, really? **Well**, Well, then you're reading a different newspaper than me. (Нет доказательств массовых вбросов на выборах. — Правда, что ли? **Стало быть**, вы читаете какие-то другие газеты.)

Рассмотрим пример употребления маркера *well* в экспрессивной микрофункции (рис. 3). Так, узуальным является использование данного маркера для выражения эмоционального состояния говорящего, однако в политической коммуникации эмоция прирастает оценочным высказыванием или суждением. Таким образом, реализуется манипулятивный потенциал ДМ в данной микрофункции.

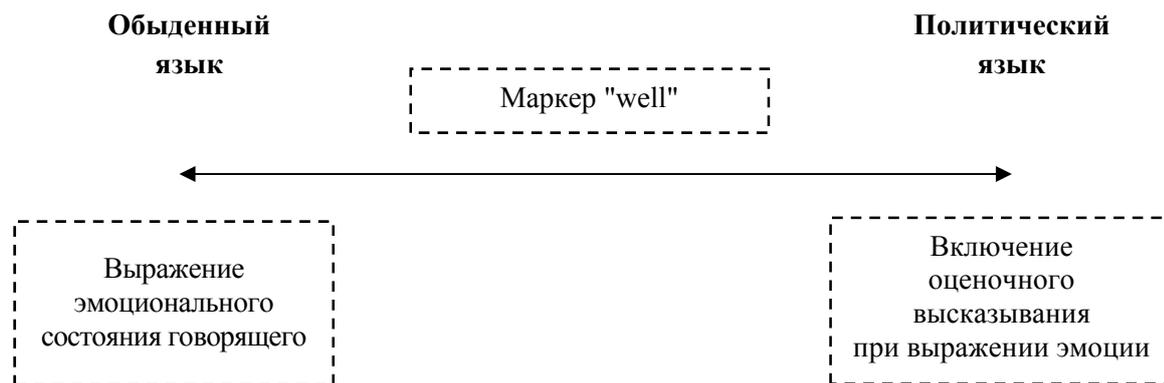

Рис. 3. Амбивалентность дискурсивного маркера *well* в экспрессивной микрофункции

(2) **Well**, I think it's ridiculous! (Я думаю, что это **даже** смешно!)

Кроме этого, в условиях политической коммуникации ДМ получил новые манипулятивные микрофункции (рис. 4), в чем и проявляется бифункциональность маркера по сравнению с обычным языком, — имажинативную, эмпирико-логическую и (само)цитации, которые развились из отмеченной выше функции маркера в обычном языке для объяснения или аргументирования сказанного ранее.

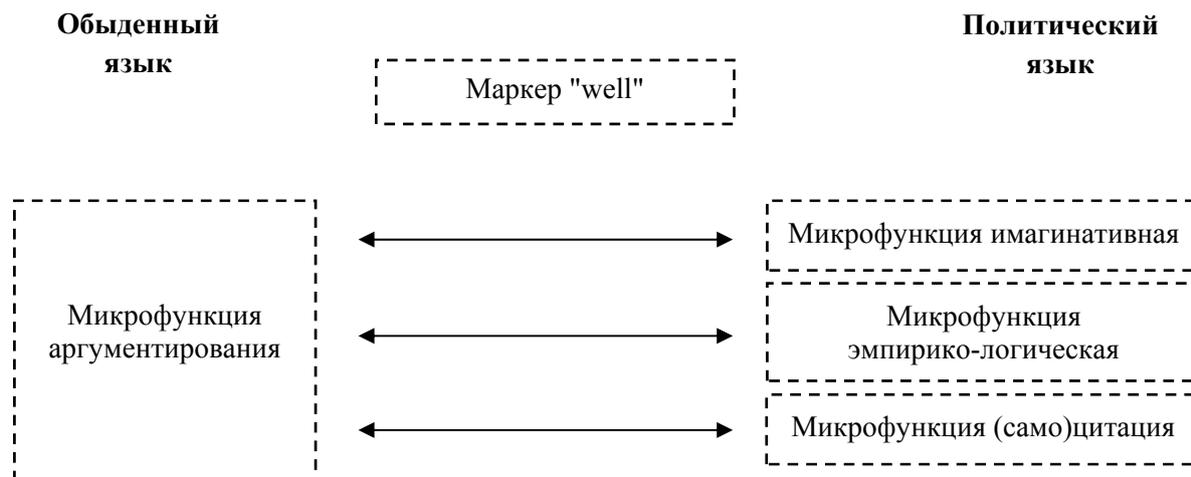

Рис. 4. Бифункциональность ДМ well в аргументативной микрофункции

В эмпирико-логической функции маркер служит для того, чтобы политик мог представить собственный опыт или логические доводы в качестве достоверного факта как данности, не подлежащей сомнению.

В интервью журналисту Рашу Лимбо Д. Трамп, аргументируя, почему он вынужден сам говорить о своих заслугах, а не ждать, когда кто-то третий их отметит, так объяснил свою позицию:

(3) Oh, that's good. **Well**, it won't be written about. When Obama got it, it was the biggest story, I remember very well. He didn't even know why he got it. He got it almost... (Это хорошо. Об этом **же** не напишут. Когда Обама был номинирован, это превратили в новость века, я хорошо это помню. Он даже не знал, за какие заслуги получил ее. Он получил ее только за...)

(4) We have a very good border now. Now only people that come in legally are coming in. **Well**, the wall made a tremendous difference. But you notice, you never hear about the wall anymore. (У нас теперь хорошая граница. Теперь ее пересекают только те, кому это юридически разрешено. **В общем**, стена все кардинально изменила. Но как вы заметили, больше об этом вы нигде не слышите.)

Отвечая на вопрос журналиста относительно программы Д. Байдена и К. Харрис «Новый зеленый курс», чем данная инициатива обернется для граждан США, Д. Трамп сказал:

(5) **Well**, it's a deal that was conceived up by not smart people, AOC plus 3 and others, but I don't even think they had any experience in the environment. But this was a deal conceived up. The real price is \$100 trillion. That's more money than this country could make in 100. (**Скажем**, это сделка, которую обстряпали не самые умные люди... я думаю, что у них нет никакого опыта в вопросах охраны окружающей среды. Тем не менее сделку обстряпали. Цена сделки 100 триллионов долларов. Это больше, чем эта страна могла бы заработать за 100 лет.)

В перечисленных выше примерах маркер *well* стоит в инициальной позиции, открывает пресуппозицию, а спикер представляет свой собственный опыт или логические заключения в качестве достоверного факта реальности, параллельно прибегая к оппозиции «я (свой)» против «они (чужие)».

В имагинативной функции маркер *well* часто сопровождается комиссивами, а также перформативами, с помощью которых спикер создает «как бы» реальность [Демьянков, 2000, с. 28], в которой берет на себя роль активно действующего лидера или прорицателя. Например:

(6) **Well**, I think you're gonna see that, Rush. I think you're going to see that come November 3rd and a little before that because our people don't want... (А я думаю, что ты это увидишь, Раш. Думаю, что ты увидишь, что это случится 3 ноября и даже немного раньше, так как люди не хотят...)

(7) **Well**, I'm going to get that one. I'm going to have to put that one up pretty soon. But look, I'm honored by it, and with time, more and more people... (И я получу его голос. Я собираюсь получить еще больше голосов совсем скоро. Но вот что, я горжусь этим — со временем все больше и больше людей понимают...)

Что характерно, маркер *well* в имагинативной функции используется в предложениях будущего времени или в сочетании с конструкцией *to be going to*.

В обыденном языке имагинативная и эмпирико-логическая функции маркера представлены значением пояснения или аргументации ранее сказанного. В политическом же дискурсе аргументирование происходит за счет создания «как бы реальности» (имагинативная функция) или предъявления собственного опыта, или логического умозаключения в качестве бесспорного факта (эмпирико-логическая).

Не менее интересной представляется микрофункция (само)цитирования, которая также развивается из функции пояснения и аргументирования в обыденном языке. В политическом дискурсе доказательная компонента аргумента усиливается за счет ссылки на авторитетный источник через его цитирование или применяется функция самоцитирования для повышения собственной значимости.

В большинстве случаев дискурсивный маркер занимает начальную позицию в предложении, а его перевод редуцирован, однако иногда переводчик подбирает функциональный эквивалент для дискурсивного маркера в русском языке: «ну», «вообще», «что ж», «хорошо», «знаете» и некоторые другие.

Анализ функций дискурсивных маркеров в устном политическом дискурсе, проведенный на материале телеинтервью Д. Трампа, позволил отметить несколько особенностей:

- 1) Дискурсивные маркеры в политическом дискурсе получают неузвальное употребление.
- 2) Суггестивный потенциал политических текстов, манипуляция как ключевая характеристика политического дискурса приводят к трансформации функций анализируемых маркеров в политической коммуникации, то есть к амбивалентности, бифункциональности маркеров.
- 3) Дискурсивные маркеры в политическом дискурсе выступают компонентом пресуппозиции, создают иллюзию истинности высказывания.
- 4) Некоторые узальные значения ДМ, в частности функция самокоррекции, в политическом дискурсе пропадают.
- 5) Дискурсивные маркеры выстраивают разные темпоральные координаты: *well* — будущее время в имагинативной функции.
- 6) Дискурсивные маркеры служат созданию двусмысленности политических текстов, противоречивости посредством дихотомий «мнение vs факт», «я vs они», «реальность vs альтернативная действительность».

Данные наблюдения позволили нам прийти к выводу, что дискурсивные маркеры в политической речи используются не только для связывания различных частей дискурса, но и для манипуляции сознанием, создания возможных миров для адресата, например, когда маркеры используются в дейктической, имагинативной, эмпирико-логической или апеллятивной микрофункциях.

Дискурсивные маркеры являются неотъемлемой частью архитектуры дискурса, помогая политику строить связное, аргументированное речевое высказывание и управлять сознанием масс, маркируют эмоциональное состояние, отношения, сопровождая когнитивные процессы и служа основной цели — созданию альтернативной действительности, в которую политик погружает адресата.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1990. — С. 136–137.
2. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М. : Помовский и партнер, 1993. — 207 с.

3. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : Либроком, 2013. — 344 с.
4. Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в. // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. — М. : ИНИОН РАН, 2000. — С. 26–136.
5. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. — С. 116–133.
6. Золян С. Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса : сб. науч. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова. — М. : Культурная революция, 2018. — С. 156–173.
7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасик, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20.
8. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126–139.
9. Леонтьев А. А. Язык. Речь и речевая деятельность. — М. : Просвещение, 1969. — 216 с.
10. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. — М. : Издательский дом ЯСК, 2018. — 440 с.
11. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М. : Прогресс, 1999. — 416 с.
12. Соколова О. В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2015. — 635 с.
13. Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. — М. : Культурная революция, 2019. — 234 с.
14. Brinton L. Pragmatic markers in English. Grammaticalization and discourse functions. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1996. — 405 p.
15. Fraser B. An Approach to Discourse Markers // Journal of Pragmatics. — 1990. — Vol. 14. — Pp. 383–398.
16. Fraser B. Towards a theory of discourse markers // Approaches to Discourse Particles / ed. K. Fischer. — Amsterdam : Elsevier, 2006. — Pp. 189–205.
17. Furko B. P. The pragmatic marker — discourse marker dichotomy reconsidered — the case of well and of course. Doktori (PhD) értekezés. — 2004. — 130 p.
18. Halliday M., Hasan R. Cohesion in English. — London : Longman Group Ltd, 1976. — 392 p.
19. Schiffrin D. Discourse Markers. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — 364 p.
20. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. The Handbook of Discourse Analysis. — Blackwell : Publishers Inc., 2001. — 54 p.
21. Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity // Journal of Pragmatics. — 1986. — N 10. — Pp. 519–534.

References

1. Arutyunova N. D. *Diskurs. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. Encyclopedia Publ., 1990, pp. 136–137. (In Russian).
2. Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka* [A guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovsky and partners Publ., 1993, 207 p. (In Russian).
3. Van Dijk T. *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, Librokom Book House Publ., 2013, 344 p. (In Russian).
4. Demyankov V. Z. Functionalism in Foreign Linguistics of the Late 20th Century. *Diskurs, rech, rечevaya deyatelnost: funkcionalnye i strukturnye aspekty* [Discourse, speech, speech activity: Functional and structural aspects]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 26–136. (In Russian).
5. Demyankov V. Z. Interpretation of political discourse in the media. *Jazyk SMI kak obekt mezhdisciplinarnogo issledovanija: Uchebnoe posobie* [Language of the media as an object of interdisciplinary research] / Editor-in-chief M. N. Volodin. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 2003, pp. 116–133. (In Russian).
6. Zolyan S. T. On language in political function. *Obrazy jazyka i zigzagi diskursa. Sbornik nauchnyh statej k 70-letiju V. Z. Dem'jankova* [Images of language and zigzags of discourse. Collection of scientific articles

for the 70th anniversary of V. Z. Demyankova]. Moscow, Cultural revolution Publ., 2018, pp. 156–173. (In Russian).

7. Karasik V. I. On the types of discourse. (ed.) Karasik V.I., Slyshkina G.G. *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Change Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian).

8. Kibrik A. A. Cognitive research on discourse. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1994, no. 5, pp. 126–139. (In Russian).

9. Leontiev A. A. *Jazyk. Rech' i rechevaja dejatel'nost'* [Language. Speech and speech activity]. Moscow, Education Publ., 1969, 216 p. (In Russian).

10. Paducheva E. V. *Jegocentricheskie edinicy jazyka* [Egocentric units of language]. Moscow, YASK Publishing House, 2018, 440 p. (In Russian).

11. Serio P. Russian language and Soviet political discourse. *Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa* [Square of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, 416 p. (In Russian).

12. Sokolova O. V. *Diskursy aktivnogo vozdejstvija: teorija i tipologija* [Discourses of active influence: theory and typology]. Dis. Doctor of Philosophy. Moscow, 2015, 635 p. (In Russian).

13. Sokolova O. V. *Ot avangarda k neoavangardu: jazyk, subekt i vnost', kul'turnye perenosy* [From avant-garde to neo-avant-garde: language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow, Cultural revolution Publ., 2019, 234 p. (In Russian).

14. Brinton L. *Pragmatic markers in English. Grammaticalization and discourse functions*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1996, 405 p.

15. Fraser B. An Approach to Discourse Markers. *Journal of Pragmatics*. 1990, vol. 14, pp. 383–398.

16. Fraser B. Towards a theory of discourse markers. (Ed.) Fischer K. *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam, Elsevier, 2006, pp. 189–205.

17. Furko B. P. *The pragmatic marker — discourse marker dichotomy reconsidered — the case of well and of course*. Doktori (PhD) ertekezés. 2004, 130 p.

18. Halliday M., Hasan R. *Cohesion in English*. Longman Group Ltd, 1976, 392 p.

19. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 364 p.

20. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. *The Handbook of Discourse Analysis*. Blackwell Publishers Inc, USA, 2001, 54 p.

21. Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity. *Journal of Pragmatics*. 1986, no. 10, pp. 519–534.

Сведения об авторе

Е. Л. Кабахидзе — кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Information about the author

E. L. Kabakhidze — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University.

*Статья поступила в редакцию 27.06.2021;
одобрена после рецензирования 16.07.2021;
принята к публикации 27.07.2021.*

*Submitted 27.06. 2021;
approved after reviewing 16.07.2021;
accepted for publication 27.07.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 54–61.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):54–61.

Научная статья
УДК 811.124+81.22
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.006

Особенности грамматической системы латинского языка как когнитивно-коммуникативной основы медицинской терминологии

Татьяна Яковлевна Кузнецова

Северный государственный медицинский университет,
Архангельск, Россия
tk409866@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема адекватности грамматической системы латинского языка ее использованию в медицинской терминологии. Актуальность темы обусловлена когнитивно-коммуникативным подходом к анализу материала. С появлением когнитивных исследований термин предстает не как застывшее образование, но как представляемый чувственно и мыслительно воспринимаемый объект. В его основе лежит концепт, квант структурированного знания. Научная новизна исследования заключается в анализе роли латинской грамматики в процессе формирования медицинской терминологии коллективным адресантом, гуманистами эпохи Возрождения. Сущность системы латинского склонения имен существительных состоит в присоединении к различным основам сравнительно небольшого числа падежных окончаний, сходных для ряда склонений. Номинации в процессе коммуникации осуществляются общими процессами и принципами. Склонение I и II групп имен прилагательных дифференцировано в зависимости от того, на какие типы склонения имен существительных они ориентированы. Термины-словосочетания рассматриваются в аспекте межуровневого взаимодействия морфологии и синтаксиса. Имея четкую когнитивную и коммуникативную направленность, термины-словосочетания отличаются строгой семантической, морфологической и синтаксической структурой.

Особенности грамматической системы латинского языка обуславливают в медицине легкость восприятия, глубину понимания адресатом и быстроту его реакции в процессе профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: когнитивные методы исследования, психосистематика, термин, концепт, понятие, межуровневое взаимодействие, когнитивная направленность, профессиональная коммуникация.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я. Особенности грамматической системы латинского языка как когнитивно-коммуникативной основы медицинской терминологии // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 54–61. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.006.

Original article

The features of the Latin grammatical system as the cognitive-communicative basis of medical terminology

Tatiana Ya. Kuznetsova

North State Medical University, Arkhangelsk, Russia
tk409866@gmail.com

Abstract. The paper discusses the problem of the adequacy of the grammatical system of the Latin language in medical terminology. The relevance of the topic is due to the cognitive-communicative approach to the analysis of the material. Anthropocentrism, with its focus on the intelligent human being, necessitated a review of the terminology and interpretation of the term as a word limited by its special purpose and an unambiguous and accurate expression of the concept. With the advent of cognitive research, the term appears not as a 'frozen' formation, but as a sensually

and mentally perceived object. It is based on the concept, a “quantum” of structured knowledge. However, stepping from the field of a common language the language of medicine, the word presenting the concept becomes the name of the concept, expressing medical reality as a term. The scientific novelty of the study is to solve the problem of the formation of medical terminology based on the system of the Latin grammar, morphology and syntax by the collective addressee, humanists of the Renaissance. For medical terminology, two parts of speech are chiefly required for professional purposes: nouns and adjectives. The essence of the Latin declension system of the noun consists in attaching a relatively small number of case endings to various stems, with some endings shared by different declensions. The process of nomination is guarded by general principles. Adjectives are divided into two groups. The first and second declension of adjectives is differentiated depending on the declension of nouns they modify. Phrase terms are considered in the inter-layer interaction of morphology and syntax. There is special attention to psychosystematics, which puts forward the concept of linguistic virtuality — the repository in our thinking in terms of concepts (cognitive algorithms for the formation of words as parts of speech) (G. Guillaume, L. M. Skrelina) before their use in speech (small syntax). With a clear cognitive and communicative orientation, phrase terms are distinguished by a formal semantic, morphological and syntactic structure. In medicine, the peculiarities of Latin grammar facilitate perception, contribute to the depth of understanding by the addressees and the speed of their reaction in the process of professional communication

Keywords: cognitive methods of the research, psychosystematics, term, concept, notion, inter-level interaction, cognitive orientation, professional communication.

For citation: Kuznetsova T. Ya. The features of the Latin grammatical system as the cognitive-communicative basis of medical terminology. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021;3(58):54–61. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.006.

Объектом внимания в нашей работе является латинский язык как основа медицинской терминологии. В эпоху Возрождения врачи-гуманисты обратились к языку, переставшему существовать десять веков назад в связи с крахом Западной Римской империи и утратой ею государственных функций. Какими достоинствами должен был обладать мертвый язык, чтобы извлечь его из небытия и заставить служить медицине?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к трактовке термина, принятой в современной терминологии. Общеизвестно определение термина А. А. Реформатским как «специальное слово, ограниченное своим специальным назначением, стремящееся быть однозначным как точное выражение понятия и название вещи» [Реформатский, 1996, с. 164].

Появление когнитивных методов исследования привело к пониманию термина не как застывшего образования, но как представления чувственно и мыслительно воспринимаемого объекта. Противопоставляя термин общеупотребительному слову, ученые обратились к дифференциации понятия и концепта. Концепт — это оперативная содержательная единица мышления, квант структурированного знания [Кубрякова, 1996, с. 90]. Концепты лежат в основе формирования значений тех или иных языковых единиц, а также в основе формирования языковых категорий. Концепт — это все, что известно об объекте, номинированном словом [Телия, 1996, с. 96]. Как только слово выводится из области общеупотребительного языка и вводится в язык медицины в качестве средства выражения медицинской реалии, осуществляется рождение слова в языке медицины, обуславливая его терминологизацию, что означает его переход из одного состояния в другое. «Если план содержания общего лексического состава языка располагается в пределах общего видения человеком мира, то план содержания специальных слов — в пределах специализированной деятельности, обусловленной выделенным фрагментом действительности, формирующей области специализированного знания, в которых термин становится именем понятия» [Мусохранова, 2012, с. 97].

Передача научного знания от ученых к специалистам и обучающимся формирует научный дискурс. Медицина как сложная мультидисциплинарная наука не могла полноценно существовать без эффективной системы профессиональной терминологии [Воробьева, 2016, с. 83]. В профессиональной терминологии находят выражение разные типы институционального дискурса, дифференцируемые в зависимости от исполнения коммуникативных действий адресантом и адресатом [Карасик, 2004, с. 278].

Гуманисты эпохи Возрождения, которые явились тем коллективным адресантом, под- сознательно создавшим «медицинскую латынь», должны были неизбежно встроиться в систему принятых в обществе способов картирования и оценки мира, то есть в систему культуры [Карасик, 2004, с. 286]. Для создания медицинской терминологии важны такие характеристики термина, как однозначность, точность в выражении, однонаправленная связь с синтаксисом. Именно этими достоинствами, обладал латинский язык, обеспечивающий быстроту восприятия, легкость понимания и воспроизведения.

Для создания терминов анонимный коллективный адресант использовал в первую очередь две части речи: имя существительное и имя прилагательное (имя существительное — для именования медицинского объекта, имя прилагательное — для выражения его признаков). В функции определения может выступать имя существительное, функциональное различие между существительными в этом плане выражается в разном употреблении падежей и разной позицией в малом синтаксисе. Имя существительное, выражающее медицинский объект, стоит в именительном падеже, определение к предмету — в родительном падеже. Существительное в именительном падеже находится в препозиции по отношению к существительному в родительном падеже, например: *Lamina claviculae* (пластинка ключицы) и *Linea laminae* (линия пластинки).

Падеж и позиция в словосочетании передают разные функции слова *Lamina*. В первом случае оно выступает основным элементом словосочетания, о чем свидетельствует употребление именительного падежа и начальная позиция. Во втором случае родительный падеж и конечная позиция указывают на зависимое положение от предшествующего существительного.

Коллективный адресант должен был учесть те особенности в склонении имен существительных, которые могли бы обеспечить быстрое и точное восприятие адресатом грамматического значения имени.

I склонение имен существительных

Nom. Sg. <i>Cellula</i>	Nom. PL <i>Cellulae</i>
Gen. Sg. <i>Cellulae</i>	Gen. PL <i>Cellularum</i>
Nom. Sg. I скл. -a	Nom. PL I скл. -ae
Gen. Sg. I скл. -ae	Gen. PL I скл. -arum

Для имен существительных I склонения отмечаем совпадение окончаний: -ae в Gen. Sg. и в Nom. PL. Через все окончания проходит гласный -a.

II склонение имен существительных

Nom. Sg. <i>musculus</i>	Nom. PL <i>musculi</i>
Gen. Sg. <i>musculi</i>	Gen. PL <i>musculorum</i>
Nom. Sg. II скл. -us	Nom. PL II скл. -i
Gen. Sg. II скл. -i	Gen. PL II скл. -orum

Для имен существительных II склонения отмечаем совпадение окончаний -i в Gen. Sg. и в Nom. PL. Через окончания Nom. Sg. и Gen. PL проходят чередующиеся гласные -u и -o.

III склонение имен существительных

Третье согласное склонение

Nom. Sg. <i>cavitas</i>	Nom. PL <i>cavitates</i>
Gen. Sg. <i>cavittatis</i>	Gen. PL <i>cavittatum</i>

Формы именительного падежа единственного числа отличаются значительным разнообразием, например, могут оканчиваться на -or, -os, -as, -us, -es, -x, -io, -en. Однако усвоение

отношений, существующих между формами именительного и родительного падежей единственного числа, позволит легко определить исходную форму именительного падежа.

Третье гласное склонение

Nom. Sg. basis	Nom. PL bases
Gen. Sg. basis	Gen. PL basium

Третье смешанное склонение

Nom. Sg. dens	Nom. PL dentes
Gen. Sg. dentis	Gen. PL dentium

В процессе развития латинского языка звуковое сходство отдельных форм приводило к смешению основ и влиянию согласного типа на гласный, что обусловило легкую узнаваемость терминов в коммуникации.

IV склонение имен существительных

Nom. Sg. ductus	Nom. PL ductus
Gen. Sg. ductus	Gen. PL ductuum
Nom. Sg. IV скл. -us	Nom. PL IV скл. - us
Gen. Sg. IV скл. -us	Gen. PL IV скл. -uum

Для имен существительных IV склонения мужского и женского рода отмечаем совпадение окончаний: -us в Gen. Sg. и в Nom. PL. В окончаниях Nom. Sg. и Gen. PL существительных независимо от рода встречается гласный -u.

V склонение имен существительных

Nom. Sg. facies	Nom. PL facies
Gen. Sg. faciei	Gen. PL facierum
Nom. Sg. V скл. -es	Nom. PL V скл. -es
Gen. Sg. V скл. -ei	Gen. PL V скл. -erum

Для имен существительных V склонения отмечаем прохождение гласного -e через все окончания. Окончания -es и в Nom. Sg., и в Nom. PL совпадают.

Сопоставив во всех пяти склонениях падежные формы, убедимся в их значительной общности.

Nom. pl. имен среднего рода всегда оканчивается на -a (II, III, IV скл.):

Septum, i n (II скл.) — septa;
 Tempus, oris n (III скл.) — tempora;
 Cornu, us n (IV скл.) — cornua.

В III, IV и V склонениях Nom. pl. имен существительных мужского и женского рода оканчивается на -s.

Gen. pl. имеет окончания -a-rum, -o-rum, -e-rum в I, II и V склонениях, -um, -ium, -uum — в III и IV склонениях.

Указанные закономерности дают основание говорить о системе латинского склонения, сущность которой состоит в присоединении к различным основам сравнительно небольшого числа падежных окончаний, сходных для ряда склонений [Ярхо, Лобода, 2002, с. 48]. Номинации в процессе коммуникации регулируются общими процессами и принципами.

Прилагательные делятся на две группы. К первой группе относятся прилагательные, которые склоняются по I и II типам склонения имен существительных. Словарная форма этих прилагательных включает указания на мужской, женский и средний род: *albus, alba, album; longus, longa, longum*.

По I склонению так же, как имена существительные, склоняются прилагательные женского рода, оканчивающиеся в *Nom. Sing.* на *-a*, по II склонению — прилагательные мужского рода, оканчивающиеся в *Nom. Sing.* на *-us*, и прилагательные среднего рода, оканчивающиеся в *Nom. Sing.* на *um*, и так же, как существительные, они имеют те же падежные окончания.

Рассмотрим примеры:

f	m	n
<i>linea alba lineae albae</i>	<i>sulcus longus sulci longi</i>	<i>septum altum septa alta</i>
<i>lineae albae linearum albarum</i>	<i>sulci longi sulcorum longorum</i>	<i>septi alti septorum altorum</i>

Ко второй группе относятся прилагательные, склоняющиеся по III типу склонения имен существительных гласного и согласного подтипов [Ярхо, Лобода, 2002, с. 28–58].

В зависимости от окончаний мужского, женского и среднего родов эти прилагательные разделяются на несколько подгрупп.

1) Прилагательные двух окончаний, имеющие две формы в *Nom. Sing.*: одну форму *-is* для мужского (m) и женского (f) родов и форму *-e* — для среднего рода (n). Например:

m, f		n	
<i>brevis</i>	<i>breves</i>	<i>breve</i>	<i>brevia</i>
<i>brevis</i>	<i>brevium</i>	<i>brevis</i>	<i>brevium</i>

2) Прилагательные трех окончаний, имеющие в *Nom. Sing.* формы *-er, -is, -e* для мужского, женского и среднего родов. Например:

m		f		n	
<i>celer</i>	<i>celeres</i>	<i>celeris</i>	<i>celeres</i>	<i>celere</i>	<i>celeria</i>
<i>celeris</i>	<i>celerium</i>	<i>celeris</i>	<i>celerium</i>	<i>celeris</i>	<i>celerium</i>

3) Прилагательные одного окончания, имеющие в *Nom. Sing.* одну форму, общую для всех грамматических родов, обычно оканчивающуюся на *-ns* или *-x*. Например:

m, f		n	
<i>simplex</i>	<i>simplices</i>	<i>simplex</i>	<i>simplicia</i>
<i>simplicis</i>	<i>simplicium</i>	<i>simplicis</i>	<i>simplicium</i>

4) Прилагательные II группы, склоняясь по III типу склонения имен существительных, заимствуя окончания согласного и гласного подтипов, вне различий между подтипами имеют одни и те же окончания, что и у соответствующих имен существительных: в *Gen. Sing.* — *-is*, в *Nom. Plur.* — *-es*, кроме прилагательных среднего рода, имеющих окончание *-ia*. В *Gen. Plur.* все прилагательные оканчиваются на *-ium*.

Категоризация, то есть подведение признака под определенную рубрику, является ключевым понятием в описании познания, связанного со следующими мыслительными операциями: сравнением, отождествлением, установлением сходства. Этим обусловлена эффективность восприятия, понимания и воспроизведения медицинских терминов в профессиональной коммуникации.

В основе формирования медицинского термина находится проблема межуровневого взаимодействия морфологии и синтаксиса.

В теории Гюстава Гийома — психосистематике — проблема взаимодействия морфологии и синтаксиса рассматривается как соотношение предречевого и речевого уровней [Гийом, 2004].

Речезыковая деятельность есть не результирующая сумма «язык + речь», а динамическое объединение и совместное существование языка и речи, находящихся в постоянном взаимодействии. Центральное место в теории Гийома занимает лицо как в той части, что обращена к языку — системе, так и в той ее части, что относится к речи — говорению и построению [Скрелина, 2009, с. 11]. Применяя векторную методику, Гийом выдвинул понятие сублингвистических схем, определил лингвистическую виртуальность, хранилище (в сознании) концептов и их употреблений, что позволило ему выйти на целостное понимание формы.

Г. Гийом вводит понятие интеграла языка и речи, настаивая на идее, что речезыковая деятельность объединяет в себе предшествующий факт языка и последующий факт речи — говорения, дискурса. Речь формируется на уже имеющемся материале, определенном заранее и находящемся в памяти, воображении и распоряжении говорящих.

В психосистематике морфология и синтаксис рассматриваются не как две части описательной грамматики, а как два вида операций построения языка: один (морфология) как построение предшествующее, относящееся к конструирующим операциям языка, второй (синтаксис) как построение последующее, относящееся к конструирующим операциям речи [Скрелина, 2009, с. 21].

Теория психосистематики, имеющая общезыковое значение, полностью подтверждается анализом нашего материала. В морфологической системе, базе латинского языка, заложен учет особенностей восприятия и понимания коллективным адресатом медицинской терминологии [Кузнецова, 2017, с. 279].

Термин «словосочетание» отличается строгой семантической структурой, имеющей также четкую когнитивную и коммуникативную направленность. На первом месте стоит стержневое слово — концепт, вербализованный именем существительным в именительном падеже. За ним следует определение, которое необходимо для представления некоторых дополнительных черт отраженного концепта и которое может быть выражено прилагательным. В этом случае определение согласуется с существительным в роде, числе и падеже: *vena saphena* — подкожная вена, *ductus choledochus* — общий желчный проток. Если определение выражено именем существительным, то оно ставится в родительном падеже: *os ischii* — седалищная кость, *vertebra thoracicae* — позвонок грудной клетки.

Из трех согласованных определений замыкает словосочетание определение, характеризующее либо положение анатомического органа или образования в анатомическом пространстве (*Os cuneiforme laterale sinistrum* — левая боковая клиновидная кость, *Bronchus lobaris inferior dexter* — правый нижний долевого бронх, *Linea nuchae superior* — высшая линия выи), либо характеризующее величину или форму анатомического органа или образования (*Incisura ischiadica major* — большая седалищная вырезка, *Arteria carotica minor* — малая сонная артерия).

К несогласованному определению в словосочетании могут быть добавлены согласованные и несогласованные определения. В таком случае в словосочетании появляется добавочное стержневое слово и дополнительная синтаксическая связь (*Pedunculi arcus vertebrae* — ножки дуги позвонка, *Canaliculus chordae tympani* — каналец струны барабана, *Regiones membri superioris* — области верхней конечности).

Знание латинской морфологии и однозначность ее единиц обуславливают умение в процессе коммуникации дифференцировать термины, которые, на первый взгляд, представляются идентичными, например:

C1 O1 = C2 O2

Septum sinuum sphenoidalium — перегородка клиновидных синусов;

C1 O1 O2

Septum nasi osseum — костная перегородка носа.

В первом случае третий член O2 представляет собой определение ко второму стержневому слову C2, имени существительному *sinuum*, во втором случае третий член O2 представляет собой второе определение к стержневому слову C1, имени существительному *Septum*.

Четкая структурированность элементов обусловлена необходимостью расположить составляющие словосочетания в порядке уменьшения степени значимости объекта по мере удаления от стержневого слова, что приводит к сужению значения основного компонента терминологического словосочетания [Манерко, 2017, с. 287].

Для медицинской терминологии необходимо взаимодействие всех систем и функций языка, отсутствие многозначности, что должно было определить легкость восприятия, глубину понимания адресатом и быстроту его реакции в процессе профессиональной коммуникации. Коллективным анонимным адресантом было замечено, что латинский язык соответствует перечисленным особенностям, вследствие чего он был определен как основа медицинской терминологии.

Список источников

1. Воробьева О. И. Основы эффективности медицинской коммуникации // *Здоровье и образование в XXI веке*. — 2016. — Т. 18, № 7. — С. 83–85.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — Изд. 2-е, испр. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Флинта, 2004. — 477 с.
4. Кубрякова Е. С. Концепт. Концептуализация // *Словарь когнитивных терминов*. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — С. 90–94.
5. Кузнецова Т. Я. Формирование медицинской латыни // *Когнитивные исследования языка*. — 2017. — Вып. 31. — С. 275–279.
6. Манерко Л.А. Номинация и единицы научной сферы английского языка // *Когнитивные исследования языка*. — Тамбов, 2017. — Вып. 31. — С. 280–289.
7. Мусохранова М. Б. Терминогенез: летопись медицины в социально-философском контексте. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 311 с.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
9. Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. — М. : Высш. шк., 2009. — 367 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
11. Ярхо В. Н., Лобода В. И. Латинский язык. — 7-е изд., стер. — М. : Высш. шк., 2002. — 384 с.

References

1. Vorobyeva O. I. Fundamentals of the effectiveness of medical communication *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke* [Health and Education in the XXI century]. 2016, vol. 18, no. 7, pp. 83–85. (In Russian).
2. Guillaume G. *Principy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. 2nd ed., revised. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 224 p. (In Russian).
3. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Flint Publ., 2004, 477 p. (In Russian).
4. Kubryakova E. S. Concept. Conceptualization. *Slovar' kognitivnyh terminov* [Dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996, pp. 90–94. (In Russian).
5. Kuznetsova T. Ya. Formation of medical Latin. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2017, iss. 31, pp. 275–279. (In Russian).
6. Manerko L. A. Nomination and units of the scientific sphere of the English language. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2017, iss. 31, pp. 280–289. (In Russian).

7. Musokhranova M. B. *Terminogenez: letopis' mediciny v social'no-filosofskom kontekste* [Terminogenesis: the chronicle of medicine in a socio-philosophical context]. Omsk, Omsk State University Publ., 2012, 311 p. (In Russian).
8. Reformatsky A. A. *Vvedeniye v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspect Press Publ., 1996, 536 p. (In Russian).
9. Skrelina L. M. *Shkola Gijoma: psihosistematika* [The School of Guillome: psychosystematics]. Moscow, Higher School Publ., 2009, 367 p. (In Russian).
10. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1996, 288 p. (In Russian).
11. Yarkho V. N., Loboda V. I. *Latinskiy yazyk* [The Latin language]. 7th ed., Ster. Moscow, Higher school Publ., 2002, 384 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Т. Я. Кузнецова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного в Северном государственном медицинском университете города Архангельска, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

T. Ya. Kuznetsova — Ph. D (Docteur habil., Philology), Professor, Merited Educator of the Russian Federation, Dpt. of Foreign languages and Russian as a foreign language, North State Medical University, Arkhangelsk.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2021;
одобрена после рецензирования 26.07.2021;
принята к публикации 28.07.2021.*

*Submitted 19.07.2021;
approved after reviewing 26.07.2021;
accepted for publication 28.07.2021.*

РАЗДЕЛ III
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 62–70.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):62–70.

Научная статья
УДК 81'373
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.007

**Глобальное и национальное
в лингвистике fashion-блогов**

*Наталья Александровна Ахренова*¹,
*Александра Андреевна Орлова*²

^{1,2} Государственный социально-гуманитарный университет,
Коломна, Московская область, Россия

¹ nakhrenova@mail.ru

² aleksandra-orlova-95@mail.ru

Аннотация. Исследуются лингвопрагматические и лингвокультурные особенности текстов англоязычной, испаноязычной и франкоязычной блогосферы моды. Основой написания статьи явилась следующая гипотеза: в процессе глобализации происходит унификация письменных традиций в различных лингвокультурах с сохранением ключевых особенностей менталитета и национального характера. Цель исследования состоит в изучении влияния процесса глобализации на национальное своеобразие культур, их лингвистические особенности и традиции создания письменного текста, что находит отражение в текстах блогов, посвященных модной индустрии. В результате проведенного изучения обнаружено определенное сходство блогов о моде в трех лингвокультурах: англоязычной, франкоязычной и испаноязычной. Обоснованность выводов, к которым пришли авторы в ходе сравнительного анализа сходств и различий в употреблении лингвистических средств и средств художественной выразительности в блогах на упомянутых ранее языках, подтверждается обширным проанализированным материалом — 30 модных блогов на трех языках, входящих в десятку самых популярных.

Ключевые слова: fashion-блоги, структура блога, средства художественной выразительности, эпитет, метафора, сравнение, фразеологизм.

Для цитирования: Ахренова Н. А., Орлова А. А. Глобальное и национальное в лингвистике fashion-блогов // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 62–70. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.007.

Original article

**The Global and the National
in the Linguistics of Fashion Blogs**

*Natalia A. Akhrenova*¹, *Alexandra A. Orlova*²

^{1,2} State University of Humanities and Social Studies,
Kolomna, Moscow Region, Russia

¹ nakhrenova@mail.ru

² aleksandra-orlova-95@mail.ru

© Ахренова Н. А., Орлова А. А., 2021

Abstract. The article focuses on linguo-pragmatic and linguocultural features of the texts of the English-speaking, Spanish-speaking and French-speaking fashion blogosphere. Hypothetically, in the process of globalization, written traditions are unified in various linguistic cultures, but at the same time they retain the key features of mentality and national character. The purpose of the paper is to study the impact of globalization on the national identity of cultures, their linguistic characteristics and traditions of creating a written text, which is reflected in the rapidly developing blogosphere, exemplified by fashion blogs. The study found some similarities between fashion blogs across three linguistic cultures: English, French, and Spanish. The validity of the conclusions made by the authors in the course of a comparative analysis of the similarities and differences in the use of linguistic means and means of artistic expression in blogs in the previously mentioned languages is confirmed by extensive material for analysis — 30 fashion blogs in three languages, which are among the ten most popular.

Keywords: fashion-blogs, blog structure, expressive means, epithet, metaphor, comparison, phraseological unit.

For citation: Akhrenova N. A., Orlova A. A. The Global and the National in the Linguistics of Fashion Blogs. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021; 3(58):62–70. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.007.

Тексты, принадлежащие модусу интернет-дискурса, привлекают внимание лингвистов, чем обусловлена актуальность данного исследования, посвященного изучению лингвистических особенностей fashion-блогов, принадлежащих испаноязычной, франкоязычной и англоязычной лингвокультурам. Причины такого повышенного интереса исследователей-лингвистов носят лингвопрагматический характер. Во-первых, ученые, изучая содержание блогов, опираются на сложившийся в науке о языке постулат о том, что именно язык является зеркалом общественных реалий, важных событий, основным средством межкультурной коммуникации, главным источником информации о происходящих лингвистических изменениях (заимствования, неологизмы и т. д.), живым организмом и базовым элементом культуры. Во-вторых, блоги по праву считаются одним из ключевых элементов маркетинга влияния, который, по данным портала РосБизнесКонсалтинга, удвоился за период с 2019 по 2021 год и составил, по данным Statista, 13,8 млрд долларов¹. По прогнозам Insider Intelligence, в 2022 году тенденция к увеличению доли рекламы, размещенной в дневниках блогеров увеличится до 15 млрд долларов США. Именно поэтому мы считаем исследование этого сегмента Интернета с точки зрения лингвопрагматики особенно актуальным и перспективным.

В условиях глобализации и развития цифровой экономики, расширения торгово-экономических, политических и культурных отношений и связей возрастает необходимость в едином языке международного общения.

Несмотря на различия во взглядах ученых, политиков, социологов и т. д. на вопросы положительного или отрицательного влияния *lingua franca* на другие мировые языки и культуры, необходимость в таком языке существовала всегда. Какое-то время было распространено мнение, что искусственные языки заменят естественные. Примером тому может служить популярность языка эсперанто в конце XIX века. Однако он не прижился по причине отсутствия поддержки со стороны экономически развитых государств, имеющих значительный политический вес в мире, а также из-за разных культурных традиций. Именно поэтому английский язык стал, по меткому замечанию профессора С. Г. Тер-Минасовой, языком трех империй — Британской, Американской и империи Интернета, который зародился и получил развитие в англоязычной стране — США. Д. Кристалл пишет: «В Интернете и во “Всемирной сети” все равны, коль скоро вы говорите по-английски... Если вы хотите понять преимущества Интернета, есть только один способ сделать это — изучайте английский язык» [Кристалл, 2001, с. 177].

Неслучайно поэтому все более актуальным становится исследование влияния процесса глобализации на сохранение национального своеобразия культур, отражение которого можно увидеть в быстроразвивающейся современной блогосфере. Общеизвестно, что в мире существует около трех тысяч этнических языков и все они служат для передачи отношения человека

¹ URL: <https://pro.rbc.ru/news/606287859a79475cd047a345> (дата обращения: 07.05.2020).

к разнообразному окружающему миру. Такая богатая языковая палитра создает своего рода коллективный образ мира. Языки рождались, развивались и умирали на протяжении веков. Они взаимодействовали, влияли друг на друга. В результате в каждом языке есть достаточное количество заимствованных слов. Но так как каждый народ создает свою культуру на родном языке, то именно через язык можно узнать все тонкости быта, мировоззрения, обычаев и традиций. Опираясь на вышеизложенные утверждения, в рамках данной статьи мы ставим цель проанализировать англоязычные, испаноязычные и франкоязычные fashion-блоги.

Блог (сокращение от web log) представляет собой своеобразный персональный интернет-дневник, публикуемый на веб-странице и фиксирующий размышления блогера. «Fashion-блог — журнал записей, связанных с модой, стилем, одеждой с точки зрения их смыслового наполнения. Он призван освещать *стиль жизни (lifestyle)* блогера, имеющий своей целью скрыто рекламировать, “программировать” подписчиков (фоловеров) на покупку в определённых магазинах и торговых центрах косметики, аксессуаров, одежды определённых брендов и дизайнеров, а также ездить отдыхать по рекомендуемым маршрутам, слушать музыку нужных рекламодателю музыкальных направлений, читать произведения определённых авторов, посещать выставки» [Ахренова, 2015, с. 16].

В процессе работы над статьей нами были изучены некоторые из самых популярных англоязычных, франкоязычных и испаноязычных fashion-блогов. В ходе анализа выделены как особенности индивидуально-авторского стиля, национального характера, так и последствия влияния глобализации, а точнее американизации, на стиль автора онлайн исследуемых дневников.

Анализ текстов англоязычных, франкоязычных и испаноязычных fashion-блогов позволяет утверждать, что они имеют как свои особенные отличительные черты, так и общие. Варьируются тематика, структура, контент, дизайн блогов. В зависимости от цели создания блога, для того чтобы донести до читателя необходимую информацию и придать своему сообщению эмоциональную окраску, авторы используют различные средства языковой выразительности, такие как сравнения, эпитеты, метафоры, противопоставления и т. д. Наиболее частотным стилистическим приемом, к которому прибегают блогеры, можно отнести яркие, красочные *эпитеты*, которые помогают читателю более полно представить создаваемый образ и понять отношение автора блога к сказанному:

“We are now well into spring, with most of our days spent outdoors enjoying the sunshine and bountiful harvests from our ever-blooming garden” («Сейчас наступила весна, и большую часть дня мы проводим на открытом воздухе, наслаждаясь солнцем и обильными урожаями из нашего вечно цветущего сада»);

“Many of the swimsuits I have my eye on this spring include charming details, like ruffles, embroidery, and scalloped edges” («Многие из купальников, которые привлекли мое внимание этой весной, включают очаровательные детали, такие как оборки, вышивка и зубчатые края»);

“I advise you to wear these amazing lightweight tops, when it’s very hot” («Советую носить эти удивительные легкие топы в жаркую погоду») ².

Испаноязычные блоги также наполнены эпитетами:

“estampados florales” («цветочные принты»);

“un divertido collar de perlas” («забавное жемчужное ожерелье»);

“las vistas muy romanticas” («очень романтические виды»);

“un cliché estético” («эстетическое клише») ³.

В текстах блогов, с одной стороны, прослеживаются изменения, характерные для языка в целом, а с другой — жанровые особенности интернет-коммуникации. Речь французских блогеров богата эпитетами:

“une ambiance chaleureuse” («тёплая атмосфера»);

“une véritable révélation!” («настоящее откровение!»);

² URL: <https://juliaberolzheimer.com/> (дата обращения: 05.05.2021).

³ URL: <https://collagevintage.com> (дата обращения: 03.05.2021).

“personnages seuls et détournés” («одинокие и изолированные люди»);

“ravissants petits objets brillants et colorés” («очаровательные маленькие блестящие и красочные предметы»);

“Il n’y a rien de plus tendre et de mémorable” («Нет ничего более нежного и запоминающегося»).

Вызывает интерес тенденция к переводу блогов, например, с французского языка на английский, то есть параллельное ведение блога на двух языках — родном и английском. Например: “...*magnifique lumière, les arbres sans feuilles et l’herbe chargée de gel offraient un spectacle magnifique*” («...великолепный свет, голые деревья и трава, покрытая инеем, дарили удивительный спектакль»). Помимо эпитетов, здесь также встречается метафора “*offraient un spectacle magnifique*”. Однако при переводе на английский язык она исчезает: “...*beautiful light. but how beautiful to see these very graphic trees and the frozen grass in the morning light!*” («...красивый свет. Но как же красиво в утреннем свете видеть эти очень живописные деревья и замерзшую траву»).

Автор блога часто повторяет прилагательное “*magnifique*”, которое переводит на английский как “*amazing*”, что представляется достаточно нейтральным и не передающим все оттенки смыслов этого многозначного прилагательного. Обратимся за вариантами перевода к словарю онлайн www.multitran.com, где “*amazing*” переводится как «удивительный», «баснословный», «невероятный», «ошеломляющий», «поразительный», «на высшем уровне», “*Magnifique*” в переводе с французского обозначает «великолепный», «славный», «блестящий», «пышный», «прекрасный», «замечательный»⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что в своем переводе на английский язык слово “*magnifique*” утрачивает значения «славный», «блестящий», «пышный». Например, в одном двуязычном посте данное прилагательное встретилось нам 3 раза:

“*magnifique pays*” — “*amazing country*” — «прекрасная страна»;

“*magnifique cascades*” — “*amazing waterfalls*” — «удивительные водопады»⁵.

В испаноязычных и франкоязычных блогах нами обнаружено много **англицизмов**: “*El concepto: “se lleva el look natural”* («Концепция: иметь (букв. «носить») естественный вид»), “*creamos make up hermoso*” («создаем красивый макияж»). На английском языке приводятся и названия всех постов: “*BEAUTY FEATURED INSPIRATION TRENDS*”, “*RESPONSIBLE WASH*”, “*WE LOVE*”⁶. Такие заголовки притягивают внимание читателей не только непривычными лексемами, но и легкостью восприятия, поскольку названия на английском языке понятны для большинства читателей, что сделает блог автора и его публикации широко известными. Более того, это доказывает зависимость лексики от картины мира людей, живущих в эпоху постмодерна, желающих тратить как можно меньше времени на обработку знаний.

Содержание франкоязычных блогов характеризуется наличием большого количества разговорной и иноязычной лексики, что противоречит закону Тубона о чистоте французского языка, но показывает, что авторы хорошо ориентируются в тематике блога. В каждом посте можно увидеть вкрапление англицизмов во французский текст: “*Hello tout le monde*”, “*Hello les amis*”, “*comme dans ce look ou encore celui-ci*”, “*en version jogging*”, “*un jean clair*”, “*le dressing*”⁷.

При чтении блогов нельзя не обратить внимание на частое использование **прилагательных в превосходной и сравнительной степени**, что, как показал анализ, свойственно всем американским блогам данного типа, авторы которых — блогеры-женщины. Например:

“*best wishes*” («наилучшие пожелания»);

“*the most important part*” («самая важная часть»);

“*the most magical week*” («самая волшебная неделя»);

“*They’re the softest cotton ever*” («Это самый мягкий хлопок на свете»);

“*My mood, which was more melancholy*” («Мое настроение, которое было более меланхоличным»)⁸;

⁴ URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 02.06.2021).

⁵ URL: <https://thecherryblossomgirl.com> (дата обращения: 04.05.2021).

⁶ URL: <http://www.eliandeli.com/> (дата обращения: 07.05.2021).

⁷ URL: <https://www.modeandthecity.net> (дата обращения: 04.05.2021).

⁸ URL: <https://juliaberolzheimer.com/> (дата обращения: 05.05.2021).

“the brightest color” («самый яркий цвет), “the most pleasant shade” («самый приятный оттенок»), “the most comfortable jeans” («самые удобные джинсы») ⁹.

Частое употребление прилагательных в превосходной и сравнительной степени в испаноязычных модных блогах также привлекает внимание и создает живой, более яркий образ:

“Empiezo por uno de los sitios más famosos” («Начну с одного из самых известных мест»);

“Admirar la ciudad desde lo más alto” («Полубуйтесь городом сверху»);

“...finalmente tengamos días más largos, soleados y hermosos” («...наконец, мы располагаем более длинными, солнечными и прекрасными днями») ¹⁰;

“son tanto o más importantes” («так же или более важны»);

“las más destacadas” («самые выдающиеся»);

“las 10 más relevantes” («10 наиболее актуальных») ¹¹.

Употребление прилагательных в сравнительной и превосходной степени во франкоязычных блогах придает тексту блога красочность и яркость:

“L'événement le plus attendu de ce séjours à Shanghai avec Louis Vuitton, c'était le défilé!” («Самым ожидаемым событием этой поездки в Шанхай с представителями дома моды “Louis Vuitton” стало дефиле!»);

“...pour le plus grand plaisir des visiteurs” («...к самому большому удовольствию посетителей»);

“...il représente pour moi l'un des personnages les plus charmants et attachants de tout l'univers Disney” («...он представляет для меня одного из самых очаровательных и милых персонажей во всей вселенной Диснея») ¹².

Для более яркого описания образов англоязычные авторы используют **описательные прилагательные**: “They give that unexpected delight to casual looks...” («Они придают неожиданное очарование повседневным образам...»), “I bought this rare and radiant bag...” («Я купила эту редкую и ослепительно красивую сумочку...») ¹³. В данном случае “rare and radiant bag” является аллюзией на стихотворение «Ворон» Эдгара По (“...that rare and radiant maiden...”). Однако аллюзия — это нетипичный для блогов стилистический прием.

Необходимо отметить, что прилагательные, используемые в испанском и французском языках, характеризуются более высокой степенью экспрессивности, что объясняется особенностью национального характера представителей франкоязычной и испаноязычной лингвокультур, в отличие от англоязычной.

Кроме того, говоря о речи франкоязычных авторов, необходимо отметить наметившуюся тенденцию к использованию средств художественной выразительности, в основе которых лежат как глобальные, так и национальные образы. Часто можно увидеть **эмоционально окрашенные обороты**, которые придают разговорную окраску тексту и создают впечатление беседы автора блога с аудиторией: “Nous avons été totalement charmés” («Мы были полностью очарованы»), “C'est vraiment le lieu et l'ambiance qui vous laisseront un souvenir mémorable” («Это действительно место и атмосфера, которые оставят у вас незабываемые воспоминания»), “Le lieu était tellement charmant et la lavande est toujours si inspirante et photogénique” («Место было таким очаровательным, а лаванда всегда такая вдохновляющая и выразительная на фото»), “La lumière était incroyable ce jour-là” («Свет в тот день был потрясающим»), “J'en suis ravie!” («Я в восторге от этого!»), “Cette semaine Vincent m'a offert un bouquet de fleurs absolument magnifique, je crois que c'est le plus beau que j'ai jamais reçu!” («На этой неделе Винсент подарил мне очень красивый букет цветов, я считаю, что он самый красивый из всех, какие я когда-либо получала!») ¹⁴.

⁹ URL: <https://www.wendyslookbook.com/> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁰ URL: <https://collagevintage.com> (дата обращения: 03.05.2021).

¹¹ URL: <http://www.eliandeli.com/> (дата обращения: 07.05.2021).

¹² URL: <https://thecherryblossomgirl.com> (дата обращения: 04.05.2021).

¹³ URL: <https://www.wendyslookbook.com/> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁴ URL: <https://thecherryblossomgirl.com> (дата обращения: 04.05.2021).

В тексте англоязычных постов можно встретить самобытные **метафоры**, которые придают поста́м особую эмоциональную окрашенность и образность. Чаще всего перенос в метафорах происходит по параметрам действия и функции, например:

“*My color pallet has taken a bit of a reprieve as well, with more muted beiges, blues, whites and greens in the forefront*”¹⁵ («Моя цветовая палитра тоже взяла передышку — в ней преобладают более приглушенные бежевые, синие, белые и зеленые оттенки»);

“...*para abarcar las necesidades de cada color de temporada*” («...чтобы удовлетворить потребности каждого сезонного цвета»);

“*También el pelo juega un papel... déjate suelto o juega con coletas, moños bajos*” («Волосы также играют важную роль... можно пофантазировать с причёской, “поиграть” с образом: сделать косички или низкие пучки»);

“*jugando al contraste*” («играя на контрасте»).

Большее количество метафор встречается именно на французском языке. Процесс метафоризации протекает от неодоушевленного к одушевленному, а в основе лежит в большинстве случаев общеизвестный образ:

“*La lumière devenait joliment dorée à ce moment là*” («В этот момент свет стал красиво золотым»);

“*Une aura plus ou moins mystérieuse enveloppe la tombe de certains de ses habitant*” («Более-менее загадочная аура окутывает гробницы некоторых его прежних жителей»);

“...*que la lumière fait ressortir la couleur des feuilles; the light gives the leaves an amazing color*” («...что свет подчеркивает цвет листьев; свет придает листьям удивительный цвет»);

“*la Tour Eiffel qui émerge d'entre ces deux immeubles*” («Эйфелева башня, которая возвышается между этими двумя зданиями»);

“...*un traitement réalisé en salon pour transformer ses cheveux en crinière joliment ondulées*” («...салонная процедура по превращению ее волос в красивую волнистую гриву»).

Для привлечения внимания читателей и раскрытия образа авторы блогов используют фразеологизмы и идиомы. «Фразеологические единицы следует отделить от особого вида идиоматических словосочетаний, которые можно было бы назвать собственно идиомами. Существо отличия собственно идиом от фразеологических единиц состоит в следующем. Фразеологические единицы, повседневно употребляемые в речи англичанина... входят в основную ткань языка, являются его неотъемлемой и совершенно необходимой составной частью. Для них характерно то, что они лишены какой бы то ни было образности, метафоричности... Совершенно другую, существенно отличную область представляют собственно идиомы. Они являются идиоматическими словосочетаниями, основанными на переносе значений, на метафоре, ясно осознающейся говорящими. Характерным моментом для собственно-идиом является их яркая стилистическая окраска, эмоциональная насыщенность, отход от обычного нейтрального стиля» [Смирницкий, 1956, с. 209].

Именно для англоязычных блогов характерно использование **идиом** при описании самых ярких впечатлений, например: “*She was blissfully happy, grinning with a red-stained mouth from ear to ear*” («Она была блаженно счастлива, улыбаясь до ушей (букв. «улыбаясь красным ртом от уха до уха»)); “*Many of the swimsuits I have my eye on this spring...*” («Многие из купальников, которые меня заинтересовали этой весной...»)¹⁶; “*We like shooting the breeze*” («Мы любим болтать о пустяках»); “*It costs a fortune!*” («Это стоит целое состояние»)¹⁷.

В процессе выборки примеров средств художественной выразительности во франкоязычных и испаноязычных fashion-блогах нами обнаружены также **фразеологизмы**. Однако при переводе на английский язык они исчезают:

¹⁵ URL: <https://juliaberolzheimer.com/> (дата обращения: 05.05.2021).

¹⁶ URL: <https://juliaberolzheimer.com/> (дата обращения: 05.05.2021).

¹⁷ URL: <https://www.wendyslookbook.com/> (дата обращения: 08.05.2021).

“Alors lorsque L’Oréal Professionnel m’a proposé de la rencontrer, j’étais bien évidemment aux anges!” («Поэтому, когда L’Oréal Professionnel мне предложила с ней встретиться, я была явно на седьмом небе от счастья!»).

“So when L’Oréal Professionnel invited me to meet her, I was very excited!” («Поэтому, когда L’Oréal Professionnel пригласила меня на встречу с ней, я была очень счастлива»).

“Ahora tengo una losa sobre el corazón” («Сейчас у меня камень на сердце»), “Este mundo es un pañuelo” («Мир тесен») ¹⁸.

“Le panorama sur le Lubéron, le Mont Ventoux et les villages alentours est vraiment à couper le souffle!” («Панорама Люберона, Мон-Ванту и окрестных деревень поистине захватывает дух»); “On peut acheter chat en poche” («Можно купить кота в мешке») ¹⁹.

При описании своих путешествий и интерьера французские блогеры используют **сравнения**. Признаки, объединяющие сходные предметы, явления, не переносятся на сравниваемый предмет, как это делается при создании метафор, а четко выделяются. В большинстве случаев сравнение происходит с глобальными образами, понятными и знакомыми всем:

“...je me sentais presque comme dans un western” («...я чувствовала себя почти как в ковбойском фильме» (в данном случае “un western” является аллюзией на прецедентный американский феномен, ведь «вестерн» — это направление в искусстве, характерное для США);

“Je suis également particulièrement admirative des décors créés pour ce dessin animé, comme un magnifique tableau” («Я особенно восхищаюсь декорациями, созданными для этого мультфильма, как великолепной картиной») ²⁰.

Проанализировав тексты испаноязычных fashion-блогов, мы обратили внимание на преобладание разговорного стиля нескольких авторов, который изобилует разнообразными средствами выразительности, что отражает открытый, импульсивный, легкий, искрометный темперамент представителей испаноязычной культуры, что отчасти продиктовано климатом, в котором они живут. В англоязычной блогосфере подобное обращение считалось бы фамильярным, даже оскорбительным. Разговорность письменной речи блогов подчеркивается синтаксисом, который делает письменный текст более динамичным, неформальным, например: “Hola chicas! Por fiin es viernes y estoy muy feliz” («Привет, девочки! К слову, сегодня пятница и я очень счастлива»). Обращение “chicas” используется в общении с очень близкими людьми. Также необходимо выделить, что именно в испаноязычных блогах наблюдается самое большое количество восклицательных предложений, что подчеркивает экспрессивность испанских девушек. Ведь блог, автор как бы разговаривает со своим читателем: “Prometo que estas son las últimas fotos que tengo de nuestro viaje a Bali, por fin consigo publicarlas todas!” («Я обещаю, что это последние фотографии нашей поездки на Бали, которые у меня есть, я наконец могу опубликовать их все!»). Использование эмодзи также подчеркивает неофициальность речи: “...todas las actividades resultaban el doble de divertidas 😊” («...все мероприятия были вдвое веселее 😊») ²¹.

Прагматика перевода на английский язык состоит в понимании исходного сообщения рецептором в условиях межъязыковой коммуникации. При этом автор блога выступает одновременно и переводчиком, который подбирает подходящие языковые единицы, устанавливает смысловые связи между ними так, чтобы передать исходное коммуникативное намерение. Авторы испаноязычных и франкоязычных блогов ориентированы на широкий круг читателей, именно поэтому большая часть постов переведена на английский язык, который является международным языком общения.

Fashion-блогеры выступают в нашем исследовании в качестве представителей определенной этнокультурной общности. У каждого блогера есть свое культурное пространство, ядром которого является совокупность знаний и представлений носителя определенного национально-

¹⁸ URL: <https://collagevintage.com> (дата обращения: 03.05.2021).

¹⁹ URL: <https://www.modeandthecity.net> (дата обращения: 04.05.2021).

²⁰ URL: <https://thecherryblossomgirl.com> (дата обращения: 04.05.2021).

²¹ URL: <https://collagevintage.com> (дата обращения: 03.05.2021).

культурного менталитета. Именно язык блогера отражает обычаи и систему ценностей, принятых в данной культуре. Во всех блогах мы обнаружили как национальные, так и глобальные особенности.

Приведенные примеры средств художественной выразительности демонстрируют национально-культурную специфику выражения эмоций, создают индивидуальную эмоциональную окраску каждого блога, а вместе с этим и каждого народа. Основываясь на лингвистической теории эмоций В. И. Шаховского, можно утверждать, что эмоции являются частью мышления, мотивационной основой сознания, «эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом данного народа, потому они не только являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, но и составляют значительный фрагмент этой среды обитания и картины мира» [Шаховский, 2009, с. 5]. Более того, авторы блогов управляют вербальным выражением своих эмоций. Так, через средства художественной выразительности блогеров мы понимаем их эмоции, через эмоции — национально-культурную специфику народа.

Читая англоязычный блог, мы представляем себе определенный национальный образ, основой которого является практичность, умение из всего извлечь выгоду, проявляя при этом своеобразную гибкость. Так, американка Джулия проводит много времени на свежем воздухе, наслаждается солнцем, весна приносит ей много новых приключений и подарков. Выразительные средства, которые в своем блоге использует Сара, помогают воспроизвести образ игривой и веселой испанки, у которой «забавное» ожерелье, а часто встречающийся глагол играть позволяет «играть» с контрастом, с цветом, с прической. У француженок Аликс и Дафне национальный образ положен в основу всех средств художественной выразительности. Именно у них, более, чем у представителей других национальностей, очень часто приводится описание культурных реалий (Эйфелева башня, Диснейленд, L'Oréal, le Lubéron, le Mont Ventoux), создается атмосфера романтической Франции, что также подчеркивает многогранность модных блогов, где авторы описывают не только одежду или аксессуары, но и путешествия, пейзажи.

В заключение необходимо отметить, что, проанализировав англоязычные, испаноязычные и франкоязычные fashion-блоги, мы обнаружили их явное сходство, что можно объяснить утратой в процессе глобализации своих лингвистических и культурных особенностей. И французские, и английские, и испанские fashion-блогеры рекламируют очень похожую одежду и косметику. Практически никто из них не ограничивается модными образами, сочетанием цветов и аксессуарами. В своих fashion-блогах они описывают свой стиль жизни, дом, интерьер, путешествия, хобби и многое другое. Большинство блогеров ориентированы на большой круг читателей и представляют структуру блога на английском языке. Французские и испанские блогеры переводят свои посты также на английский язык с целью расширения аудитории своих подписчиков. Однако, как мы увидели при анализе, многие средства художественной выразительности опускаются при переводе. Поэтому текст на языке-оригинале выглядит более богатым, эмоциональным и ярким. Глобальная сеть, глобальная коммуникация, глобальные тренды делают нас ближе друг к другу, дают много возможностей, но с ними мы теряем свою индивидуальность, что и было подтверждено нашим анализом блогосфер Испании и Франции на примере fashion-блогов.

Список источников

1. Ахренова Н. А. Особенности дискурса fashion-блогов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. — 2015. — № 4. — С. 14–23.
2. Кристалл Д. Английский язык как глобальный. — М. : Весь мир, 2001. — 177 с.
3. Сколько стоят блогеры в разных странах мира. — URL : <https://pro.rbc.ru/news/606287859a79475cd047a345> (дата обращения: 07.05.2020).
4. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. — 268 с.

5. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. — М. : Гнозис, 2008. — 416 с.
6. Collage vintage. — URL : <https://collagevintage.com> (дата обращения: 03.05.2021).
7. Eli and Eli. — URL : <http://www.eliandeli.com/> (дата обращения: 07.05.2021).
8. Gal meets glam. — URL : <https://juliaberolzheimer.com/> (дата обращения: 05.05.2021).
9. Mode and the city. — URL : <https://www.modeandthecity.net> (дата обращения: 04.05.2021).
10. The cherry blossom girl. — URL : <https://thecherryblossomgirl.com> (дата обращения: 04.05.2021).
11. Wendy's lookbook. — URL : <https://www.wendyslookbook.com/> (дата обращения: 08.05.2021).

References

1. Akhrenova N. A. Features of the discourse of fashion blogs *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Linguistics series]. 2015, no. 4, pp. 14–23. (In Russian).
2. Crystal D. *Angliski yazik kak global'ni* [English as a global language]. Moscow, The Whole World Publ., 2001, 177 p. (In Russian).
3. How much are bloggers in different countries of the world. Available at: <https://pro.rbc.ru/news/606287859a79475cd047a345> (accessed 05.07.2020).
4. Smiritskiy A. I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow, Literature in Foreign Languages Publ., 1956, 268 p.
5. Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnosis Publ., 2008, 416 p.
6. Collage vintage. Available at: <https://collagevintage.com> (accessed 05.03.2021).
7. Eli and Eli. Available at: <http://www.eliandeli.com/> (accessed 05.07.2021).
8. Gal meets glam. Available at: <https://juliaberolzheimer.com/> (accessed 05.05.2021).
9. Mode and the city. Available at: <https://www.modeandthecity.net> (accessed 04.05.2021).
10. The cherry blossom girl. Available at: <https://thecherryblossomgirl.com> (accessed 04.05.2021).
11. Wendy's lookbook. Available at: <https://www.wendyslookbook.com/> (accessed 05.08.2021).

Информация об авторах

Н. А. Ахренова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет».

А. А. Орлова — старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет».

Information about the authors

N. A. Akhrenova — doctor of philology, associate professor, professor of the department of the Germanic and Romance languages and language teaching methodology, Foreign Languages Faculty, State University of Humanities and Social Studies.

A. A. Orlova — senior lecturer of the department of linguistics and intercultural communication, Foreign Languages Faculty, State University of Humanities and Social Studies.

*Статья поступила в редакцию 02.07.2021;
одобрена после рецензирования 15.07.2021;
принята к публикации 25.07.2021.*

*Submitted 02.07.2021;
approved after reviewing 15.07.2021;
accepted for publication 25.07.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 71–80.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):71–80.

Научная статья
УДК 811.111'42+811.161.1'42
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.008

О формах проявления межпоколенческого дискурса

Екатерина Юрьевна Садовская

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь
sadovskaya@sbmt.by

Аннотация. В статье исследуются формы актуализации межпоколенческого дискурса в речи. Данный дискурс, несмотря на повседневное использование, до недавнего времени оставался малоизученным с точки зрения лингвистики. Представляя собой лингвокультурный феномен, межпоколенческий дискурс подразумевает в широком смысле взаимодействие различных (двух и более) поколений людей, что определенным образом эксплицируется в процессе интеракции. В более узком смысле межпоколенческий дискурс представляет собой взаимодействие представителей различных поколений внутри одной семьи (поколенческая когорта объединена по биологическим признакам). Одним из наименее изученных аспектов является актуализация межпоколенческого дискурса, представленная преимущественно в трех формах: вербальной экспликации со стороны участвующих в интеракции разговорных партнеров (представителей различных поколенческих когорт), сочетании вербальной и поведенческой внешней (невербальной) реакции, а также проявление только невербальной составляющей. Взаимодействие поколений подразумевает различные сочетания данных проявлений, которые, как правило, обладают определенной эмоциональной окрашенностью, как положительной, так и отрицательной с различной степенью эмоционального накала, что зависит от ориентации дискурса на кооперацию или на конфронтацию («конфликт поколений»). Проявления межпоколенческого взаимодействия, как и содержательная составляющая, детерминируются существующими социально-культурными условиями.

Ключевые слова: межпоколенческий дискурс, проявление, актуализация, поколение, вербальные интеракции, невербальное поведение, поведенческие паттерны, разговорный партнер, маркированность.

Для цитирования: Садовская Е. Ю. О формах проявления межпоколенческого дискурса // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3(58). С. 71–80. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.008.

Original article

On the forms of manifestation of intergenerational discourse

Jekaterina Yu. Sadovskaya

Minsk State Linguistics University, Minsk, Belarus
sadovskaya@sbmt.by

Abstract. The article explores the forms in which intergenerational discourse is revealed in people's interactions. Despite the active daily use of intergenerational discourse this kind of discourse has so far not been studied thoroughly by linguists. Being a linguacultural phenomenon, intergenerational discourse, in a broad sense, presupposes the interaction of two or more different generations. In a narrow sense, intergenerational discourse means communication between the representatives of different generations within one family (a generational cohort is united by biological characteristics). One of the less researched areas is how this kind of discourse is manifested. The forms vary with three dominating patterns made visible in the interaction of the representatives of different generations; more specifically, the discourse can be observed in a pure verbal interaction of the dialogue participants (the representatives of specific generational cohorts), in the combination of the verbal and external behavior (non-verbal) manifestation, or only through non-verbal reactions. Intergenerational discourse aims either at cooperation or at confrontation

(the conflict of generations). The forms of revealing intergenerational communication along with the content component are determined by the predominant social and cultural conditions and norms.

Keywords: intergenerational discourse, forms of manifestation, actualization, generation, verbal interactions, non-verbal behavior, behavioral patterns, conversation partner, marking.

For citation: Sadovskaya Je. Yu. On the forms of manifestation of intergenerational discourse. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021; 3(58):71–80. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.008.

Введение

Вопросы коммуникации, вербального и невербального общения давно и широко изучаются в разных странах. В центре внимания — стратегии и тактики коммуникации, особенности как вербальных, так и невербальных средств общения, отличия устной и письменной речи, влияние различных факторов на степень успешности коммуникации. Однако степень изученности определенных видов дискурсов и отдельных аспектов варьируется, что справедливо и для межпоколенческого дискурса, который на данный момент остается вне пристального внимания исследователей-лингвистов. Межпоколенческое взаимодействие активно изучается в рамках психологии, философии, социологии. Как правило, в случае обращения к меж- и поколенческой тематике социологи, философы, психологи изучают ценности различных поколений, характеристики конкретного поколения, динамику взаимоотношений поколений, специфику речи поколения, обходя стороной особенности непосредственно межпоколенческой вербальной и невербальной интеракции. В частности, социологические, философские, психологические, педагогические аспекты рассмотрены в исследованиях А. М. Дуаровой, Д. Ю. Вагина, Л. П. Красноруцкого, Е. Я. Михеевой, В. И. Пищик, С. Н. Лукаша. Экономические, исторические, культурологические особенности взаимодействия поколений изучались А. А. Мироновой, Н. У. Ярычевым. При этом количество собственно лингвистических исследований, обращенных к межпоколенческому взаимодействию и его вербализации, невелико. Например, Т. О. Гаврилова изучает вопросы общения с определенной поколенческой когортой, А. Н. Байкулова — взаимодействие в рамках определенной коммуникативной группы (в семье). Непосредственно к межпоколенческому аспекту, анализируя его с точки зрения социо- и психолингвистики обратилась только К. В. Нилова. В основу проводившихся исследований были положены анкетирование и наблюдение, но без обращения к произведениям художественной литературы.

В предлагаемой авторами статье ставится цель эксплицировать спектр форм актуализации межпоколенческого взаимодействия, экстернализованный как в русскоязычных, так и в англоязычных произведениях художественной литературы, выбранных в качестве эмпирического материала для описательно-сравнительного анализа. В отличие от ранее проведенных исследований новизна данной статьи состоит в акцентуации форм вербальных и невербальных средств общения, используемых представителями различных поколений в процессе кооперативного и некооперативного взаимодействия, а также объема их использования в зависимости от поколенческой принадлежности.

Основная часть

Межпоколенческий дискурс подразумевает взаимодействие двух или более поколений (их представителей), выступающих в роли конверсационных партнеров, соответственно субъектом и объектом интеракции выступают поколения. Поколение представляет собой категорию, которая обозначает «...разные аспекты возрастной структуры и истории общества: 1) Реальное поколение (когорты) — совокупность сверстников, образующая возрастной слой населения. 2) Генеалогическое поколение (генерация) — степень происхождения от общего предка (отцы, сыновья, внуки и т. д.). 3) Хронологическое поколение — временной промежуток, в течение которого живет или активно действует данное поколение. 4) Условное поколение — общность современников, чья жизнь неразрывно связана с определенными эпохальными

историческими событиями или которым приписывается некая символическая общность» [БЭС, 2002, с. 632]. В данной статье под поколением понимается как определенный субъект, состоящий из группы индивидов, объединенных по их жизненной позиции и видению мира (социологическая, психологическая и философская трактовка поколения), так и когорты, объединяемая по признаку кровного родства (биологически-генеалогическое основание поколения). Общность индивидов по поколенческому признаку может быть обусловлено, таким образом, либо принадлежностью к одной семье (роду), либо общностью мотивов, нужд, потребностей, ценностей и одинаковым временным промежутком.

Межпоколенческое взаимодействие предполагает точки встречи и интеракции представителей разных поколений, что может быть представлено как эксплицитно, так и имплицитно, но вместе с тем должно быть достаточно манифестировано для понимания взаимодействия как межпоколенческого как вовлеченными, так и третьими (невовлеченными) в диалог/полилог лицами. Определение интеракции как межпоколенческой возможно благодаря использованию различных групп маркеров. Как правило, выделяются такие группы индикаторов, как «мое (твое/наше/ваше) поколение», «а вот когда я был(-а) молодой», «когда я был(-а) в твоём возрасте», а также маркеры занимаемой в настоящий момент позиции в семье — бабушка, дедушка, внук, внучка и т. п. (данные характеристики меняются с течением времени). Проблему межпоколенческого взаимодействия и соответственно межпоколенческого дискурса можно рассматривать в нескольких аспектах и с разной степенью широты. При широкой интерпретации к межпоколенческому дискурсу можно отнести любые коммуникативные аспекты, в которых в качестве участников выступают представители разных поколений вне зависимости от того, акцентируют они факт принадлежности к конкретному поколению или нет. В более узком понимании межпоколенческий дискурс включает те контексты, в которых один из конверсационных партнеров (или все взаимодействующие коммуниканты) эксплицитно позиционирует себя как представителя определенного поколения.

В настоящей работе мы обращаемся к межпоколенческой семейной коммуникации, ограниченной случаями, когда субъектами коммуникативного взаимодействия являются представители разных поколений одной семьи. В подобных контекстах, как и в других контекстах межличностного общения, наблюдаются сложные переплетения вербальных и невербальных составляющих коммуникативного поведения. Старшие и младшие поколения в разной степени используют способы взаимодействия с социумом (через вербальные и невербальные средства выражения) в определенной социальной среде (в семье) в многообразных ситуативных контекстах.

Коммуникация поколений обусловлена целью ситуации и скользит по шкале «кооперативность — некооперативность». В случае кооперативного взаимодействия межпоколенческий дискурс достаточно часто демонстрирует по отношению к младшим поколениям со стороны старших желание и готовность опекать, оказывать поддержку, проявлять заботу при одновременной четкой идентификации взаимодействующих поколений:

“He [granddad] goes silent. “Don’t worry, we’ll figure it out.”

“Thanks for your help, Granddad. I appreciate it.” (C. Ahern. Flawed)

Маркированность (обращение “granddad”) позволяет идентифицировать данный фрагмент как имеющий именно межпоколенческий характер (общение дедушки и внучки) и одновременно сужающий поле действия межпоколенческого дискурса (в рамках семьи, а не крупной исторической когорты). Поддержка одного поколения другим демонстрируется как в использовании объединяющих местоимений (“we”), так и посредством задействования лексических единиц со значением поддержки и желания помочь (“Don’t worry, we’ll figure it out”).

Младшие поколения в случае кооперативного общения также вербализуют («озвучивают») потребность в помощи и поддержке со стороны старших поколений:

“Hello?”

“Granddad, I need your help.” I was never ready before, I never believed him before, I thought that he was a conspiracy theorist and that he was too irrational, but I know now that he was right about everything. I am ready now.

“Ah, she finally calls,” he says, a cheery sound. “And so it begins.” (C. Ahern. Flawed)

Маркер “granddad” вновь позволяет идентифицировать взаимодействие как межпоколенческое, а не исключительно семейное для четкой идентификации потребности в помощи конкретного поколения (“I need your help”), а радостная реакция бабушки (“cheery”) демонстрирует благожелательный характер реакции на просьбу.

Вместе с тем межпоколенческое взаимодействие зачастую носит и конфликтный характер, обусловленный разницей во взглядах на жизнь, влиянием различных исторических событий, наличием и/или отсутствием жизненного опыта, а также разницей в целях коммуникации и выбором средств речевого общения, осложняющих не только восприятие и понимание, но и принятие сообщения адресанта:

«— Света, ты должна меня выслушать...

— Я никому ничего не должна!

Напряжение набухало от разногласий и сочилось уже нескрываемым раздражением.

Мать и дочь сидели друг против друга за столом просторной гостиной. Каждая была абсолютно уверена в своей правоте, исчерпав в изнурительном споре все заготовленные аргументы» [Фаро, 2020, с. 39].

Межпоколенческий характер взаимодействия в приведенном выше примере очевиден благодаря идентификации собеседников — матери и дочери. Конфронтационная манера выражения интерактантов передается через модальную наполняемость навязывающего высказывания («должна») и зеркальную ответную реакцию («не должна»), что приводит к нарушению принципа кооперации (неготовность собеседника к сотрудничеству) и нарушению статуса матери как иерархически вышестоящего участника общения, демонстрируемое дочерью через намерение настоять на собственной точке зрения. Данный комплекс манифестирует психологическое состояние собеседников и некооперативную направленность общения. Неприятие, выражаемое как вербально, так и невербально (демонстративные жесты и яркая мимика), часто показывает экстернализованную особенность поведения именно молодого поколения (в данном случае дочери), выражающуюся в явно эксплицируемом нежелании воспринимать и соглашаться не только на возможные предложения матери, но даже и на просьбу ее выслушать, а также в потребности продемонстрировать самостоятельность.

Далее диалог получает развитие в виде сменившейся тактики матери, осознающей тщетность предпринятой попытки воздействия посредством модальных средств и использующей ласкательный суффикс в обращении и смягченную манеру обращения:

«— Доченька, мы не договорили...

— Некогда! У меня сегодня рейд! — огрызнулась Светлана. — И запомните раз и навсегда — все решения относительно своей жизни я буду принимать самостоятельно!» [Фаро, 2020, с. 40].

Однако реакция адресата (дочери) становится еще более агрессивной. Невербальная реакция дочери («огрызнулась»), многократное использование восклицательных знаков в ответных репликах, повелительное наклонение, употребление лексических единиц, носящих категоричный характер («запомните раз и навсегда»), демонстрируют отторжение сообщения и применение дочерью конфликтной тактики общения. Подобная реакция насильственного обрывания собеседника используется в случаях: необходимости продемонстрировать свое превосходство одним из разговорных партнеров и/или принизить роль собеседника, конечной целью при этом является окончание коммуникации без возможности пересмотра принятого адресатом решения. «Когда человек прерывает собеседника, он таким образом (неважно, осознанно или нет) заявляет о своем превосходстве... Одно дело, когда заканчиваешь предложение за своего лучшего друга, потому что понимаешь, к чему он клонит, а другое — когда просто заставляешь другого человека замолчать... один участник разговора преуменьшает роль другого и доказывает собственную важность» [Донская, 2017].

Данный фрагмент, помимо высокой степени эмоционального накала, демонстрирует еще одну важную составляющую конфронтационного взаимодействия — важность правильной

интерпретации входящего сообщения: «Правильная интерпретация обеспечивает понимание собеседником содержания высказывания (семантического и прагматического плана), распознавание установки говорящего по поводу того, как ему (адресату) следует интерпретировать высказывание (например, считать ли его вопросом или просьбой, советом или требованием)» [Акишева, 2008, с. 11]. Несовпадение целей коммуникации заставляет дочь интерпретировать попытку матери дать ей совет (пусть и в мягкой форме через ласковое обращение «доченька») как попытку заставить ее действовать вопреки ее собственной воле.

Интенциональность конфликтного взаимодействия демонстрируется также расположением участников данного диалога в пространстве: родители и дети, как правило, предпочитают быть рядом друг с другом в случае теплых и дружеских отношений. Проксемическая невербальная характеристика в данном примере (расположение друг напротив друга) способствует идентификации собеседников как врагов.

Предложенные примеры демонстрируют вариации проявлений межпоколенческого взаимодействия, которое является статусно- и иерархически маркированным и социально детерминированным. Как правило, межпоколенческий дискурс в рамках семьи демонстрирует более активное использование вербальных средств общения со стороны старшего поколения, которое занимает более высокую статусную позицию, в то время как младшее поколение, находящееся в более низкой статусной позиции, демонстрирует более активное использование невербальных средств общения.

«Баба Роза поволокла нас на кухню.

— Сейчас вы у меня покушаете тушеных овощей, — безапелляционно заявила она, — и не надо кривить рот. Или вы все съедите, или не встанете из-за этого стола! Понятно?» [Абгарян, 2021, с. 25].

Маркированность в данном случае демонстрирует межпоколенческое семейное взаимодействие с вертикальной иерархической структурой (взаимодействие бабушки с внучкой и ее подругой). Негативная реакция внучки с подругой на указание бабушки есть овощи представлена в виде невербальной молчаливой реакции, выражаемой через мимику, и озвученная бабушкой: «не надо кривить рот». Уточнение адресантом понимания озвучиваемой угрозы (в виде реплики «Понятно?») и характера заявления «безапелляционно») не подразумевает вербализации ответа (в виде согласия) со стороны адресата. В силу статусно-иерархического положения (моложе и соответственно ниже) и наличия жизненного опыта (отсутствует) адресат не имеет права возражать либо не соглашаться, что детерминируется социальными нормами и устоявшимися правилами поведения.

Речевой фрагмент также одновременно вербализует существующие в социуме нормы поведения за столом (дети/внуки обязаны съесть все, что им дают, без права недоесть или выйти из-за стола без разрешения: «Или вы все съедите, или не встанете из-за этого стола!)). Фрагмент иллюстрирует, с одной стороны, представления старших поколений о полезности/вредности для младшего поколения (в данном случае определенных видов пищи), а с другой стороны — невозможность младшего поколения отказаться от пищи, которая им не нравится, и право выразить свое отношение к происходящему лишь невербально («кривить рот»), демонстрируя, таким образом, что «речевая деятельность осуществляется индивидом... для того, чтобы путем знакового управления деятельностью реципиента как адресата способствовать успешности деятельности говорящего индивида» [Сидоров, 2008, с. 24]. Приоритетной задачей бабы Розы является задача более широкого плана — позаботиться о внуках, и более узкого плана — накормить их (в рамках ее представлений о том, что требуется младшему поколению).

«— Де-воч-ки, — передразнила баба Роза, — а ну-ка, марш сюда, надо умыться! Она поволокла нас к раковине, пустила ледяную воду и плеснула ею нам в лицо.

— Аааааа, — взмолилась Манюня, — ты хоть теплую воду включииии!

— Я вам дам теплую воду! — Баба Роза усердно намылила по очереди наши лица вонючим хозяйственным мылом. — Я вам дам со спичками играть! — Она смыла пену тонкой

струей ледяной воды, от которой душа тоненько тренькнула и ушла в пятки. — Я вам дам не слушаться взрослых! — Она остервенело протерла наши лица вусмерть накрахмаленным вафельным полотенцем» [Абгарян, 2021, с. 24].

Очевидность принадлежности фрагмента к межпоколенческому дискурсу становится вновь возможной благодаря использованию лексических единиц «баба» и «девочки», выступающих в оппозиции старшего и младшего поколений, что немедленно выстраивает иерархию взаимоотношений с социально закрепленным разделением ролей. Реакция представителя поколения 1 (адресанта), бабы Розы, выражается через сочетание вербальной и невербальной реакций на предшествующее неправильное в ее представлении поведение поколения 2 (девочки ранее играли со спичками, что им было запрещено и что озвучивает баба Роза: «Я вам дам со спичками играть!»). Действия адресанта (поволокла, усердно намылила, остервенело протерла) позволяют увидеть имплицитную пресуппозицию — адресант зол и выражает свое раздражение действиями высокой степени интенсивности: «Имплицитный пресуппозиционный смысл на основе прагматической пресуппозиции может представлять собой коммуникативно релевантное для реципиента поведение адресанта — жесты, мимику, интонирование, подчеркивание адресованности речи, преднамеренный отбор фактов для сообщения...» [Жарина, 2006, с. 10].

Предъявление соответствующих социальных норм, обуславливающих поведение взаимодействующих поколений, вербализуется в форме категоричных высказываний: «Я вам дам со спичками играть!», «Я вам дам не слушаться взрослых!» Предупреждение об опасности игры со спичками и приборами, как правило, делается старшими поколениями. Форма «я вам дам» подразумевает запрет, налагаемый старшими на действия младших (достаточно распространенное обращение бабушек и дедушек и/или родителей к детям и/или внукам по поводу совершения каких-либо действий, которые могут нанести вред здоровью и/или благосостоянию детей/внуков, а также в иных группах, подразумевающих иерархически обусловленное взаимодействие), и потенциально угрозу наказания за запрещенные действия (традиционные методы воспитания в патриархальных структурированных обществах).

Степень вовлеченности в процесс межпоколенческой коммуникации поколений также варьируется. Примеры демонстрируют более активное участие со стороны старшего поколения и попытку избегания («ухода») со стороны младшего поколения:

«— Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себя прилично и не скачи по дому, как ненормальная, — мама продолжала выкрикивать инструкции по поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда. — Платье береги!!! — Голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину. — Хорошоооо!» [Абгарян, 2021, с. 14].

Маркирование осуществляется посредством идентификации действующих участников диалога — мамы и дочери. Реакция на типичное поведение старшего поколения, заключающееся в наставлении и формировании шаблонов поведения, принятых в социуме, ожидаемо и не представляет ценности для дочери, которая пытается убежать, не дослушав мать, и реагирует достаточно формально в силу уже предшествующего воспитания, привитых манер и необходимости отвечать, когда к ней обращается взрослый/родитель. Обращение старших поколений к младшим осуществляется в форме повелительного наклонения, с позиции старшего поколения как вышестоящего в статусно-иерархической системе и подразумевает беспрекословное выполнение наставлений младшими поколениями. Одновременно подобный формат представляет имплицитно заботу, а также озабоченность по поводу реакции социума в случае поведения ребенка, если оно не соответствует доминирующим социальным нормам. Младшее поколение, как и в иных вышеприведенных нами примерах, демонстрирует использование преимущественно невербальных средств коммуникации с минимальным объемом вербальных средств.

Выбор речевых средств и поведенческих паттернов детерминируется социо-культурными условиями и действующими нормами поведения в социуме, что манифестируется в речи для достижения неречевых целей. «Чаще же всего речевое воздействие является частью более сложной деятельности, средством достижения какой-то внеречевой задачи» [Сидоров, 2008,

с. 33], в частности, для формирования норм и выработки шаблонов поведения у младших поколений, трансмиссии ценностей и передачи опыта, что присуще и русскоязычной, и англоязычной лингвокультурам:

“...How about you, Phillip? School all right? His son’s face was buried in the menu. “Answer your father.” “Fine.” “Good. Keeping your marks up?” [Moyes. *The Last Letter from Your Lover*].

Повелительное наклонение, используемое матерью в качестве инструкции по поведению для сына, подразумевает, с одной стороны, следование традиционным нормам поведения в обществе (“Answer your father”), поскольку отсутствие реакции может быть воспринято как невоспитанность и даже хамство, а с другой — подразумевает экономию языковых средств и быстрый способ формирования шаблона поведения для немедленной реализации цели. Предполагается, что сын воспримет данную повелительность правильно и совершит необходимое действие, так как «...назначение речевой коммуникации состоит в знаковой координации деятельности людей» [Сидоров, 2008, с. 23]. Сын ведет себя согласно уже привитым ему правилам поведения, ограничиваясь кратким недетальным ответом, в то время как мать (представительница иного поколения) реализует усвоенные ею нормы и формы поведения в обществе в присутствии иных людей и согласно тому, как должны взаимодействовать родители и дети, демонстрирует свою воспитательную роль и значимость и одновременно транслирует их своему сыну: «Мотив производства высказывания состоит в том, чтобы предложить реципиенту словесную программу совершения им некоторой последовательности речепсихических действий и операций, знаменующей получение искомого эффекта коммуникации. Мотив производства высказывания содержит идею воздействия на реципиента и, реализуясь в последующем в самом высказывании, воспринимаемом и интерпретируемом реципиентом, при благоприятных условиях приводит к искомому воздействию; однако с самого начала содержание мотива включает некоторую идею адресата как объекта мотивируемого действия» [Там же, с. 30]:

“He likes his present,” Anthony said. “Goodness. Well, that’s quite a present.” She gazed at the gleaming engine, at her child’s patent delight, and added, “I hope you said thank you, Philip” [Moyes. *The Last Letter from Your Lover*].

В данном фрагменте попытка объяснить сыну, как следует вести себя в обществе, смягчается за счет использования личного глагола, подразумевающего совершение определенных действий со стороны адресата. Вместе с тем внимание представителя младшего поколения привлекается посредством использования полного имени, подразумевая более высокую степень значимости и формальности обращения. Младшее поколение демонстрирует отсутствие какой-либо реакции.

“Go on, then,” he said, to the boy. “Open it.” Freed from the eye of his mother, Phillip became a little more animated. He ripped at the brown paper and stopped, in awe, when he saw what it had concealed” [Moyes. *The Last Letter from Your Lover*].

Обращение с целью подбадривания “Go on, then” способствует (наряду с пояснением ситуативного контекста — отсутствия рядом с сыном в данный момент строгой матери) более живому, неформальному поведению ребенка, который едва заметно обозначил свою реакцию, используя невербальные средства коммуникации (мальчик стал немного более активным и использовал мимику для выражения изумления от полученного подарка). Представленный фрагмент демонстрирует, как происходит усвоение норм поведения в социуме, правил этикета и взаимодействия со взрослыми посредством воздействия коммуникации, подразумевающей «...процесс организации социального взаимодействия людей с помощью речевых средств...» [Сидоров, 2008, с. 107]. Коммуникативное взаимодействие, считает Е. В. Сидоров, находится под влиянием таких факторов, как владение языком, жизненный и коммуникативный опыт, социальный статус, ценностные ориентиры и идеалы, стереотипы и предрассудки, преследуемые цели, обстановка и условия общения, нормы, ритуалы и правила речевого и неречевого поведения, сценарии речевого и неречевого поведения, имплицитные теории личности.

В процессе межпоколенческого взаимодействия (как в русскоязычных, так и в англоязычных контекстах) младшее поколение демонстрирует слабую статусную позицию и использует преимущественно невербальные средства коммуникации в связи с необходимостью действовать в соответствии с представлениями о жизни старшего поколения. Как правило, конфронтационное общение сопровождается безапелляционной манерой высказывания, использованием тактики устрашения и угрозы наказанием со стороны старших поколений, в то время как младшее поколение использует мимику и жесты, редко озвучивая свое несогласие.

Заключение

Межпоколенческий дискурс можно рассматривать в широком и узком смысле. Актуализация дискурса взаимодействия разных поколений осуществляется посредством использования вербальных и невербальных средств коммуникации. Направленность межпоколенческой коммуникации в рамках семьи лежит преимущественно в плоскости кооперации либо конфронтации, что не отрицает существование более широкого спектра целей взаимодействия и реакций.

Соотношение вербальных и невербальных компонентов варьируется в каждой коммуникативной ситуации в зависимости от статусно-иерархической позиции коммуникантов, целей взаимодействия, накопленного опыта. Как в русскоязычном, так и англоязычном эмпирическом материале, содержащем примеры взаимодействия поколений, невербальные компоненты практически всегда сопровождают вербальные компоненты, «срастаясь» с ними. Старшие поколения, находящиеся в высокой статусной позиции, предпочитают вербальные средства коммуникации, включая использование повелительного наклонения, запретов, угроз, а младшие поколения, находящиеся в низкой и слабой статусной позиции, выбирают невербальные средства коммуникации.

Список источников

1. Абгарян Н. Ю. Манюня. — М. : АСТ, 2021. — 317 с.
2. Акишева А. Т. Дискурс-анализ речевых стратегий коммуникантов в гендерной перспективе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Астана, 2008. — 28 с.
3. Байкулова А. Н. Речевое общение в семье : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Саратов, 2006. — 290 с.
4. Поколение // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. — Мн. : МФЦП, 2002. — С. 632.
5. Вагин Д. Ю. Преемственность поколений в сфере духовно-нравственных ценностей современной молодежи России : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. — Н. Новгород, 2015. — 227 с.
6. Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми, структурный и социолингвистический анализ: На материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — СПб., 2002. — 181 с.
7. Донская К. Быстрое чтение: почему люди перебивают друг друга и как с этим жить? — URL : <https://theoryandpractice.ru/posts/16147-bystroe-chtenie-pochemu-lyudi-perebivayut-drug-druga-i-kak-s-etim-zhit> (дата обращения: 23.04.2021).
8. Дуарова М. А. Межпоколенческие отношения в трансформирующемся российском обществе: динамика и интегративный потенциал : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. — Ростов н/Д, 2011. — 170 с.
9. Дудина С. Ю. Межпоколенное взаимодействие в расширенных семьях : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05. — Кострома, 2013. — 197 с.
10. Жарина О. А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Ростов н/Д, 2006. — 20 с.
11. Жукова С. А. Взаимоотношения поколений: социокультурный аспект : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. — Саратов, 2000. — 168 с.
12. Красноруцкий Л. П. Специфика сетевого поколения в России: социокультурный образ и ценностные ориентации : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Майкоп, 2017. — 178 с.
13. Лукаш С. Н. Воспитание подрастающих поколений в традициях и инновациях культуры казачества Юга России : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. — Ростов н/Д, 2010. — 496 с.

14. Миронова А. А. Частные межпоколенные трансферты в различных типах домохозяйств : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.03. — М., 2016. — 31 с.
15. Михеев Е. Я. Межгенерационные отношения в современной России: проблемы социокультурной преемственности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Краснодар, 2005. — 142 с.
16. Нилова К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация: социопсихолингвистический аспект : дис. канд. филос. наук : 10.02.19. — Уфа, 2015. — 261 с.
17. Пищик В. И. Психология трансформации ментальности поколений : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01. — Ростов н/Д, 2010. — 417 с.
18. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. — М. : URSS : ЛКИ, 2008. — 228 с.
19. Фаро Ю. Проверка // Удивительные истории о бабушках и дедушках : сб. — М. : АСТ, 2020. — С. 39–50.
20. Чернецкая С. В. Барьеры и конфликты: социально-антропологический аспект : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. — Ростов н/Дону, 2003. — 161 с.
21. Ярычев Н. У. Культурно-цивилизационные и национально-исторические основания диалога поколений : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00. — Белгород, 2017. — 44 с.
22. Ahern C. Flawed. 2016 : [сайт]. — URL : <https://bbooks.info/viewmore/flawed> (дата обращения: 16.06.2021).
23. Moyes J. The Last Letter from Your Lover. 2011 : [сайт]. — URL : <https://booksvoooks.com/scrolablehtml/the-last-letter-from-your-lover-pdf.html?page> (дата обращения: 16.06.2021).

References

1. Abgaryan N. Y. *Manyunya* [Little Manya]. Moscow, AST Publ., 2021, 317 p. (In Russian).
2. Akisheva A. T. *Diskurs-analiz rechevyh strategij kommunikantov v gendernoj perspective* [Discourse analysis of the speech strategies of communicants in gender perspective]. Abstracts of PhD Dissertation (philology). Astana, 2008, 28 p. (In Russian).
3. Baikulova A. N. *Rechevoje obshchenije v sem'e* [Speech behavior in the family]. Abstracts of PhD Dissertation (philosophy). Saratov, 2006, 290 p. (In Russian).
4. Generation. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar: filosofija, sotsiologija, religija, ezoterizm, politekonomija* (Ed.) S. Y. Solodovnikov. [Unabridged Encyclopedic Dictionary: philosophy, sociology, religion, esoterism, political economy]. Minsk, Minsk Factory of Color Printing Publ., 2002, 1008 p. (In Russian).
5. Vagin L. Yu. *Preemstvennost' pokolenij v sfere dukhovno-nravstvennyh tsennostej sovremennoj molodyozhi Rossii* [Continuity of generations in the sphere of spiritual and moral values of the modern youth of Russia]. PhD Dissertation (sociology). Nizhny Novgorod, 2015, 227 p. (In Russian).
6. Gavrilova T. O. *Registr obshchenija s det'mi, strukturnyj i sotsiolingvisticheskiy analiz : Na materiale russkogo jazyka* [Register of communication with children, structural and linguistic analysis : On the material of the Russian language]. PhD Dissertation (philosophy). St. Petersburg, 2002, 181 p. (In Russian).
7. Donskaya K. *Bystroe chtenie: pochemu ljudi perebivajut drug druga i kak s etim zhit?* [Fast reading: why people interrupt each other and how to live with that?]. Available at : <https://theoryandpractice.ru/posts/16147-bystroe-chtenie-pochemu-lyudi-perebivajut-drug-druga-i-kak-s-etim-zhit> (accessed 23.04.2021). (In Russian).
8. Duarova M. A. *Mezhpokolencheskie otnoshenija v transformirujushchemsya rossijskom obschestve: dinamika i integrativnyj potentsial* [Intergenerational relations in the transforming Russian society: dynamics and integration potential]. PhD Dissertation (philosophy). Rostov-on-Don., 2011, 170 p. (In Russian).
9. Dudina S. Y. *Mezhpokolennoje vzaimodejstvie v rasshirenyh semjah* [Intergenerational interaction in extended families]. PhD Dissertation (psychology). Kostroma, 2013, 197 p. (In Russian).
10. Zharina O. A. *Kategorija implitsitnosti kak osnova dlya formirovanija edinit diskursa i teksta* [The category of implicitness as the basis for the formation of discourse and text units]. Abstracts of PhD Dissertation (philology). Rostov-on-Don, 2006, 20 p. (In Russian).
11. Zhukova S. A. *Vzaimootnoshenija pokolenij : sotsiokulturnyj aspekt* [Intergenerational relationships: social and cultural aspect]. PhD Dissertaion (sociology). Saratov, 2000, 168 p. (In Russian).
12. Krasnorutskij L. P. *Spetsifika setevogo pokolenija v Rossii: sotsiokulturnyj obraz i tsennostnye orientatsii* [Specifics of the Net Generation in Russia: social and cultural image and value orientations]. PhD Dissertation (philosophy). Maikop, 2017, 178 p. (In Russian).
13. Lukash S. N. *Vospitanie podrastajushchih pokolenij v traditsijah i innovatsijah kultury kazachestva Yuga Rossii* [Upbringing of the younger generation in the traditions and innovations of culture of the Cossacks in the south of Russia]. PhD. Dissertation (Doctor of pedagogics. Rostov-on-Don., 2010, 496 p. (In Russian).

14. Mironova A. A. *Chastnye mezhpokolennye transferty v razlichnyh tipah domohozyajstv* [Specific intergenerational transfers in different types of households]. Abstracts of PhD Dissertation (sociology). Moscow, 2016, 31 p. (In Russian).

15. Miheev E. J. *Mezhgeneratsionnye otnoshenij v sovremennoj Rossii: problemy sotsiokulturnoj preemstvennosti* [Intergenerational relations in modern Russia: problems of social and cultural continuity]. PhD Dissertation (philosophy). Krasnodar, 2005, 142 p. (In Russian).

16. Nilova K. V. *Mezhpokolencheskaja vnutrisemejnaja kommunikatsija: sotsiopsiholingvisticheskiy aspekt* [Intergeneration Communication inside the Family: the Sociological Aspect]. PhD Dissertation (philology). Ufa, 2015, 261 p. (In Russian).

17. Pishchik V. I. *Psihologija transformatsii mentalnosti pokolenij* [Psychology of transformation of the mentality of generations] : PhD Dissertation (Doctor of Psychology) Rostov on Don, 2010, 417 p. (In Russian).

18. Sidorov E. V. *Ontologiya diskursa* [Ontology of discourse]. Moscow, URSS, LKI Publ., 2008, 228 p. (In Russian).

19. Faro Y. Test. *Udivitelnyje istorii o babuskkah i dedushkah. Sbornik* [Amazing Stories about Grannies and Granddads. Collection of Stories]. Moscow, AST Publ., 2020, pp. 39–50. (In Russian).

20. Chernetskaja S. V. *Barjery i konflikty: sotsialno-antropologicheskij aspekt* [Barriers and conflicts: social and anthropological aspect]. PhD Dissertation (philosophy). Rostov-on-Don, 2003, 161 p. (In Russian).

21. Yarychev N. U. *Kulturno-tsvivilizatsionnye i natsionalno-istoricheskie osnovanija dialoga pokolenij* [Cultural, civilizational, national and historical foundations of the dialogue of generations]. Abstracts of PhD Dissertation (Doctor of Philosophy). Belgorod, 2017, 44 p. (In Russian).

22. Ahern C. *Flawed*. 2016. Available at : <https://bbooks.info/viewmore/flawed> (accessed 16.06.2021).

23. Moyes J. *The Last Letter from Your Lover*. 2011. Available at : <https://booksvoooks.com/scrolablehtml/the-last-letter-from-your-lover-pdf.html?page> (accessed 16.06.2021).

Информация об авторе

Садовская Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, докторант, Минский государственный лингвистический университет.

Information about the author

Sadovskaya Jekaterina Yurievna — Candidate of Philology, doctoral student, department of General Linguistics, Minsk State Linguistics University.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2021;
одобрена после рецензирования 21.07.2021;
принята к публикации 22.07.2021.*

*Submitted 28.06.2021;
approved after reviewing 21.07.2021;
accepted for publication 22.07.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 81–86.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):81–86.

Научная статья
УДК 81'373.43+ 811.581.11
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.009

Шань Нина

Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай
shanyu486@163.com

Интернет-мем как единица коммуникации в современном китайском языке

Аннотация. В настоящее время Интернет стал незаменимым средством коммуникации. С ростом популярности Интернета и быстрым увеличением количества пользователей создавались, развивались и распространялись с беспрецедентной скоростью также и онлайн-языки. Приводится описание и анализ популярной единицы интернет-коммуникации — интернет-мема. Выбраны преимущественно самые актуальные и популярные мемы китайской Сети. Предложен авторский перевод интернет-мемов 2021 года на русский язык. Обсуждается их влияние на современный китайский язык, а также предлагается диалектическое отношение к языку Интернета.

Ключевые слова: интернет-мемы, интернет-коммуникация, современный китайский язык, нарушение языковых правил, заимствования, полимодальность.

Для цитирования: Шань Нина. Интернет-мем как единица коммуникации в современном китайском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 81–86. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.009.

Original article

Internet Meme as a Unit of Communication in Modern Chinese

Shan Nina

Changchun University, Changchun, China
shanyu486@163.com

Abstract. At present, the Internet has become an indispensable means of communication. With the growth of its popularity and the number of users, online “languages” also began to develop and spread at an unprecedented tempo. The paper focuses on the description and analysis of internet memes as a recent but very popular unit of internet communication. The author has selected the most recent memes gaining popularity in China. The paper offers a tentative typology of internet memes in modern Chinese, explains their etymology and accounts for their popularity from the viewpoint of their form and social message. The author discusses the advantages and disadvantages of memes in terms of their influence on the Chinese language and suggests a dialectic treatment of this phenomenon.

Keywords: internet memes, internet communication, modern Chinese, violation of language rules, borrowings, polymodality.

For citation: Shan Nina. Internet Meme as a Unit of Communication in Modern Chinese. *Foreign Languages in Tertiary Education. 2021; 3(58): 81–86. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.009.*

Введение

С популяризацией интернет-технологий незаметно меняются способы обмена информацией и образ жизни людей. Сетевой язык, возникший с появлением Интернета, быстро и широко распространился в обществе. Как социальная разновидность современного китайского

языка он представляет собой новую языковую систему, сочетающую традиционный язык с современными высокотехнологичными продуктами. Это связано с особенностями компьютерных методов ввода информации и сильно повлияло на возникновение самих мемов и групп пользователей ими.

С. В. Канашина характеризует интернет-мем как «целостную и завершенную единицу интернет-коммуникации, имеющую стандартизованную форму, а именно текст и картинку в квадратной рамке, обладающую полностью или выборочно такими признаками, как вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, мимикрия, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическая направленность, медийность и фантазийный характер» [Канашина, 2017, с. 84]. Термин «вирусность» поясняется следующим образом: «Мемы распространяются “вирусным” способом, переходя от лица к лицу, они могут воспроизводиться точно либо модифицироваться (мутировать)... Характерно и смешивание (контаминация) мемов» [Щурова, Харохорина, 2020, с. 267].

Е. Н. Лысенко анализирует возможные подходы к изучению мемов. Один из подходов автор называет «редукционистским», так как «он сводит объяснение сложного феномена к простейшим единицам, взаимодействующим между собой» [Лысенко, 2017, с. 412]. Другой подход этот же автор называет семиотическим, когда, согласно Р. Барту, «знак первичной системы становится всего лишь означающим во второй системе» [Там же, с. 212].

Интернет-мемы в повседневном общении и их влияние на современный китайский язык

Влияние интернет-мемов на язык пока что относительно невелико. Тем не менее оно проявляется в разных аспектах (фонетически, грамматически и т. д.)

1. Влияние интернет-мемов с фонетической точки зрения

Поскольку общение между людьми в виртуальных сообществах должно происходить через компьютер, причем большинство китайскоговорящих отправителей сообщения пользуются методом ввода иероглифов через пиньинь, когда при наборе фонетических знаков компьютер предлагает ряд слов, а пишущий выбирает нужное слово. Чтобы быстро вводить данные, точность слов часто не учитывается и большинство пользователей оригинальные слова заменяют омофонами. Например, слово 大侠 dà xiá (рыцарь) почти созвучно слову 大虾 dà xiā (большая креветка) и оба слова приобрели жаргонное значение «человек, хорошо разбирающийся в Интернете, продвинутый интернет-пользователь», что позволяет в этом значении заменять один омофон на другой.

2. Влияние интернет-мемов с грамматической точки зрения

Онлайн-язык из-за стремления пользователей Сети к новым идеям демонстрирует феномен ослабления грамматических функций и нарушения общепринятых грамматических правил. Этот фактор проявляется в нескольких аспектах:

1) Неправильное использование грамматики, что приводит в результате пренебрежения грамматическими правилами к появлению таких фраз, как “我走先”, “我周日学习在阅览室”, и другим неграмотным предложениям.

2) Нововведения в грамматической структуре, например: “非常可乐”, “幸运52” и др.

3) Новые синтаксические особенности, в частности увеличение числа коротких предложений вместо более развернутых, резкое сокращение числа предложений, содержащих более 10 слов, преобладание простых предложений над сложноподчиненными.

4) Знаки препинания приобретают новое значение, например, письмо без слов, состоящее из восклицательного и вопросительного знаков («...!?)» означает переход от доверия к сомнению.

3. Влияние интернет-мемов с лексической точки зрения

Лексические единицы — самая важная и активная часть любого языка, в том числе и современного китайского, поэтому наиболее очевидное влияние сетевого языка на китайский проявляется также в использовании лексики.

1) Появление большого количества новых слов. Некоторые слова даже были приняты и использованы в повседневном общении, например, 网虫 (пользователи Сети), 黑客 (хакеры) и т. д. Эти слова получили всеобщее признание и постепенно стали частью китайского словаря, после того как они прошли проверку временем.

2) Значительное увеличение количества заимствованных слов. Появилось слово 伊妹儿 yīmèi — китайская транскрипция слова e-mail (электронная почта). Слово 猫 māo (букв. кот, кошка) стало по созвучию обозначать модем.

3) Использование букв или цифр или их сочетаний для замены китайских слов. Примерами могут служить аббревиатуры ММ (妹妹 mèimei — младшая сестра), JJ (姐姐 jiějie — старшая сестра), GG (哥哥 gēge — старший брат), DD (弟弟 dìdì — младший брат), WAN (我爱你 wǒ ài nǐ — я люблю тебя), 886 (bābāliu по-китайски — числа 886 по произношению схожи с bài bài 拜拜了 созвучно с английским словом *Byebye* в значении «пока»), 7456 (qì sǐwǒle 气死我了 — Я так зол), 5366 (wǒxiǎngliǎoliǎo 我想聊聊 — хочу поговорить), 3X (sānx — фонетически искаженная транскрипция английского слова “Thanks”; в то же время “sān” по-китайски означает число «3», что и дает идеограмму «3X»).

Все эти аббревиатуры очень распространены в языке Интернета.

4) Появление языка мимики средствами клавиатурных знаков. Небуквенные клавиатурные знаки в различных сочетаниях способны с достаточной степенью узнаваемости воспроизводить мимику, а следовательно и человеческие эмоции. Например, три следующих сочетания знаков выражают радость и улыбку (+ _ +), (* _ *), (^ _ ^), а изображение (+ - +) — грусть и печаль.

5) Традиционным словам придается новое значение. Например, словом 坛子 (tánzi) в интернет-языке обозначаются форумы. Многие существующие слова используются в противоположном значении: 天才 гений (о человеке с врожденными проблемами интеллектуального развития) и 神童 вундеркинд (о ребенке с неустойчивой психикой).

Интернет-мемы как отражение актуальных проблем

Разнообразные слова и фразы в Интернете могут быть не просто забавными находками, шутками знаменитостей или необычной игрой слов. Мемы порой отражают и социальные вопросы, с которыми сталкивается современное общество. Мы выбрали самые популярные мемы, по которым можно составить представление о том, что с недавних пор стало актуальным для китайцев. За последние три года, в особенности за последние полгода, в китайском лексиконе появилось много слов, связанных с борьбой с коронавирусом Covid-19, например: 逆行者| — идущий обратно (рис. 1).

Рис. 1. 逆行者| — Идущие обратно. Плакат. CCTV (China Central Television)

Эпитет «идущие обратно» относится ко всем, кто внес вклад в борьбу с эпидемией COVID-19. Когда другие бегут из опасных мест, эти люди, героически исполняющие свой долг

врачи, пожарные, добровольцы и другие люди, боровшиеся с коронавирусом, идут в обратном направлении и выполняют свою работу, порой жертвуя собственной жизнью.

Во время эпидемии коронавируса в Китае более 100 млн пользователей Сети смотрели прямую трансляцию строительства больниц Хошэньшань и Лэйшэньшань, как бы из сетевого облака наблюдая за строительной техникой. Так возникло выражение «облачный супервайзер». Прямая трансляция автоматизированной сортировки и погрузки посылок, запущенная подразделением интернет-магазина Таобао по случаю Дня шоппинга в 2020 году, также привлекла более 100 млн «облачных супервайзеров». На этот раз любимцем публики стал робот-сортировщик под номером 199. Эти три цифры созвучны китайским иероглифам 要长长久久, что связано с пожеланием долгой и счастливой жизни.

Рис. 2. 云监工 — Облачный супервайзер¹

Попытаемся сделать перевод интернет-мемов, появившихся в первой половине 2021 года в связи с борьбой с коронавирусной инфекцией.

1. 人民至上, 生命至上. Народ превыше всего, жизнь превыше всего².

Это означает: делать все возможное для сохранения безопасности и здоровья людей. В 2020 году пандемия коронавирусной инфекции охватила весь мир, что поставила жизнь человечества под угрозу. «Народ превыше всего, жизнь превыше всего» рассматривается как кодекс поведения, который позволил быстро взять под контроль эпидемию.

2. 飒. Отважные красавицы, героини.

飒 — усеченная форма, часть известного китайского идиоматического выражения 飒爽英姿 sàshuǎng yīngzī в значении «бодрый и отважный вид». Данное выражение обычно характеризует мужчину с величественной осанкой и героической аурой. Здесь же оно означает: отважные, полные достоинства представительницы прекрасной половины человечества. Во время пандемии на передовой боролись примерно 50 % женщин-врачей и свыше 90 % женщин-медсестер. Они — то единственное прекрасное, что есть в пандемии.

3. 后浪. Новая волна.

Этим выражением обозначают молодых людей, которые родились в 90-е годы XX века и начале XXI. В борьбе с коронавирусной инфекцией, не щадя себя, они бросились на передовую, на передний край, взяли на себя большую ответственность и стали главной опорой страны.

4. 神兽. Мифический зверь, маленький зверь, зверек.

Имеются в виду дети-озорники, которые, находясь на самоизоляции во время эпидемии, часто делают какие-то глупости, причиняя хлопоты и неприятности родителям, и поэтому их с иронией называют «мифическими зверями» (что по эмотивности, возможно, соотносилось бы с русским гиперболическим парафразом «маленькие монстры»).

5. 直播带货. Продажный стриминг.

Этим выражением обозначается развлекательная онлайн-трансляция с целью сбыта товара. В период эпидемии прямая трансляция продажи товаров из-за невозможности выходить

¹ URL : <https://magazeta.com/chinese-memes-dec-2020/> (дата обращения: 01.05.2021).

² URL : www.phb123.com (дата обращения: 01.05.2021).

из дома за покупками привела к тому, что залежалая из-за эпидемии продукция быстро распродавалась).

6. 双循环. Двойная циркуляция.

В 1988 году китайский исследователь Ван Цзянь ввел термин «большая международная циркуляция» для описания стратегии развития КНР, ориентированной на экспорт. Новая модель развития сочетает роль отечественных потребителей с открытостью миру. По словам председателя КНР Си Цзиньпина, стратегия двойной циркуляции означает, что в своем долгосрочном развитии Китай будет опираться главным образом на «внутреннюю циркуляцию» (внутренний цикл производства, распределения и потребления). Благодаря этому благоприятному циклу импорта-экспорта Китай все быстрее наращивал золотовалютные резервы. Эту тенденцию еще более усилил крупный приток капитала, ставший результатом преференциальной политики КНР в отношении прямых иностранных инвестиций³.

Итак, с одной стороны, мы должны видеть положительное влияние интернет-мемов на современный китайский язык. Интернет-мемы усиливают выразительность современного китайского языка, компенсируют отсутствие сжатого и ёмкого выражения современного китайского языка, удобного в онлайн-общении и в то же время в значительной степени пополняют словарный запас современного китайского языка. Кроме того, мемы могут использоваться не только в личном и социальном общении, но и в образовательном процессе, так как для молодежи они понятны и близки как современный, ёмкий и привычный способ передачи информации. С другой стороны, мы также должны увидеть его негативное влияние на современных китайцев. Например, язык Интернета нарушает фонетические, лексические и грамматические правила, что вызывает семантическую путаницу и нарушает чистоту китайского языка. В определенной степени интернет-мемы наносят ущерб функции стандартизации китайского языка как средства коммуникации. Любой вердикт «правильно – неправильно» будет предвзятым и односторонним. Возможно, следует относиться к этому явлению снисходительно. Необходимо различать здоровые и нездоровые компоненты онлайн-языка, усиливать позитивные рекомендации и как можно больше побуждать пользователей Сети использовать стандартизированный язык.

Заключение

Язык — это всего лишь инструмент, используемый людьми для общения, и средство передачи информации или выражения мыслей. Если онлайн-язык соответствует привычкам, используемым членами общества, способствует передаче информации и может достичь эффекта идеального общения людей друг с другом, он, естественно, сохранится и станет общепринятым. В противном случае, он будет безжалостно устранен. Мы считаем, что китайский язык обладает «иммунной защитой», способностью к самостоятельному выбору и самоочищению и может противостоять дурным влияниям.

Список источников

1. Канашина С. В. «Что такое интернет-мем?» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2017. — № 28 (277). — С. 84–90.
2. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. : Социология. — 2017. — Т. 10, вып. 4. — С. 410–424.
3. Щурина Ю. В., Харохорина, М. Б. Интернет-мем как жанр и «ньюсмейкер» в современном медиапространстве // Медиалингвистика. — 2020. — № 7 (2). — С. 263–275. — URL : <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.209> (дата обращения: 07.06.2021).

³ URL : <https://mind.ua/ru/publications/20216500-poyasnenie-kitajskoj-strategii-dvojnoj-cirkulyacii> (дата обращения: 05.05.2021).

References

1. Kanashina S. V. What is Internet meme? *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Academic Bulletin of Belgorod State University]. 2017, 28 (277), pp. 84–90. (In Russian).
2. Lysenko E. N. Internet memes in young people's communication. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology]. 2017, vol. 10, iss. 4, pp. 410–124 (In Russian).
3. Shchurina Yu. V., Kharokhorina M. B. The Internet-meme as a genre and a “newsmaker” in contemporary media space. *Medialingvistikika* [Media Linguistics]. 2020, no. 7 (2), pp. 263–275. Available at : <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.209> (accessed 07.06.2021) (In Russian).

Информация об авторе

Шань Нина — профессор, заместитель директора Института международного образования Чанчуньского университета.

Information about the author

Shan Nina — Professor, Deputy Director of International Education College, Changchun University.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2021;
одобрена после рецензирования 15.07.2021;
принята к публикации 21.07.2021.*

*Submitted 15.06. 2021;
approved after reviewing 15.07.2021;
accepted for publication 21.07.2021.*

РАЗДЕЛ IV
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА
С ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИЙ

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 87–98.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):87–98.

Научная статья
УДК 81'255.2
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.010

**Популяризация произведений Ф. М. Достоевского в Китае
и анализ трудностей перевода на китайский язык
(на примере романа «Униженные и оскорбленные»)
Часть 1 ***

Ван Цзиньлин

Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай
elizaveta@163.com

Аннотация. В статье обобщается история переводов и популяризации творчества Ф. М. Достоевского в Китае, выявляются трудности перевода его произведений на китайский язык на примере романа «Униженные и оскорбленные» в переводе Ло Цзыляна. Восприятие и понимание художественного текста предполагает расшифровку авторского смысла, индивидуального авторского кода. Задача перевода состоит в максимально полном обеспечении полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествлении с ним в содержательном, мыслительном, психологическом, эмоционально-оценочном и межкультурно-коммуникативном отношении. Самые большие трудности при переводе произведений Достоевского на китайский язык связаны с эмоционально-экспрессивными компонентами и культурно-фоновыми знаниями, которые имплицитно содержатся в языковых единицах. Чтобы справиться с упомянутыми трудностями, переводчик обязан в первую очередь достигнуть полного понимания авторского замысла, учитывая каждый культурно-эмоциональный компонент и имплицитный смысл каждой художественной детали. Полное понимание произведений Достоевского и их адекватный перевод на любой иностранный язык требует более тщательной работы над материалами по истории России середины XX века, связанными с жизнью и творчеством писателя, с фоновыми культурными знаками той эпохи, что позволяет выбрать способ перевода с помощью компенсации, комментирования, трансформации, синонимических замен, эмоционально-экспрессивных эквивалентов, стилистических преобразований и других тактик для осуществления эстетически эквивалентного художественного перевода. В первой части статьи трудности перевода рассматриваются на материале некоторых лексических трудностей: иностранных вкраплений и модальных фразеологизмов. Во второй части предполагается сопоставить оригинал и перевод на синтаксическом, стилистическом и культурологическом уровнях.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, история его переводов в Китае, «Униженные и оскорбленные», трудности перевода на китайский язык, сопоставительный контекстуальный анализ, иноязычные вкрапления, модальные фразеологизмы.

Для цитирования: Ван Цзиньлин. Популяризация произведений Ф. М. Достоевского в Китае и анализ трудностей перевода на китайский язык (на примере романа «Униженные и оскорбленные»). Часть 1 // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 87–98. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.010.

* Окончание статьи в следующем номере журнала.

Original article

The Popularity of F. M. Dostoyevsky's Prose in China and the Challenges of its Translation into Chinese (exemplified by his novel "Humiliated and Insulted")

Part 1

Wang Jinling

Changchun Unoiversity, Changchun, China
elizaveta@163.com

Abstract. The paper reviews the century-long history of translating and publishing the works of Dostoyevsky in China. It also examines the challenges of translating Dostoyevsky with examples drawn from his novel "Humiliated and Insulted", which was translated by Luo Jiliang, a well-known translator of prose fiction. Profound comprehension of a literary work presupposes deciphering of the author's message, his individual code. And its adequate translation consists in rendering all the meaningful elements of the code, so that the substitutions in the receptor language, incapable as they are, re-create the original on the levels of content, philosophy, psychology, emotions and judgments, as well as the intercultural-communicative aspect. Comparative analysis shows that the greatest challenges of translating Dostoyevsky are those related to the emotive-expressive components and to background knowledge of Russian culture of the time, implicitly suggested by the language units. Thence the importance of examining every shade of emotion and the minutest culture-bound details. A translator of Dostoyevsky is to study materials on Russian history of the period connected with the life and works of the writer, with cultural landmarks of the time, so as to make a well-grounded translation decision, choosing among comment, compensation, transformation, substitution and other techniques ensuring adequate translation. In the first part of our analysis, presented in the current issue, we only dwell on some lexical challenges (foreignisms and modal phrases), to be followed by comparative analysis on the syntactical, stylistic and cultural levels.

Key words: Fyodor Dostoyevsky, diachronic overview of translation into Chinese, "Humiliated and Insulted", decoding the message, challenges, translation techniques, foreignisms, modal phrases.

For citation: Wang Jinling. The Popularity of F. M. Dostoyevsky's Prose in China and the Challenges of its Translation into Chinese (exemplified by his novel "Humiliated and Insulted"). Part 1. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021;3(58):87–98. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.010.

В 2021 году исполняется 200 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского и 140 лет со дня его смерти. В XX веке Достоевский стал одним из самых известных русских писателей в мире. О мировом признании и популярности писателя свидетельствуют миллионные тиражи его книг, изданных на русском и в переводах на иностранные языки, театральные постановки и экранизация его произведений, создание специальных исследовательских центров достоевсковедения, появление все большего количества научных работ о творческом наследии писателя в России и за рубежом. Для многих иностранных читателей Достоевский и его герои представляют образ и менталитет русского народа. Его антропологическая идея и философская концепция о «всечеловеке» в значении «совершенный христианин» [Захаров, 2013, с. 153] объединяет людей разных политических убеждений, культур, цивилизаций, конфессий. Эта концепция имеет особо актуальное значение на фоне постоянно происходящих межгосударственных и межрегиональных конфликтов современного мира. Достоевский как романист, психолог, философ и проповедник давно во всем превзошел самого себя. Его произведения становятся предметом чтения, перевода и исследования всех поколений всего мира.

Данная статья посвящена обобщению истории перевода и популяризации произведений Достоевского в Китае, выявлению опыта и трудностей в переводе Достоевского на китайский язык, связанных с языковыми и внеязыковыми факторами, анализу неадекватности перевода на примере романа «Униженные и оскорбленные» с целью поиска тактик перевода, помогающих избежать смысловых и стилистических отклонений от оригинала.

1. История перевода и популяризации произведений Ф. М. Достоевского в Китае

Произведения Ф. М. Достоевского начали переводить на китайский язык с 20-х годов XX века после победы Октябрьской революции в России. Идти по пути России, принимать во внимание модель развития Советского Союза и учиться советскому опыту стало главной идеей и инициативой китайских интеллигентов 1920 годов [Цю Юньхуа, Линь Цзинхуа, 2010, с. 199]. В этот период была выдвинута идея о создании новой литературы в Китае, которая могла бы отразить действительную человеческую и общественную жизнь [Ван Цзяньчжао, 1999, с. 32]. В этой связи русская литература стала главным предметом перевода и исследования в китайских литературных кругах и оказала большое влияние на развитие новой литературы Китая. По данным статистики, в период с 1920 по 1927 год среди 190 переведенных художественных произведений иностранных писателей 83 наименования, включая переизданные, были из Советской России. Для сравнения отметим, что в период 1900–1916 годов русские художественные произведения в отдельном издании в среднем в год составляли меньше 0,9 книги, в течение 1917–1919 годов ежегодно издавалось примерно 10 отдельных переводных изданий [Чень Цзяньхуа, 2002, с. 64]. Именно с 20-х годов XX века в Китае начали активно переводить и публиковать русскую беллетристику. Переводная русская классическая и советская литература стала рассматриваться как «учитель и друг» китайской литературы. Именно в такой социальной и культурной атмосфере публиковались произведения Ф. М. Достоевского.

В современном китайском языке фамилия Достоевский передается следующим образом: 陀思妥耶夫斯基. Однако в истории ее переводов существовало 56 написаний (например: 杜思(斯)退益夫斯基, 陀思(斯/司)妥以夫斯基, 陀思(斯)妥夫斯基, 朵思/朵斯/杜思(斯)陀思退夫斯基, 道斯退易夫斯基, 陀思朵以夫斯基, 铎司托夫斯基, 陶斯屠夫斯基, 多士妥也夫士奇 и др.), что говорит о популярности творчества Ф. М. Достоевского в Китае в течение последних ста лет [Тань Шуйсюань, 2014, с. 9].

Первым его переведенным произведением на китайский язык стал рассказ «Честный вор», который публиковался с 26 по 29 мая 1920 года в ежедневном приложении к шанхайской газете «Гоминьжибао» (国民日报) [Цяо Синьин, 2012]. Это произведение потом вошло в «Сборник рассказов из России» и оказало большое влияние на китайскую общественность того времени. Рассказ «Елка и свадьба» был переведен под названием «Холодный взгляд» и опубликован в журнале «Восток» (т. 17, № 11). Впоследствии этот же рассказ переводили Лян Цзюнь (良浚), Е Цзиньфэн (叶劲风) и Чжун Чи (仲持), что стало первым опытом многократного перевода одного и того же произведения Ф. М. Достоевского на китайский язык [Дин Шисинь, 2012, с. 121]. После 1921 года во многих китайских литературных журналах стали чаще публиковать переводы произведений Достоевского или их отрывки. Так, например, рассказы «Ползунков» («乞孩»), «Мужик Марей» («乡人玛垒»), повесть «Неточка Незванова» («孤女聂丽的故事») были опубликованы в «Журнале для учеников». В 1922 году в литературном журнале «Миньчжун» («民钟») впервые публиковались отрывки из романа «Преступление и наказание».

В июне 1926 года пекинское издательство «Вэймин» (未名社) впервые издало отдельной книгой роман «Бедные люди» в переводе Вэй Цзонью (韦丛芜), и этот факт признается важной вехой в истории перевода и популяризации творчества Ф. М. Достоевского в Китае. Перевод Вэй Цзонью впоследствии корректировался и редактировался писателями и переводчиками Ли Синем (鲁迅) и Вэй Суюанем (韦素园). До 1947 года книга переиздавалась 12 раз. Во второй половине 1920-х годов под руководством издательства «Вэймин» многие журналы и издательства активно занимались переводом и публикацией произведений Ф. М. Достоевского. В 1927 году повесть «Хозяйка» («主妇»), роман «Бесы» («群魔»), рассказ «Роман в девяти письмах» («九封信里的小说»), рассказы «Сон смешного человека» («一个惹人笑的梦») и «Крокодил» («鳄鱼») были переведены на китайский язык и опубликованы в разных литературных журналах или отдельно изданы шанхайскими издательствами. По мере роста популярности и влияния произведений

Ф. М. Достоевского среди китайских писателей и читателей, материалы о биографии и творчестве писателя также стали привлекать внимание переводчиков. В этот период были переведены и опубликованы письма, дневники и мемуары. В течение 1927–1930 годов на китайском языке появились «Письма Достоевского брату Михаилу», «Переписка между Достоевским и Тургеневым», «Письма Страхова Достоевскому», «Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому о Ф. М. Достоевском» [Дин Шисинь, 2012, с. 121] и т. д. В 1930-е годы в переводе были опубликованы романы Достоевского «Преступление и наказание» и «Униженные и оскорбленные».

В 1930–1931 годах появились параллельные переводы произведений Достоевского на английский и китайский языки, что представляло интерес в сопоставительном плане («Елка и свадьба», «Бесы», «Белые ночи», «Честный вор», «Кроткая»). Особо надо отметить, что в этот период впервые была переведена и опубликована одна из самых важных глав романа «Братья Карамазовы» — «Великий инквизитор» («大法官») в литературном журнале «Круг молодежи» (т. 1, № 5). В 1931 году появились два перевода документальной повести «Записки из Мертвого дома». В апреле 1931 года переводчик Ли Цзие (李霁野) перевел роман «Униженные и оскорбленные» на китайский язык, опираясь на его английское издание.

С 1935 по май 1937 года после относительного «затишья» в 1932–1934 годах вновь наступил период активизации переводной деятельности в Китае произведений Достоевского. Был переведен и по частям опубликован в ежеквартальном издании «Литература» роман «Идиот» (т. 2, № 1–4). В то же время повесть «Слабое сердце» вошла в большую 11-томную Антологию мировой литературы на китайском языке, главным редактором которой был Чжен Чженьдо (郑振铎). Повести «Хозяйка» и «Белые ночи» опубликованы издательством «Объединение». Стало более популярным в Китае второе издание романа «Преступление и наказание», переведенного Ван Бинкуном (汪炳琨), который в течение года четыре раза переиздавался. В 1940-е, самые трудные военные годы, Достоевского в Китае продолжали переводить и издавать. Самый большой вклад для популяризации Достоевского в Китае сделал известный переводчик Гэн Цзичжи (耿济之), который впервые перевел «Братья Карамазовы» на китайский язык и стал первым переводчиком Достоевского непосредственно с русского языка. Тем самым начался период более глубокого и зрелого подхода к переводу Достоевского. В этот период Гэн Цзичжи перевел по заказу шанхайского книжного магазина «Каймин» (开明书店) роман «Идиот» (1946), повесть «Записки из Мертвого дома» (1947) и роман «Подросток» (1948) [Дин Шисинь, 2012, с. 123]. Эти произведения публиковались различными издательствами и в разных переводах.

В конце 1940-х годов деятельность по переводу Достоевского в Китае становилась всё более организованной и системной. В 1947 году было запланировано издание Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского издательством «Чженчжун» (正中书局) в переводах Вэй Цонью (韦丛芜), но из-за гражданской войны успели выпустить только три тома, содержащие четыре произведения: «Бедные люди», «Хозяйка», «Преступление и наказание» и «Записки из Мертвого дома». С 1946 года книжный магазин «Вэньгуан» (文光书店) начал подготовку к изданию «Хрестоматии Достоевского», в конечном итоге была реализована намеченная цель и выпущена 9-томная «Хрестоматия Достоевского», включающая произведения «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Кроткая», «Хозяйка», «Белые ночи», «Бедные люди», «Игрок», «Записки из подполья» и «Идиот». До начала 1950-х годов, кроме произведений «Двойник» и «Бесы», все другие его важные произведения были уже переведены на китайский язык. Хотя в девятитомном Собрании сочинений не представлены письма и дневники Достоевского, издание признано наиболее успешным по качеству переводов.

Рассматривая историю переводов произведений Ф. М. Достоевского с точки зрения источника, отметим, что первые публикации большинства его произведений в Китае представляли собой перевод с английского языка. Такие переводчики, как У Гуньцзянь (伍光建), Ли Цзие (李霁野), Чжан Юсун (张友松), Шао Чуаньлинь (邵荃麟), Вэн Ин (文颖), Ху Чжунчи (胡仲持), пользовались английскими переводами произведений Достоевского, выполненными Констанцией Гарнетт (Constance Garnett, 1861–1946). Самый большой вклад в перевод и популяризацию

Достоевского в Китае сделал Гэн Цзичжи (耿济之), который впервые начал переводить произведения Достоевского с русского языка и делал это весьма удачно.

Несмотря на то что общее качество переводов Достоевского на китайский язык было недостаточно высоким, что связано с восприятием русской культуры через английский язык, а также отсутствием в те годы словарей и комментариев, китайским переводчикам в течение 30 лет все-таки удалось представить китайским читателям почти все творения Ф. М. Достоевского, в которых отражаются духовные различия между «своим», «другим» и «чужим»). При этом «свое» и «чужое» могут отождествляться или меняться местами: чужое становится своим, а «свое» — «чужим». Именно эти переводы оказывали большое влияние на методы психологического формирования и художественного выражения китайской литературы после антиимпериалистического, политического и культурного движения 4 мая 1919 года, выросшего из студенческих протестов и затронувшего все стороны интеллектуальной жизни в Китае.

В 1970–1980-е годы после ознакомления со взглядами М. М. Бахтина, определявшего специфику художественного мира Ф. М. Достоевского через понятие «полифонического романа» [Бахтин, 2015], появились новые, причем разнообразные переводы Достоевского. Главными переводчиками в этот период стали Фэн Юэлинь (冯岳麟), Фэн Наньцзян (冯南江), Жон Жудэ (荣如德), Цзан Чжунлунь (臧仲伦), Ло Цзылян (娄自良), Цзэн Сьи (曾思艺), Чжу Сяньшэн (朱宪生), Гэн Цзичжи (耿济之), Жу Лун (汝龙), Сюй Чженья и Фэн Цзэни (徐振亚,冯增义), Хоу Хуафу (侯华甫), Цзэн Сяньпу (曾宪溥) и др. Фэн Юэлинь перевел в конце 1970 года роман «Преступление и наказание» и «Подросток». Фэн Наньцзян в начале 1980 года повторно перевел романы «Униженные и оскорбленные», «Бесы», «Идиот», которые заменили существующие старые издания. Жон Жудэ в 1986 году также выполнил перевод романа «Идиот», а в 1998 году перевел роман «Братья Карамазовы», и именно его переводы этих романов до сих пор остаются наиболее популярными в Китае. В 1983 году он же перевел повести «Хозяйка», «Белые ночи», «Не точка Незванова».

С нового тысячелетия в Китае продолжается всесторонняя популяризация творчества Ф. М. Достоевского. С 2020 года издательство «Переводная литература» выпустило Собрание сочинений Достоевского в переводе Жон Жудэ. Цзан Чжунлунь выполнил перевод всех важных романов Достоевского, включая «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Кроме того, он дополнительно перевел и другие произведения автора: «Униженные и оскорбленные», «Записки из подполья», «Кроткая», «Двойник», «Белые ночи», «Маленький герой», «Записки из Мертвого дома», «Вечный муж», «Господин Прохарчин» и др. А переводчик Ло Цзылян выполнил переводы «Записок из Мертвого дома» и романа «Униженные и оскорбленные».

До 1980-х годов к интерпретации творчества Достоевского в основном подходили с позиции критического реализма его произведений. После 1980-х годов исследование Достоевского начало переходить с традиционной социологической области в структурно-поэтическое пространство, стали уделять больше внимания его философской и религиозной идеологии на фоне сопоставления с китайской литературой, культурой и менталитетом китайского народа. В 2010 году издательство «Хэбэйское образование» выпустило 22-томное Полное собрание переводов Ф. М. Достоевского на китайском языке, составленное главным редактором Чень Шенем (陈燊), что стало самым большим событием китайского достоевковедения [Чжан Лэй, 2014, с. 119]. Более того, был учрежден Центр исследования творчества Достоевского в Китае на базе Пекинского второго университета иностранных языков, который стал символом нового этапа популяризации Достоевского в XXI веке в Китае. В научных изданиях росло число посвященных ему публикаций в области литературоведения и переводоведения. По данным статистики, в период 2000–2012 годов в научных журналах Китая было опубликовано 336 статей по вопросам влияния творчества Достоевского на китайскую литературу, религиозно-философской концепции писателя, комментирования и интерпретации переводов отдельных произведений, мастерства повествования Достоевского [Чжан Лэй, 2014, с. 122]. В настоящее время особое внимание в Китае уделяется ценностям духовного мира Достоевского, что созвучно стремлению

к созданию универсального гуманитарного духа и гармонического мирового сообщества в китайском контексте.

2. Трудности перевода произведений Ф. М. Достоевского на китайский язык (на примере романа «Униженные и оскорбленные»)

«Весьма чуткий к нюансам слова, создатель тонкого психологического стиля, Ф. М. Достоевский внес неопенимый вклад в развитие родного русского языка, русской и мировой литературы. Его художественный мир, наполненный трагическими контрастами и напряженным поиском идеала, предельно эмоционален, динамичен, разнообразен и внутренне антиномичен» [Муминов, 2016, с. 25]. Роман «Униженные и оскорбленные», опубликованный в 1861 году, хронологически завершает первую половину творчества автора, призывая русское общество к уважению даже самого бедного и низкого по званию и социальному статусу человека. В современном литературоведении этот роман рассматривают по-разному. Но как современники Ф. М. Достоевского, так и исследователи XX–XXI веков единодушны в одном: этот экспериментальный роман писателя был «эскизом» для его последующих романов [Поварова, 2016, с. 53]. По мнению В. А. Туниманова, роман «Униженные и оскорбленные» неиссякаемо интересен и до сих пор как биографическое отражение петербургской молодости писателя, как соединение разных эпох жизни русского общества и подчеркнутое гуманистическое начало и остается уникально важным произведением Ф. М. Достоевского.

Как известно, понимание является основой процесса эквивалентного перевода [Алексеева, 2001, с. 7]. Речь идет об эквивалентности всех уровней, включая денотативный, коннотативный, жанровый и импрессивный уровни [Кретов, 2001, с. 63]. «Проблема адекватности перевода эмотивно-субъективной оценки с одного языка на другой не может быть успешно решена в пределах параллельных уровней средств: один и тот же тип эмотивности в разных языках выражается не обязательно средствами одного и того же уровня» [Катермина, 2016, с. 84–85]. Так, иностранному читателю нелегко понять, а переводчику трудно передать все эмотивные и экспрессивные оттенки разговорной производной лексики.

В. Н. Комиссаров в работе «Современное переводоведение» указал, что в области коннотации основные проблемы перевода связаны с наличием у слова, наряду с предметно-логическим, эмоционального, стилистического или образного значения. Проблемы перевода возникают, когда такие значения у слов-соответствий не совпадают или совпадают не полностью [Комиссаров, 2002, с. 131]. Хотя эмоции являются общечеловеческой универсалией, их отражение в семантической системе каждого языка национально-специфично. В связи с этим неэквивалентные культурно-исторические реалии и эмоционально-оценочные средства выражения, используемые в художественных произведениях, в передаче с одного языка на другой чаще всего вызывают наибольшие трудности. Анализируя языковые особенности Ф. М. Достоевского, в данной статье мы попытаемся выявить трудности перевода его романа «Униженные и оскорбленные» на китайский язык на лексическом, синтаксическом, стилистическом и культурном уровнях.

Для анализа трудностей перевода Достоевского мы используем переведенный Ло Цзыляном в 2007 году текст романа «Униженные и оскорбленные» на китайском языке, опубликованный в 2020 году в шанхайском издательстве «Перевод иностранной литературы» как один из томов 9-томной антологии Ф. М. Достоевского.

2.1 Некоторые лексические трудности перевода романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»

Иноязычные вкрапления в тексте. Сосуществование различных языковых систем в рамках одного художественного произведения особо усложняет процесс декодирования смысла автора в переводе. Надо отметить, что иноязычные (немецкие или французские) вкрапления — характерное явление русской классической литературы [Проценко, 2005, с. 134], что

говорит о реальном владении двуязычием определенной социальной группы тогдашней России. Действительно, в произведениях великих русских писателей XIX века, особенно Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, часто встречаются иноязычные вкрапления, которые имеют функцию художественного изображения или привлечения внимания и придают определенную стилистическую нагрузку (например, отчуждение, выражение «французской вежливости» и т. д.) контексту художественного произведения [Проценко, 2005, с. 134]. Для их передачи на китайский язык можно использовать самые разные средства: интерпретацию, трансформацию, синонимические замены, эмоционально-экспрессивные эквиваленты, стилистические преобразования [Там же, с. 136]. Однако иноязычные вкрапления в художественных произведениях не всегда удается передать в языке перевода без ущерба для авторского замысла и поэтому, на наш взгляд, более эффективным способом перевода в данном случае может оказаться метод компенсации с учетом индивидуально-авторской картины мира и национально-культурных особенностей восприятия читателей. Очевидно, что если иноязычные вкрапления использованы автором только в номинативной функции или в качестве национальной характеристики персонажей, то сохранение в переводном тексте иноязычных единиц или транслитерации на языке перевода возможно, в других же случаях прием сохранения иноязычных вкраплений в тексте перевода непременно приводит к потере части информации, а авторский замысел и ассоциативная и смысловая глубина, содержащаяся в этих единицах, существенно искажаются и тем самым теряют свою импрессивную эквивалентность с выражением оригинального текста [Там же].

По нашим наблюдениям, переводчик Ло Цзылян в переводе романа «Униженные и оскорбленные» удачно применил прием прямого перевода немецких вкраплений на китайский язык с дополнительной компенсационной интерпретацией по иноязычному источнику и контекстуальному значению этих единиц в форме сноски. Например:

(1) *С наслаждением почитывая «Dorfbarbiere» (сноска: «Деревенского брадобрея») и попивая свой пунш, он вдруг, подняв голову, заметил над собой неподвижный взгляд старика*¹.

他兴致勃勃地读着《乡村理发师报》，喝着潘趣酒，偶尔抬头，猛地发觉老人凝视他的目光。

(сноска: 原文为德文 = «в оригинале — немецкое слово»).

(2) *Затем, улыбнувшись какой-то странной, совершенно не подходящей к делу улыбкой, ускоренным, неровным шагом вышел из кондитерской, оставив на месте Азорку. Все стояли в изумлении; слышались восклицания.*

— *Шверном! Вас-фюр-эйне-гешихте!* (сноска: *Вот беда! Что за история!*) — *говорили немцы, вытуча глаза друг на друга.*

接着，他露出一抹奇怪的、不合时宜的笑容，急促地、踉踉跄跄地走出了店铺，把阿佐尔卡留在原地。大家都惊讶地站着；只听见一片叹息声。——“真糟糕！出了这样的事！”——那些德国人彼此瞪着眼睛说道。

(сноска: *这句话是用俄文字母拼写的德文。 = «Немецкое выражение приведено в русской транскрипции»*).

(3) *Сначала я стал говорить о том, что жениться на деньгах стыдно и неблагородно и что нам считать себя какими-то аристократами — просто глупо (я ведь с ним совершенно откровенно, как брат с братом). Потом объяснил ему тут же, что я tiers état (фр. в значении: третье сословие) и что tiers état c'est l'essentiel (фр. в значении: третье сословие — это главное), что я горжусь тем, что похож на всех, и не хочу ни от кого отличаться... Я говорил горячо, увлекательно.*

我首先对他说，为金钱结婚是可耻的，不是光明正大的行为，我们以大贵族自居，这简直荒唐（我对他直言不讳，就像在兄弟之间一样）。然后就向他说明，我是第三等级，而第三等级才是主要的。我感到自豪的是，我和大家都一样，我不想与众不同……我讲得热情洋溢而又引人入胜。

Здесь переводчик дал комментарий с объяснением цитаты и смысла этого французского вкрапления для этого контекста: *третье сословие — это термин из книги французского политика Эммануэля Жозефа Сийеса, в значении — настоящие представители государства,*

¹ Примеры в тексте статьи приводятся по источнику: Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 3. Л. : Наука, 1972. 544 с.

а аристократы — это злокачественная опухоль: 原文为法文, 引自法国资产阶级政治家、天主教神父西哀士 (1748 - 1836) 所著小册子《什么是第三等级》(1789年出版)。他认为第三等级才能真正代表国家, 而贵族是人民机体上的恶性肿瘤。

Модальные фразеологизмы. Модальные фразеологизмы в творчестве Ф. М. Достоевского в переводе на китайский язык составляют значительную трудность. Модальные фразеологические единицы неизменяемы, обычно лишены морфологических признаков и не могут сочетаться с другими словами в контексте, выполняя в предложении функцию вводных конструкций. Как и вводные слова, модальные фразеологизмы являются средством выражения отношения говорящего к высказанной мысли, средством выражения его оценки действий, событий, состояний и т. д. [Мительская, 1996, с. 10–12]. Модальные фразеологизмы в творчестве Ф. М. Достоевского разделяются на три семантические группы, которые выражают: 1) положительные чувства и эмоции субъекта речи; 2) отрицательные чувства и эмоции говорящего и 3) вежливую просьбу и пожелание.

К положительной группе относятся такие фразеологизмы, как «Слава богу», «Бог послал», «Бог даст», «Бог отвел», «Бог простит», «Ишь ведь!», «Христос тебя (вас) да сохрани!»). К отрицательной группе модальных фразеологизмов Достоевского относятся единицы, выражающие отрицательные чувства и эмоции субъекта речи: «Боже мой», «О, Господи!», «Там Бог знает что», «Черт возьми», «Убираться к черту», «Черт их дерни», «Черт тебя побери», «Черт знает», «Черт разберет», «Черт с вами», «Ну, к черту кого-что», «Ну и убирайся к черту!», «Убирайтесь же к черту!», «Черт знает что», «Да пусто бы вам», «Тьфу тебя (с вами)», «Тьфу (Фу, ах, о), черт!», «Какого (же) черта», «Тупун тебе на язык», «Эу ведь вас», «Не может быть», «Креста на тебе нет» и т. п. К третьей группе относятся модальные фразеологизмы, выражающие разного рода пожелания, требования к человеку, побуждение к совершению каких-либо действий, поступков. Пожелания могут носить резко негативный характер, если между людьми сложились напряженные и конфликтные отношения. К таким единицам принадлежат: «Чтобы и духу не было (не пахло)», «С глаз долой», «Вынь да положь». В третью группу также входят фразеологизмы, выражающие значение просьбы, проявление вежливости, одобрения, любезности, например: «Сделайте одолжение», «Не поминай духом», «Добро пожаловать», «Дай вам (им, ей, мне) Бог», «Награди тебя Бог», «Сохрани тебя Бог», «Да милости просим» и т. д. Для некоторых фразеологизмов характерно явление полиэмоциональности, поэтому важно передать именно то чувство, с которым выражение произносится.

При переводе такого богатого набора модальных фразеологизмов с русского языка на китайский не всегда удастся находить адекватные эмоциональные выражения, если не постигнуть потенциальный смысл под внешним сочетанием слов. А буквальный и прямой способ перевода вообще никакого смысла эмоции не даст. Более того, некоторые положительные модальные фразеологизмы, имеющие в русском языке синонимическое значение и разные формы и тонкие нюансы степени, в китайском языке требуют находить соответствующей эмоциональной формы выражения, не позволяя ограничиться формальной и буквальной передачей значения по отдельным морфемам фразеологизма. Из практики перевода мы заметили, что даже опытные переводчики старшего поколения часто не дают соответственное и адекватное эмоциональное выражение в языке перевода, что приводит к потере и ослаблению эмоциональных и оценочных тональностей оригинального текста в языке перевода. Проанализируем примеры из перевода Ло Цзыляна:

(4) — *Что, что тебе, девочка? — вскричал он. — Что? Просишь? Да? Вот, вот тебе... возьми, вот!*

*И он, суетясь и дрожа от волнения... — положил деньги в руку маленькой нищей.
— Христос тебя да сохрани, маленькая... дитя ты мое! Ангел божий да будет с тобой!*

“你要什么，要什么呀，小姑娘？”他叫道，“要什么？你是在求乞吗？是吗？给，给你……拿着，给！”

他激动得发抖，<...>把钱放在小乞丐的手里。

“基督保佑你，小姑娘……我的孩子！天使与你同在！”

В этом примере переводчик принял метод прямого перевода, фразеологизмы «Христос тебя да сохрани», «бог здоровья послал», «Ангел божий да будет с тобой» при передаче на китайском языке потеряли значения пожелания. В таком случае мы считаем нужно добавить слово *愿*, дающее четкое модальное значение «пожелаю тебе»: *愿基督保佑你! 愿天使与你同在!*

(5) — *Ах, боже мой! Да какому же ему быть, папочка?*

“哎呀，我的天哪！他该怎样呢，爸爸？”

(6) — *Я ведь знаю, Ваня, как ты любил меня, как до сих пор еще любишь, и ни одним-то упреком, ни одним горьким словом ты не упрекнул меня во все это время! А я, я... Боже мой, как я перед тобой виновата!*

“我知道，瓦尼亚，你爱我，现在还爱着我，而在这么长的时间里，你没有抱怨过，从来不说一句让我伤心的话！而我，我……天哪，我多么对不起你！”

В примере 5 модальный фразеологизм, наряду с удивлением, имеет оттенок укоризны, а в примере 6 — самоукоризны. Но в переводе Ло Цзылян везде в произведениях для передачи этого фразеологизма использовал только однородное и буквальное восклицательное слово «боже» как “天哪”，которое не всегда придает сопроводительный конкретный смысл отрицательным эмоциям, выраженным в оригинале. В этих случаях эмоции в китайском языке в зависимости от контекста можно передать выражениями “你怎么能这么说呢!”, “怎么会 (能) 这样啊!”, “我真该死!” и т. п. В третьем примере использование “我真该死!” может выразительно передать угрызения совести героини (Наташи).

(7) *...Ведь он весь поседел в эти два года, — взгляни на него! А главное: ты ведь это все знаешь, Наташа, господи боже мой! Ведь я уже не говорю, чего стоит им обоим тебя потерять навеки! Ведь ты их сокровище, все, что у них осталось на старости.*

这两年他的头发全白了，——你看看他的样子吧！主要的是，这一切你都知道啊，我的天哪！我不想说，永远失去你，这对两位老人家是怎样的打击！要知道，你是他们的心肝宝贝，是他们晚年唯一的安慰。

В этом примере выражение «господи боже мой» имеет усилительный оттенок, который, к сожалению, также не был передан переводчиком Ло Цзыляном. В то же время в переводе опущено обращение «Наташа», которое в этом контексте играет роль усиления упрека и привлечения внимания адресата. Мы бы предложили в этом контексте следующие варианты: *娜塔莎, 你怎么能这么做! / 娜塔莎, 你真不该这么做!*

(8) *Старушка смотрела на меня с непритворным и уж слишком торопливым сожалением, а сама про себя думала: «Ведь вот эдакой-то чуть не стал женихом Наташи, господи помилуй и сохрани!»*

安娜·安德烈耶夫娜以毫不掩饰、过于匆忙的怜惜的神气望着我，她心里在想：“就是这个人差点儿成了娜达莎的未婚夫，上帝保佑吧！”

В этом контексте переводный вариант “上帝保佑吧!” не учитывает контекст, в котором употребляется восклицание. Китайская фраза, как и русская, вне контекста выражает надежду на милость высших сил в будущем, а в этом контексте старушка выражает не надежду, а радость, что Наташа не стала женой бедного неудачника. Можно сказать, что такой перевод совсем не соответствует смыслу оригинала. По этому контексту фразеологизм «*господи помилуй и сохрани!*» можно передать вариантами: *千万不要让他成为我的女婿啊! / 他可千万别成为我的女婿! / 我可不需要这样的女婿!* в значении «*Слава Богу // К счастью, он не стал моим зятем!*»

(9) — *Да сделайте одолжение; говорю вам, меня это очень интересует. Я, может быть, что-нибудь и в состоянии сделать. Кто ж эта девочка? Кто была ее мать, — вы знаете?*

“请您做件好事；我对您说，这件事使我很感兴趣。我也许能做点儿什么。这个小姑娘是谁？谁是她的母亲，——您知道吗？”

В этом примере переводчик Ло Цзылян сделал перевод на основе буквального перевода каждого слова, а не целостного значения этого фразеологизма. Фраза 请您做件好事 в обратном переводе получается: «Сделайте доброе дело». А по контексту этот модальный фразеологизм выражает вежливую просьбу в значении «Помогите мне выяснить», «Прошу узнать об этой девочке подробнее». Поэтому здесь перевод не передает эмоциональное значение коммуникативной реплики персонажа.

Выводы

История переводов и исследования творчества Ф. М. Достоевского в Китае говорит не только о растущей популярности этого писателя в КНР, но и о постепенном переключении внимания с сугубо социальной проблематики его произведений на тонкий психологизм и философскую глубину.

Прорывом в успешности перевода, вероятно, следует считать переход от языка-посредника (переводы К. Гарнетт на английский язык) к прямому переводу с русского языка на китайский.

Одна из трудностей перевода произведений Ф. М. Достоевского — адекватная передача модальных фразеологизмов, которые в русском языке, во-первых, многозначны, а во-вторых, могут выполнять более одной эмотивной функции даже в пределах одного контекста, что, наряду с другими факторами, способствует возникновению все новых переводов Достоевского на китайский язык.

Список источников

1. Алексеева Е. А. Допереводческий анализ текста как способ формирования навыков понимания // Перевод: язык и культура : материалы науч. конф. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. — Вып. 4. — С. 7–8.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Азбука СПб, 2015. — 416 с.
3. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // Полн. собр. соч. : в 30 т. — Т. 3. — Л. : Наука, 1972. — 544 с.
4. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 150–164.
5. Катермина В. В. Эмотивная лексика и перевод // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — Вып. 4 (23). — С. 82–90.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М. : ЭТС, 2002. — 424 с.
7. Кретов А. А., Фененко Н. А. К понятию импрессивной эквивалентности текстов // Перевод: язык и культура : материалы науч. конф. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. — Вып. 4. — С. 63–64.
8. Муминов В. И. Особенности употребления классификаторов неопределенности признака в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26, вып. 6. — С. 25–29.
9. Мительская Ж. З. Языковые свойства фразеологизмов модального класса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Челябинск, 1996. — 199 с.
10. Поварова О. В. Мотив бегства из семьи в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2016. — № 1. — С. 52–55.
11. Проценко Е. А. Возможна ли репатриация при переводе? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — № 2. — С. 133–138.
12. Туниманов В. А. Петербургский роман // Электрон. б-ка спец. филол. лит. — URL : <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=87&artID=267> (дата обращения: 15.06.2021).
13. Ван Цзяньчжао. Взаимопроникновение китайской и российской словесности: советско-российская литература и новая китайская литература 20 века. Гуйлинь : Лицзянь, 1999. — 234 с. (汪剑钊. 中俄文字之交: 俄苏文学与二十世纪中国新闻学. 桂林: 漓江出版社, 1999, 234页。)
14. Дин Шисинь. Обзор переводов художественной прозы на китайский язык в современном Китае // Вестник педагогического института Цилу (г. Цзинань, провинция Шаньдун). — 2012 — № 1. — С. 120–124. (丁世鑫. 陀思妥耶夫斯基作品在现代中国的汉译述评. // 齐鲁师范学院学报, 2012年第1期, 120–124页。)

15. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // Собр. соч. / пер. Ло Цзыляна. — Шанхай : Изд-во переводной литературы, 2016. — 526 с. (陀思妥耶夫斯基著. 被伤害与侮辱的人们. 陀思妥耶夫斯基文集/娄自良译. 上海: 上海译文出版社, 2016. 526 页.) (На кит. яз.)
16. Тань Шуйсюань. Достоевский в Китае (1920–1939). — Цзинань : Цзинаньский ун-т, 2014. — 53 с. (谭水流. 陀思妥耶夫斯基在中国 (1920 - 1939). 暨南大学硕士学位论文, 2014, 53页.)
17. Цю Юньхуа, Линь Цзинхуа. Обзор русской культуры (2-й вып). — Пекин : Изд-во Столичного пед. ун-та, 2010. — 308 с. (邱运华, 林精华. 俄罗斯文化评论 (第2辑), 北京: 首都师范大学出版社, 2010, 308页.)
18. Цяо Синьин. «Честный вор». Предисл. к переводному тексту // Миньгожибао. — 1920, 26 мая (乔辛瑛. 贼 一译者志. 民国日报, 1920年5月26日.)
19. Чень Цзяньхуа. Литературные отношения Китая и России в 20 веке. — Пекин : Высшее образование, 2002. — 356 с. (陈建华. 二十世纪中俄文学关系. 北京: 高等教育出版社, 2002, 356页.)
20. Чжан Лэй. Обзор исследования Ф. М. Достоевского в Китае в новом веке // Вестник Шеньчженьского университета. Сер. : Гуманитарные науки. — 2014. — № 2. — С. 119–123. (张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述//深圳大学学报 (人文社会科学版), 2014年第2期, 119 - 123页.)

References

1. Alekseeva E. A. Pre-translation Text Analysis as a Way of Shaping Comprehension Skills. *Perevod: Yazyk i kultura* [Translation: Language and Culture]. Voronezh, Polygraph Publ., 2001, iss. 4, pp. 7–8. (In Russian).
2. Bakhtin, M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Issues of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow, Azbuka Publ., 2015, 416 p. (In Russian).
3. Dostoyevsky F. M. Humiliated and Insulted. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works]. In 30 vols. Vol. 3. Leningrad, Science Publ, 1972, 544 p. (In Russian).
4. Zakharov V. N. The Literary Anthropology of Dostoyevsky. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Issues of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, pp. 150–164. (In Russian).
5. Katermina V. V. Emotive Lexicon and Translation. *Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Linguistics and Intercultural Communication]. 2016, iss. 4 (23), pp. 82–90. (In Russian).
6. Komissarov V. N. Sovremennoye perevodovedeniye [Modern Translatology]. Moscow, ETS Publ., 2002, 424 p. (In Russian).
7. Kretov A. A., Fenenko N. A. On the Notion of Impressive Equivalence of Texts. *Perevod: Yazyk i kultura* [Translation: Language and Culture]. Voronezh, Polygraph Publ., 2001, iss. 4, pp. 63–64. (In Russian).
8. Muminov V. I. Peculiarities of using the classifiers of indefiniteness of the sign in Dostoyevsky's novel "Idiot". *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Udmurt University Herald]. 2016, vol. 26, iss. 6, pp. 25–29. (In Russian).
9. Mitelskaya Zh. Z. *Yazykovye svoystva frazeologizmov modal'nogo klassa* [Language Features (of Modal Phraseological Units). Dissertation (PhD Thesis). Chelyabinsk, 1996, 199 p. (In Russian).
10. Povarova O. V. The Motif of Escape from One's Family in Dostoyevsky's Novel "Humiliated and Insulted". *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Herald]. 2016, iss. 1, pp. 52–55. (In Russian).
11. Protsenko E. A. Is Repatriation Possible in Translation? *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Voronezh State University Herald. Series "Linguistics and Intercultural Communication"]. 2005, iss. 2, pp. 133–138. (In Russian).
12. Tunimanov V. A. Petersburg Novel. E-library of special philological literature. Available at : <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=87&artID=267> (accessed 15.06.2021) (In Russian).
13. Wang Jianzhao. Mutual Influence of Chinese and Russian Belles-Lettres Traditions: Soviet and Post-Soviet Russian Literature and New Chinese literature of the 20th Century. Guilin, Lijiang Publ., 1999, 234 p. (汪剑钊. 中俄文字之交: 俄苏文学与二十世纪中国新闻学. 桂林: 漓江出版社, 1999, 234页.) (In Chinese).
14. Ding Shixin. An Overview of Literary Prose translations into Chinese in Modern China. *Bulletin of Qilu Normal University. (Shandong Province)*, 2012, iss. 1, pp. 120–124. (丁世鑫. 陀思妥耶夫斯基作品在现代中国的汉译述评. // 齐鲁师范学院学报, 2012年第1期, 120 - 124页.) (In Chinese).
15. Dostoyevsky F. M. Humiliated and Insulted. Translated by Lou Ziliang. Shanghai : Shanghai Translated Literature Publ., 2016, 526 p. (陀思妥耶夫斯基著. 被伤害与侮辱的人们. 陀思妥耶夫斯基文集/娄自良译. 上海: 上海译文出版社, 2016. 526 页.) (In Chinese).

16. Tan Shuixuan. Dostoyevsky in China (1920–1939). Jinan, Jinan University, 2014, 53 p. (谭水漩. 陀思妥耶夫斯基在中国 (1920 - 1939). 暨南大学硕士学位论文, 2014, 53页。) (In Chinese).

17. Qiu Yunhua, Lin Jinghua. A Survey of Russian Culture (2nd ed.). Beijing, Capital Normal University, 2010, 308 p. (邱运华, 林精华. 俄罗斯文化评论 (第2辑), 北京: 首都师范大学出版社, 2010, 308页。) (In Chinese).

18. Qiao Xinying. An Honest Thief – introduction and translation. The MinGuoRiBao Newspaper, May 26, 1920. (乔辛瑛. 贼 一译者志. 民国日报, 1920年5月26日。) (In Chinese).

19. Chen Jianhua. Literary Links between China and Russia in the 20th century. Beijing, Higher Education Publ., 2002, 356 p. (陈建华. 二十世纪中俄文学关系. 北京: 高等教育出版社, 2002, 356页。) (In Chinese).

20. Zhang Lei. An Overview of Dostoyevsky Studies in Chinese in the New Century. Bulletin of Shenzheng University (Humanitarian Studies). 2014, iss. 2, pp. 119–123. (张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述//深圳大学学报 (人文社会科学版), 2014年第2期, 119 - 123页。) (In Chinese).

Информация об авторе

Ван Цзиньлин — доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета (Чанчунь, КНР), почетный профессор, удостоенный премии «Чанбайшань» как лучший ученый провинции Цзилинь, член Союза российских писателей (перевод).

Information about the author

Wang Jinling — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Director of the Foreign Languages College, Changchun University (Changchun, China); holder of Changbaishan award (Best Scholar of Jilin Province), Member of the Union of Russian Writers (translation).

*Статья поступила в редакцию 01.08.2021;
одобрена после рецензирования 08.08.2021;
принята к публикации 11.08.2021.*

*Submitted 01.08.2021;
approved after reviewing 08.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 99–106.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3(58):99–106.

Научная статья
УДК 81.25+811.581
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.011

Интер- и интратекстуальные отсылки как слагаемые микрообраза в художественном тексте и способы их передачи при переводе

*Анастасия Алексеевна Запруднова*¹

*Герасименко Надежда Игоревна*²

^{1, 2} Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

¹ mrs.zaprudnova@gmail.com

² nadezda.gerasimencko@yandex.ru

Аннотация. В статье интер- и интратекстуальные взаимодействия рассматриваются как важнейшие текстообразующие категории художественного произведения, назначение которых — обогатить авторские микрообразы новыми смыслами. На примере перевода отрывков из произведений А. П. Чехова на китайский язык и Лю Чжэньюня на русский язык доказывается работоспособность алгоритма передачи микрообраза, разработанного авторами с учетом когнитивных механизмов, лежащих в основе исследуемых аллюзивных отсылок.

Ключевые слова: интертекстуальность, интратекстуальность, художественный текст, микрообраз, межтекстовое взаимодействие, аллюзия, метафора.

Для цитирования: Запруднова А. А., Герасименко Н. И. Интер- и интратекстуальные отсылки как слагаемые микрообраза в художественном тексте и способы их передачи при переводе // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 99–106. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.011.

Original article

Inter- and intratextual relations as components of micro-image in literary texts and ways of their translation

*Anastasia A. Zaprudnova*¹

*Nadezhda I. Gerasimenko*²

^{1, 2} Ryazan State University named for S. A. Esenin,
Ryazan, Russia

¹ mrs.zaprudnova@gmail.com

² nadezda.gerasimencko@yandex.ru

Abstract. The article views inter- and intratextual relations as important textual categories of literary works enriching micro-images with new meanings and implications. The authors suggest an algorithm for rendering such micro-images, involving inter- and intratextual relations, to be used in the process of translation. A number of excerpts from A. Chekhov translated into Chinese and Liu Zhenyun translated into Russian the authors prove the algorithm suggested to be applicable and useful, as it takes into consideration the underlying cognitive operations and mechanisms.

Keywords: intertextuality, intratextuality, literary text, micro-image, intertextual relation, allusion, metaphor.

For citation: Zaprudnova A. A., Gerasimenko N. I. Inter- and intratextual relations as components of micro-image in literary texts and ways of their translation. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole. Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;3 (58):99–106. (In Russ.)* DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.011.

В современных моделях перевода наблюдается отказ от поиска языковых эквивалентов и воссоздания формальной структуры подлинника в пользу установления адекватного соответствия на уровне текст-текст. Особенно сильна эта тенденция в отношении художественной литературы, где объектом перевода является художественный текст.

При анализе понятий «художественный текст» и «художественное произведение» можно заметить, что в большей части научных источников, не посвященных детальной проработке данных терминов, упомянутые понятия часто представлены как синонимичные. Однако при этом ряд исследователей (Барт, 1989 ; Лотман, 1998) считают, что данные термины следует относить к разным «уровням реальности». Так, Р. Барт утверждает, что произведение представляет собой «вещественный фрагмент», который может «поместиться в руке», и противопоставляет его тексту, то есть «полю методологических операций» [Барт, 1989, с. 413–423]. Таким образом, Р. Барт относит текст к некоему идеальному уровню, а произведение – к реальному, иными словами, текст проявляет себя в произведении.

Г. В. Колшанский определяет текст как «связь по меньшей мере двух высказываний, в которых может завершаться минимальный акт общения, то есть передача информации или обмен мыслями» [Колшанский, 2012, с. 10]. Мнения современных лингвистов относительно количества текстообразующих категорий расходятся. Так, в различных источниках выделяют: завершенность, направленность, антропоцентричность, диалогичность, интерпретируемость, когерентность и др.

В рамках интертекстуального подхода к исследованию текста, который начал активно развиваться с конца XX века, в качестве важнейшей категориальной характеристики текста была введена интертекстуальность. Р. Барт, Ю. Кристева, Ю. М. Лотман и другие рассматривают интертекстуальность как универсальное свойство текста, заключающееся в способности текста вступать в контакт с другими текстами и как результат дающее произведению двойное прочтение: «...любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева, 2000, с. 99].

В ходе проведенного нами ранее исследования было установлено, что категория интертекстуальности может рассматриваться как проявление одного из основных процессов когнитивной деятельности человека — языковой концептуализации, поскольку позволяет осмыслить ту или иную область действительности средствами прецедентного текста в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, который был получен человеком в другом источнике [Запруднова, 2021]. Механизмы, лежащие в основе интертекстуальных ассоциаций, схожи с механизмами метафоры, так как основаны на сопоставлении и аналогии. Такие интертекстуальные метафоры, как правило, являются неотъемлемыми составляющими художественного образа и, как следствие, становятся средством повышения эффективности высказывания художественного произведения.

Интертекстуальность в контексте данной работы понимается нами как текстовая категория, отражающая диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения [Баженова, 2003, с. 104], а термин «интра-текстуальность» в свою очередь используется для обозначения внутритекстовых связей как частного случая проявления интертекстуальности: “Whilst the term intertextuality would normally be used to refer to allusions to other texts, a related kind of allusion is what might be called 'intratextuality' — involving internal relations within the text” [Chandler]. В данном случае мы рассматриваем диалогизм отдельных фрагментов в пределах одного текста, например, взаимодействие заголовка и художественной детали, которое, с одной стороны, усиливает смысловой потенциал каждого элемента, а с другой стороны, участвует в формировании смысла всего произведения, позволяя осмыслить весь текст под новым углом.

Основываясь на суждении о том, что художественные микрообразы, в образование которых вовлекаются интер- и интра-текстуальные ассоциации, имеют в основе механизм метафоры, то есть базируются на когнитивной операции сопоставления, нами был разработан алгоритм их передачи, представленный в таблице.

Таблица

Рабочий алгоритм выбора способа перевода метафоры, лежащей в основе микрообраза

Микрообраз		Существует ли данный предмет/объект в культуре языка перевода?		Знаком ли иноязычный читатель с предметом/объектом?	
Совпадает ли метафорическое значение?		Да	Нет	Да	Нет
Является авторским средством?	Да	Нет	Нет	Возможна адаптация?	
Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
(индивидуальный образ)	(затертый образ)	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Возможна ли потеря периферийных признаков?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
Буквальный перевод	Подбор эквивалента	Да	Нет	Да	Нет
		Буквальный перевод	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
		Да	Нет	Да	Нет
		Субституция/замена (функциональный аналог)	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
		Да	Нет	Да	Нет
		Буквальный перевод с комментарием (комментарий в виде сноски или добавления в тексте)	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
		Да	Нет	Да	Нет
		Субституция (если существует аналогия); Деметарификация (при отсутствии аналогии)	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
		Да	Нет	Да	Нет
		Описание и компенсация другими средствами	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
		Да	Нет	Да	Нет
		Перифраз, Буквальный перевод с комментарием	Возможно ли сохранение смысла при замене периферийных характеристик?	Существенна ли потеря периферийных признаков?	Возможна ли компенсация другими средствами?
		Да	Нет	Да	Нет

Рассмотрим подробнее, как в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон» реализуется категория интратекстуальности за счет диалогизма заголовка и художественных деталей, которые выступают в качестве связующих элементов, организующих все произведение:

Хамелеон	变色龙
<p>Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке...</p> <p>— Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать!..</p> <p>— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.</p> <p>— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила!</p>	<p>- 警局监督员奥楚蔑洛夫穿着新的军大衣,手里拿着个小包,正走在集市场上。.....</p> <p>- 谁家的狗?这件事我不会不管。我要让你们瞧瞧,怎么纵容狗咬人!</p> <p>- 好像是日加罗夫将军家的!群众中有人说。</p> <p>- 日加罗夫将军家的哪?嗯.....叶尔特林,帮我把大衣脱下去.....太热了!显得快下雨了....我只有点不清楚,这条狗怎么能够把你的手指咬错了呢?....它那么小,而你长得这么大!</p>

При внимательном прочтении в произведении обнаруживается микрообраз хамелеона, который создается, когда заголовок рассказа вступает в контакт с художественной деталью, а именно — новой шинелью полицейского надзирателя Очумелова, которую он то снимает, то надевает. Происходит это потому, что ему периодически не по себе от новых подробностей в происшествии с собакой, укусившей за палец местного ювелира. Кто-то говорит, что собака генеральская, а кто-то считает — дворняга. Пока это продолжается, надзирателю то жарко, то зябко. Однако интересно, что шинель он снимает каждый раз, когда отказывается от своих слов.

<p>— Нет, это не генеральская...</p> <p>— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что!..</p> <p>— А может быть, и генеральская... Намедни во дворе у него такую видел.</p> <p>— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.</p> <p>— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подудло... Знобит... Ты отведишь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал...</p>	<p>- 不是,这条不是将军家的!.....</p> <p>- 不是,这条不是将军家的!.....</p> <p>-我自己也知道了,贵家的都是名贵的狗,都是良种,这条呢 - 鬼才知道是什么东西!</p> <p>- 不过,也可能,是将军家的.....几天前我在将军家的院子里就看见了这样的一条。</p> <p>- 当然是将军家的!群众中有一声。</p> <p>- 嗯...叶尔特林,帮我把大衣穿上来.....刮风了吧,冷得发抖。你把狗送到将军家去问一下。说是我找到了。</p>
--	---

По сути, именно заголовок — «Хамелеон» — единственная авторская характеристика персонажа. Большую часть повествования автор нейтрален, основной объем рассказа составляют речевые партии персонажей, и именно посредством прямой речи передаются их эмоции и характеры. Таким образом, «шинель» и «хамелеон» вступают в диалогические взаимодействия и интратекстуальность художественной детали и заголовка становится средством создания художественного образа и полнее раскрывает значение всего произведения:

<p>Очумелов, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.</p>	<p>奥楚蔑洛夫把身上的大衣裹紧,继续在市集的广场上巡视。</p>
---	--

Такое взаимодействие между отдельными фрагментами, а именно заголовком и художественной деталью, позволяет интерпретировать все произведение под определенным углом.

Читатель помещается в условия поиска новых индикаторов смысла, которые были бы не замечены при отсутствии инtratекстуальных компонентов — микрообраза хамелеона и художественной детали «шинель», а именно эти образы становятся авторской метафорой при описании Очумелова.

При переводе рассказа на китайский язык данный диалог заголовка и художественной детали нам удастся сохранить, так как несмотря на различие культур образ хамелеона для китайского читателя имеет похожие импликации. В китайском языке метафора “变色龙” («хамелеон») часто используется именно для негативной характеристики общественных и политических деятелей, которые отказываются от своих слов и убеждений в пользу личной выгоды. Такое описание как нельзя лучше подходит к представителю власти в рассказе — двуличному полицейскому надзирателю Очумелову.

Особый интерес представляют случаи, когда заголовок не просто вступает в диалогические отношения с художественными деталями произведения, но содержит явные аллюзии к другим произведениям. Такого рода интертекстуальные отсылки довольно распространены, и для их правильного прочтения и толкования необходимо знакомство с прецедентным произведением. Примером таких сложных интер- и инtratекстуальных взаимодействий является роман “我不是潘金莲” («Я не Пань Цзиньянь») современного китайского автора Лю Чжэньюня (刘震云). Данное произведение является сатирой на непробиваемую бюрократическую стену, с которой подчас приходится сталкиваться жителям современного Китая. Главная героиня Лю Сюэлянь (李雪莲) (и мы видим, как имена героинь перекликаются последним иероглифом в имени), решив ради рождения второго ребенка прибегнуть к маленькой хитрости, сталкивается с серьезными проблемами, набирающими силу, подобно снежному кому. Даже ее муж, по сути, соучастник «преступления», восклицает:

<p>秦玉河：“嫁我的时候，你是个处女吗？新婚那天晚上，你都承认，你跟人睡过觉。”接着又补了一句：“你是李雪莲吗，我咋觉得你是潘金莲呢？”</p>	<p>Ци Юйхэ сказал: «Когда ты выходила за меня, разве ты была девственницей? В брачную ночь ты сама призналась, что уже спала с кем-то!» — и добавил: «Ты, значит, Ли Сюэлянь? А у меня такое чувство, что ты — Пань Циньянь».</p>
---	---

潘金莲 (Пань Цзиньянь) — один из наиболее узнаваемых персонажей китайской литературы, одна из главных героинь романа “金瓶梅” («Цветы сливы в золотой вазе»), написанного в начале XVII века неизвестным автором, которого называют Ланьлинским насмешником. Данного персонажа отличает похотливость и развратность, которым сопутствуют такие качества, как эгоизм, жестокость, коварство, подлость и др. В результате это имя стало нарицательным и используется в отношении неверных жен. В свою очередь имя этой героини является отсылкой к другому, более древнему тексту, датированному XIV веком, одному из четырех классических китайских романов, — «水浒传» («Речные заводи»). В этом романе история Пань Цзиньянь, ее любовника, их коварное убийство мужа и заслуженное возмездие являются одной из основных сюжетных линий. Создается впечатление, что сюжетную линию романа «Речные заводи» Ланьлинский насмешник продолжает в романе «Цветы сливы в золотой вазе».

Пань Цзиньянь действительно является связующим звеном между «Речными заводами» и произведением Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньянь», в которых обе героини замышляют убийство своего мужа и находят сообщников. Однако при этом интертекстуальная отсылка строится на отношениях противопоставления, за единым намерением кроются разные мотивы и различные чувства, что подчеркивается заглавием романа «Я не Пань Цзиньянь». Более того, эта отсылка и отношения противопоставления развиваются и подчеркиваются другим интертекстуальным вкраплением: в конце 11 главы, настаивая на своей правоте в борьбе с бюрократической системой и будучи в идейном противостоянии с мужем, главная героиня собирается доказать следующее:

真假不重要，关键是，我是李雪莲，我不是潘金莲。或者，我不是李雪莲，我是窦娥。

Настоящий или фиктивный развод — уже не важно. Главное: я — Ли Сюэлянь, я не Пань Цзиньлянь. Даже не так... я даже не Ли Сюэлянь, я скорее обиженная Доу Э.

В произведении появляется образ, по идейному и этическому замыслу полностью противоположный Пань Цзиньлянь. Доу Э — верная, преданная супруга, своеобразный эталон китайской жены. Чтобы избежать существенной потери периферийных признаков микрообраза, в переводе мы прибегаем к прямому заимствованию имени собственного с емким комментарием в виде прилагательного «обиженная», что позволяет нам сделать более эксплицитной отсылку к драме Гуань Ханьцина «Синьчэнь» («Обида Доу Э»). На основе этих интертекстуальных отсылок автор выстраивает сложный многогранный образ, который невозможно интерпретировать и рассматривать в отрыве от вышеприведенных аллюзий, и потому одной из задач переводчика становится сохранение диалогизма интертекстуального микрообраза заголовка и близких ему по содержанию аллюзивных компонентов произведения.

В связи с тем что образ Пань Цзиньлянь не знаком широкой русскоязычной публике, в тексте перевода необходима его адаптация. Интересно отметить, что при переводе названия экранизации данного романа для европейской публики «Я не мадам Бовари» был выбран вариант образной замены на героиню романа Г. Флобера. Однако мы считаем, что такая субституция ведет к недопустимой подмене имплицитных смыслов и, кроме того, практически лишена возможности компенсации потерянных смыслов. На наш взгляд, буквальный перевод с комментированием является более удачной стратегией, особенно принимая во внимание, что действие сюжета в экранизации предваряется кратким пояснением относительно истории происхождения китайской метафоры «я не Пань Цзиньлянь»:

宋代有个女子叫潘金莲，长得颇有几分姿色。潘金莲的丈夫叫武大，武大有个弟弟叫武松，在景阳冈打过虎。县城有个开生药铺的叫西门庆于潘金莲勾搭成奸，把武大毒死了。武松知道后，把潘金莲和西门庆给杀了。自宋朝到如今人们把不正经的女人叫潘金莲。

Во времена династии Сун жила очень красивая девушка Пань Цзиньлянь. У ее мужа, У Да, был младший брат У Сун, который сразился с тигром на мосту Цзиньян. У Пань Цзиньлянь была интрижка с местным торговцем лекарствами по имени Симэнь Цин. Любовники отравили мужа Пань Цзиньлянь, и, когда об этом узнал его брат, он убил их. С тех пор именем Пань Цзиньлянь люди называют непристойных, распущенных женщин.

На наш взгляд, подобный комментарий так же был бы уместен в печатной версии перевода самого романа, поскольку замена микрообраза заголовка затрагивает не только подмену периферийных признаков. Семантический потенциал всего произведения, который важно сохранить, многократно усиливается как за счет внутритекстовых смысловых связей, так и за счет вовлекаемых интертекстуальных ассоциаций микрообраза заголовка.

Проведенное исследование показывает, что интер- и интратекстуальность являются важными категориальными характеристиками текста, назначение которых — обогатить произведение новыми смыслами за счет диалогических отношений фрагментов не только в пределах исследуемого текста, но и с предшествующими вербальными и невербальными источниками. Универсальный когнитивный механизм метафоры, лежащий в основе интер- и интратекстуальных отсылок, позволяет рассматривать последние как средство создания микрообраза в художественном произведении. Анализ этого механизма помогает не только лучше понять смысл произведения, но и осуществить более качественный перевод его на другой язык. При различии культур и экстралингвистического опыта различных языковых сообществ встает вопрос о возможности и необходимости сохранения интертекстуальных отсылок на языке перевода.

Для адекватной передачи имплицитированных смыслов микрообраза может быть использован предложенный авторами рабочий переводческий алгоритм.

Список источников

1. Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2003. — С. 104–108.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 1989. — 616 с.
3. Запруднова А. А. Механизмы интертекстуальности и способы их передачи при переводе с русского языка на китайский язык (на примере отрывков из произведений А. П. Чехова) // Иностранные языки в высшей школе. — 2021. — № 2 (57). — С. 87–98. — DOI: 10.37724/RSU.2021.57.2.008.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму : пер. с фр. / сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 2000. — С. 427–457.
5. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. — М. : Либроком, 2012. — 240 с.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — СПб. : Искусство, 1998. — 285 с.
7. Чехов А. П. Хамелеон : рассказы. — СПб. : Лениздат, 2013. — 319 с.
8. Chandler D. Intertextuality // Semiotics for Beginners. — URL : <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/sem09.html> (дата обращения: 04.08.2021).
9. 杂剧 感天动地窦娥冤原文 (Юаньская драма. Обида Дюу Э). — URL : https://www.gushiwen.cn/GuShiWen_2164b0b8c4.aspx (дата обращения: 04.08.2021).
10. “我不是潘金莲” 作者: 刘震云 (Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньянь). — URL : <https://www.70wx.com/html/31759/> (дата обращения: 03.08.2021).

References

1. Bazhenova E. A. Intertextuality. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Science Publ., 2003, pp. 104–108. (In Russian).
2. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: semiotics, poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russian).
3. Zaprudnova A. Mechanisms of Intertextuality and Means of Rendering Them in Translation from Russian into Chinese (illustrated by excerpts from A. Chekhov's works). *Inostrannye jazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2021, vol. 57, no. 2, pp. 87–98. DOI: 10.37724/RSU.2021.57.2.008. (In Russian).
4. Kristeva Ju. Bakhtin, word, dialogue and novel. *Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 427–457. (In Russian).
5. Kolshanskij G. V. *Logika i struktura jazyka* [Logic and structure of a language]. Moscow, Librocom Publ., 2012, 240 p. (In Russian).
6. Lotman Ju. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. St. Petersburg, Art Publ., 1998, 285 p. (In Russian).
7. Chekhov A. P. *Khameleon: rasskazy* [Chameleon: stories]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2013, 319 p. (In Russian).
8. Chandler D. Intertextuality. Semiotics for Beginners. Available at : <http://www.visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/sem09.html> (accessed 04.08.2021).
9. 杂剧 感天动地窦娥冤原文 (Chinese play. The Injustice to Dou E that Touched Heaven and Earth, original text). Available at : https://www.gushiwen.cn/GuShiWen_2164b0b8c4.aspx (accessed 04.08.2021)/ (In Chinese).
10. “我不是潘金莲” 作者: 刘震云 (Liu Zhenyun. I'm not Pan Jinlian). Available at : <https://www.70wx.com/html/31759/> (accessed 03.08.2021). (In Chinese).

Информация об авторах

А. А. Запруднова — ведущий специалист по учебно-методической работе научно-образовательного подразделения «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени

С. А. Есенина, старший преподаватель кафедры восточных языков и методики их преподавания института иностранных языков РГУ имени С. А. Есенина.

Н. И. Герасименко — специалист по учебно-методической работе научно-образовательного подразделения «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the authors

A. A. Zaprudnova — Senior Education Management Officer of Confucius Institute, Ryazan State University named for S. A. Esenin, Senior Lecturer, Dpt. of. Oriental Languages and Language Teaching Methodology, Foreign Languages Institute, Ryazan State University named for S. A. Esenin.

N. I. Gerasimenko — Education Management Officer of Confucius Institute, Ryazan State University named for S. A. Esenin, Ryazan State University named for S. A. Esenin.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2021;
одобрена после рецензирования 05.08.2021;
принята к публикации 06.08.2021.*

*Submitted 01.08.2021;
approved after reviewing 05.08.2021;
accepted for publication 06.08.2021.*

Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 107–115.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2021;1(56):107–115.

Научная статья
УДК 372.881.161.1, 81.25
DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.012

Формирование навыков перевода у китайских учащихся в процессе профессиональной подготовки лингвистов профиля «Русский язык как иностранный»

Аюна Константиновна Хабдаева

Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия
ayupost@yandex.ru

Аннотация. Перевод — комплексная дисциплина, требующая систематического развития всех видов речевой деятельности и предполагающая сложную поэтапную работу с учащимися. Особенность обучения переводу состоит в том, что образовательный процесс происходит в условиях двуязычия и осуществляется средствами двух языков. Формирование навыков перевода происходит в процессе выполнения сложного комплекса упражнений, учитывающих специфику переводческой деятельности: микрореферирование, перевод-пересказ, реферативный письменный и устный перевод, составление аннотации и др. Необходимо использование упражнений, ориентированных на развитие аналитических навыков: определение достоверности перевода, выбор подходящих вариантов перевода, сопоставительное изучение переводческих ошибок и др. В тренировочный комплекс включаются упражнения на переводческие трансформации: перевод с применением приемов калькирования, конкретизации, генерализации, антонимического перевода и др. Совершенствование переводческих навыков учащихся происходит одновременно с формированием лингвокультурологической компетенции, знакомством с языковой картиной мира русских. При разработке заданий целесообразной представляется работа с культурно-специфическими словами, «ложными друзьями переводчика», что способствует расширению языковых и фоновых знаний студентов, знакомству с реалиями и формированию необходимых переводческих навыков и умений. Основными задачами обучения являются: а) знание языкового материала, доведенное до уровня автоматического перевода; б) формирование фоновой эрудиции переводчика.

Ключевые слова: перевод, обучение переводу, навыки перевода, переводческие упражнения, прием перевода, текст, язык, культура.

Для цитирования: Хабдаева А. К. Формирование навыков перевода у китайских учащихся в процессе профессиональной подготовки лингвистов профиля «Русский язык как иностранный» // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 107–115. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.012

Original article

Development of translation skills among Chinese students in the process of professional training of linguists majoring in “Russian as a foreign language”

Ayuna K. Khabdaeva

Baikal State University, Irkutsk, Russia
ayupost@yandex.ru

Abstract. Translation is a complex discipline that requires systematic development of all types of speech activity and involves complex step-by-step work with students. The specific feature of teaching translation is that the educational process occurs in a bilingual environment and applies two languages. Translation skills are formed in the process of performing a complex set of exercises that take into account the peculiarities of translation activities. It is necessary to use exercises focused on the development of analytical skills, for instance, determining the reliability of the translation, selecting the appropriate translation options, and comparative study of translation errors. The training

complex includes exercises for translation transformations, for example, loan translation, concretization, generalization, and antonymic translation. The ability to operate with a large amount of information develops on the basis of tasks that train memory, such as micro-referencing, translation-retelling, abstract translating and interpreting, and writing summaries. In the process of training translators, special attention is paid to the formation of background erudition. The improvement of students' translation skills is concurrent with developing linguistic and culturological competence along with learning the linguistic picture of the Russian world. When designing assignments, it seems expedient to work with culturally sensitive words and “false friends of the translator”, which contributes to the growth of the students' linguistic and background knowledge, exploration of the realities and the formation of the necessary translation skills and abilities. The main objectives of training are knowledge of the language material, brought to the level of automatic translation as well as the formation of the background erudition of the translator.

Keywords: translation, translation training, translation skills, translation exercise, translation method, text, language, culture.

For citation: Khabdaeva A. K. Development of translation skills among Chinese students in the process of professional training of linguists majoring in “Russian as a foreign language”. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2021;3(58):107–115. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.012.

Изменившиеся общественные условия XXI века требуют новых подходов к решению проблем, в том числе в области науки и образования. Активный рост влияния Китайской Народной Республики на внешнем рынке обуславливает актуальность подготовки квалифицированных переводчиков. Роль переводческой работы в языковой паре «русский – китайский» усиливается и в связи с улучшением стратегических и сотруднических связей между двумя странами. Вследствие возрастания престижа профессии переводчика все больше молодых людей Китая обращают свои взоры на эту профессию, осваивают специальность лингвиста по профилю «Русский язык как иностранный». В российских вузах иностранные (в данном случае китайские) студенты обучаются навыкам перевода в рамках дисциплины «Теория и практика перевода».

Методологическую основу отечественного переводоведения составляют труды В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, Л. К. Латышева, Р. К. Миньяр-Белоручева, Я. И. Рецкера и др. Исследованием перевода как элемента образовательного процесса занимаются современные российские (Н. К. Гарбовский, В. Ф. Щичко и др.) и китайские (Лю Мицин, Ча Юлянь, Ян Цзыцзынь и др.) ученые.

Задачи повышения эффективности профессиональной подготовки студентов актуальны как для российской, так и для китайской высшей школы. В вузах КНР подготовка переводчиков представляет собой относительно новую специализацию, университеты находятся в состоянии активного поиска образовательной парадигмы, отвечающей традиции и в то же время соответствующей требованиям современного общества. Китайская система подготовки переводчиков во многом сохраняет национально-историческую специфику. Под этим подразумевается, в частности, тяготение к прикладной сфере, обращение к традиционным (конфуцианским) идеям в теории перевода («теория гармонии» Чжэн Хайлина (郑海凌) и др.) [Ван Мэньяо, 2014, с. 104]. Так, говоря об особенностях анализа и принятия переводческого решения, Ван Мэньяо отмечает: «Китайская теория больше основывается на так называемой абстрактно-философской системе мышления (悟性思维), а западная — на так называемой рационально-логической системе мышления (理性思维)» [Ван Мэньяо, 2014, с. 18].

Резюмируя полемику, развернувшуюся за последние 20 лет по вопросам традиционного китайского переводоведения, его взаимоотношений с концепциями западной теории перевода, китайский исследователь Ван Хунинь выделяет 10 основных проблем строительства китайского переводоведения:

1. Проблема терминологии, появившаяся во многом под влиянием конфуцианской теории «исправления имен» (儒家正名). К примеру, одно только понятие «переводоведение» на китайском языке обозначается как «фаньи сюэ» (翻译学), «и сюэ» (译学), «фаньи яньцзю» (翻译研究), «фаньи кэсюэ» (翻译科学) и т. д.

2. Проблема признания переводоведения наукой (научной дисциплиной), корнями уходящая в определение взаимоотношений теоретического и практического начал.

3. Проблема отнесения переводоведения к сфере науки или искусства. Дебаты по этому вопросу происходили под влиянием идей теоретика перевода, лингвиста Юджина Найды.

4. Проблема специфики китайского переводоведения и его отличий от зарубежного переводоведения.

5. Проблема отнесения переводоведения к естественным, социальным или гуманитарным наукам.

6. Проблема школ и направлений китайского переводоведения, демонстрирующих собственные концепции развития.

7. Проблема восприятия традиционного, исторически сложившегося китайского переводоведения и его преобразования в современное переводоведение — теорию перевода.

8. Проблема нормы перевода.

9. Проблема научной атрибутики и стандарта, то есть можно ли считать современное китайское переводоведение уже оформившейся научной отраслью.

10. Проблема взаимоотношения теории и практики перевода [Ван Хунинь, 2003, с. 433–438].

Спор о целесообразности специализации науки о переводе, ее теоретической базе, понятийном аппарате, структуре, месте в системе наук важен как для научных, так и образовательных процессов. От того, признается ли переводоведение самостоятельной научной областью исследований, зависит статус дисциплины «Переводоведение (теория перевода)» как самостоятельной учебной дисциплины в современной системе образования КНР.

Дисциплина «Переводоведение» в рамках бакалавриата в китайских вузах предполагает умение переводить с иностранного (русского) на китайский и обратно. На четвертом курсе к студентам предъявляются следующие требования: «Студенты должны перевести разные статьи с русского языка на китайский и с китайского языка на русский, темп перевода — 200–250 слов/ч, требуются правильность, точность» [Лю Сумэй, 2014, с. 121].

Следует признать, что в процессе обучения китайских студентов русскому языку как иностранному по-прежнему преобладающим остается подход, когда «главной учебной задачей учащегося в Китае является запоминание большого количества материала и его воспроизведение, не предусматривающее анализа, интерпретации, выражения собственного мнения» [Чжао Юйцзян, 2008, с. 7–8].

В системе китайского образования с древних пор по сложившейся еще со времен Конфуция традиции большое внимание уделяется заучиванию текстов наизусть. По этой причине китайские студенты иногда легко справляются с «механическими» заданиями, могут говорить заученными фразами, а в упражнениях, где надо проявить инициативу, творчество, — испытывают затруднения.

Перевод — важнейшее средство межкультурной коммуникации. Как методический прием перевод не только способствует расширению кругозора студентов, но и пониманию и принятию иноязычной культуры. Перед учащимися стоит задача осознания содержания иноязычного текста и правильной его трансляции на другом языке.

Специфика обучения переводу состоит в том, что образовательный процесс происходит в условиях двуязычия и осуществляется средствами двух языков. Таким образом, перевод — не только предмет, это еще и средство обучения. На первом этапе процесс обучения переводу ограничен недостаточным уровнем владения учащимися иностранным (русским) языком и проводится параллельно с его активным освоением. Усвоение принципов перевода осуществляется одновременно с развитием всех языковых и речевых компетенций на иностранном языке.

Перевод — комплексная дисциплина, в которой присутствуют элементы всех видов речевой деятельности, что предполагает включение учебных задач, связанных с аудированием, чтением, говорением, письмом, а также систематическое развитие всех видов иноязычной речевой деятельности. На начальном этапе обучения, когда студенты еще не владеют достаточным словарным запасом и преподавателю сложно объяснить на изучаемом языке то или иное понятие, необходимо избегать использования перевода исключительно в качестве вспомогательного инструмента изучения иностранного языка. Учитывая, что сам по себе факт знания грамматики,

лексики и фонетических особенностей двух языков отнюдь не обеспечивает возможности осуществления качественного и квалифицированного перевода, мы настаиваем на необходимости формирования навыков перевода в рамках коммуникативно-ориентированного подхода. При этом, как ни парадоксально это звучит, одной из задач обучения переводу является достижение уровня беспереводной коммуникации, то есть полного понимания иноязычного текста без какого-либо посредничества.

Так называемые «навыки перевода» — это интеллектуальные навыки, обеспечивающие быстроту воссоздания релевантной информации на языке-реципиенте в условиях принятия стандартных переводческих решений, необходимые для формирования переводческой компетенции и обеспечивающие занятие практической профессиональной деятельностью. «Под переводческим навыком мы будем понимать автоматическую или полуавтоматическую операцию, совершаемую переводчиком интуитивно в процессе перевода. Переводческим умением мы будем называть комплекс действий или отдельное действие, осуществляемое переводчиком в процессе перевода в условиях решения определенных переводческих задач» [Емельянова, 2011, с. 68].

В силу особенностей дисциплины специфические навыки и умения для устного и письменного перевода, а также общие для обоих видов перевода подразумевают объемный комплекс взаимосвязанных действий, связанный с анализом текста, выбором эквивалентной единицы перевода, владением нормой перевода и пр. При этом справедливо отметить, что лучшим упражнением для обучения переводу остается сам перевод.

Формирование навыков перевода предполагает сложную поэтапную работу с учащимися, что в свою очередь подразумевает применение соответствующих уровню языка упражнений. Разнообразные упражнения способствуют решению определенных переводческих задач. На начальном и среднем этапе обучения целесообразно использование устного и письменного перевода: лексико-семантические упражнения, подготовленный перевод с листа, абзацно-фразовый перевод, последовательный перевод с записью, двусторонний перевод и др.; на продвинутом этапе к ним добавляются упражнения на синхронный перевод. По справедливому замечанию Я. И. Рецкера, «главное условие постепенного введения все более трудных явлений в теорию и практику перевода — тщательный отбор текстов и широкое использование упражнений по переводу. Комплексность процесса перевода несколько не исключает градации трудностей, если преподавание ведется на лингвистической основе и по концентрическому методу» [Рецкер, 1967, с. 64].

При обучении переводу большая часть работы студента строится на умении понимать и анализировать текст. Любой вид работы над текстом в аудитории тесным образом связан с таким видом речевой деятельности, как чтение. Первый этап работы заключается в снятии трудностей, что может быть выражено в последовательной актуализации информации: чтении текста преподавателем, переводе и объяснении незнакомых и сложных слов, постановке фактических вопросов по тексту (Что...? Кто...? Когда...? и др.), анализе абзацев текста и т. п. Дальнейший этап предполагает полный перевод с использованием словаря и ответы на уточняющие (Верно ли, что...? Можно ли сказать, что...? и др.), интерпретационные (В чем причина...? Почему...?) и иные вопросы.

Последовательность операций может быть следующей:

- 1) прослушивание текста на русском языке (преподаватель читает текст, студенты воспринимают на слух без опоры);
- 2) ответы на общие вопросы;
- 3) создание заголовка текста;
- 4) чтение текста вслух (студенты работают с опорой на текст);
- 5) работа со словарем: поиск выделенных слов, объяснение их значений по-русски;
- 6) составление предложений с новыми (выделенными) словами;
- 7) определение основной идеи (ключевого предложения) первого, второго и последующих абзацев;
- 8) ответы на уточняющие вопросы по тексту;
- 9) определение основной мысли всего текста;

- 10) выполнение устного перевода всего текста;
- 11) выполнение обратного перевода ключевых предложений с китайского на русский;
- 12) составление плана текста;
- 13) устное воспроизведение текста без опоры / с опорой на план.

Для переводчика крайне важно запоминать и воспроизводить большой объем информации. По этой причине стоит обратить внимание на выполнение упражнений, тренирующих и развивающих память. Так, эффективным приемом, сочетающим в себе тренировку памяти и приобретение новых речевых навыков, представляется реферативный перевод. Алгоритм работы в этом случае может включать следующие этапы:

- 1) знакомство с текстом в устной или письменной форме на языке оригинала (китайском), средний объем первоисточника — 300–1000 печатных знаков;
- 2) создание собственного варианта заголовка текста на русском языке;
- 3) фиксация ключевых слов текста на русском языке;
- 4) фиксация ключевых предложений текста на русском языке;
- 5) сокращенное воспроизведение основного содержания текста на русском языке с опорой на ключевую информацию, средний объем — 100–200 знаков;
- 6) сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода.

Близкими по форме и содержанию реферативному переводу являются упражнения, связанные с микрореферированием и составлением аннотации на предложенный оригинальный текст.

В силу комплексного характера дисциплины и разнообразия видов перевода подвергнуть четкой типологизации упражнения по переводу достаточно сложно. Основная классификация охватывает предпереводческие, собственно переводческие и постпереводческие упражнения — письменные и устные.

Предпереводческие упражнения включают сопоставление текстов на языке оригинала и языке перевода, ответы на вопросы по тексту, обсуждение трудностей, упражнения по совершенствованию уровня владения языком перевода. Переводческие упражнения обычно делят на языковые, операционные, коммуникативные [Комиссаров, 2002, с. 365]. Постпереводческие упражнения связаны в первую очередь с анализом и редактированием текста перевода. Задания последнего типа в наибольшей степени способствуют углублению фоновых знаний, знакомству с реалиями, идентификации «ложных друзей переводчика».

Реализуя принцип перехода от простого к сложному, преподаватель предлагает комплекс практических заданий, способствующих формированию у обучающихся переводческих навыков. На начальном этапе изучения русского языка целесообразно предлагать студентам перевести небольшие предложения или короткие несложные тексты, проанализировать переведенные на русский (или китайский) язык предложения с целью определить достоверность и правильность перевода. Хорошим упражнением является задание «найти ошибку в тексте», когда учащимся предлагается отыскать в переведенном варианте одну или несколько ошибок, если таковые имеются в предложении. Рассмотрим несколько примеров.

З а д а н и е 1. Прочитайте перевод предложений. Как вы думаете, верно ли выполнен перевод? Если заметили ошибку, отметьте ее.

他们把老师看成是自己的好朋友。	Они считают преподавателя свой хороший друг.
这篇文章的观点肯定能为读者所接受。	Точка зрения, выраженная в этой статье, безусловно, будет принята читателями.

З а д а н и е 2. Выберите из нескольких предложенных вариантов наиболее подходящий вариант перевода. Обоснуйте свой ответ.

秦始皇陵兵马俑被称为“世界第八大奇迹”，1987年被联合国教科文组织批准列入“世界遗产名录”。

Вариант перевода 1. Мавзолей первого императора Цин Терракотовые воины и лошади был назван «Восьмым чудом света». В 1987 году он был включен в Список всемирного наследия ООН.

Вариант перевода 2. Музей императора Цинь-ши и терракотовые воины и лошади называться «восьмое чудо света». В 1987 году будет включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вариант перевода 3. Гробница императора Циньшихуана была названа «восьмым чудом света» и в 1987 году включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В рамках задания на определение достоверности перевода можно представить несколько грамматически верных вариантов перевода с предложением определить лучший и обосновать, по какой причине студент считает его наиболее верным. Рассмотрим пример подобного упражнения.

З а д а н и е 3. Выберите верный вариант перевода. Обоснуйте свой выбор. 胡同是北京历史文化的主要组成部分。

Вариант перевода 1: Переулок — это ключевой фактор пекинской исторической культуры.

Вариант перевода 2: Хутуны представляют собой важную часть истории и культуры Пекина.

Вариант перевода 3: Хутун — главная составная часть культуры Пекина.

Упражнения, связанные с использованием языковых единиц (языковые переводческие упражнения), делятся на лексические, фразеологические, грамматические и стилистические.

Приведем примеры лексических переводческих упражнений.

З а д а н и е 4. Соедините линиями русские и китайские эквиваленты:

материк	宗教
площадь	行政区划
ресурсы	亚热带
запасы	资源
субтропики	面积
официальный язык	官方语言
религия	蕴藏量
административное деление	陆地

З а д а н и е 5. Переведите слова и словосочетания на русский язык, используя прием калькирования: 白宫 (Белый дом), 果汁先生 (мистер Сок), 马力 (лошадиная сила), 动产 (движимое имущество), 网友 (интернет-друг), 洗钱 (отмывать деньги).

З а д а н и е 6. Переведите предложения с использованием приема конкретизации: 虽然你们现在离开了大学, 但我们希望与各位学生保持长久的联系 (Хотя вы уже покинули стены университета, но мы все же надеемся сохранить долгие отношения со всеми **студентами**).

З а д а н и е 7. Переведите предложения с использованием приема генерализации: 我哥哥帮我搬桌子、椅子、衣柜、床 (Мой брат помог мне перевезти **мебель**).

Рассмотрим далее примеры грамматических переводческих упражнений.

З а д а н и е 8. Переведите предложения с использованием приема антонимического перевода (замена утвердительной формы оригинала на отрицательную и наоборот). Обоснуйте причины использования этого приема:

等等, 我不是说着玩儿的。(Погоди, я говорю **серьезно**).

听我说, 对这孩子可不能心软。(Послушай меня, с этим ребенком нужно вести себя **тверже**).

Хорошим способом в обучении переводу является сопоставительный анализ опубликованных переведенных текстов. В таком случае студенты получают возможность критически рассмотреть как примеры удачного перевода, так и примеры с переводческими ошибками. Работа с анализом переводческих ошибок позволяет студентам выявить причины их появления, разобраться с природой возникновения той или иной переводческой ошибки (лексические и грамматические ошибки, недостаточность культурологических знаний и др.), расширить фоновые знания. Рассмотрим один из примеров, имевших место при переводе художественного произведения.

Оригинал: 丈夫是女人的职业, 没有丈夫就等于失业, 所以该牢牢捧住这饭碗。

Опубликованный перевод: Для женщины замужество — профессия; не иметь мужа — значит быть безработной, поэтому нужно цепко держаться за эту чашку риса. [Цянь Чжуншу, 1989, с. 75].

Вариант перевода: Быть замужем для женщины сродни профессии; не иметь мужа — все равно что быть безработной, поэтому необходимо крепко-накрепко держаться за этот источник дохода (пер. А. К. Хабдаевой).

Таким образом, весь комплекс заданий по переводу строится по схеме «рецепция — репродукция (пересказ) — продукция». На продуктивном этапе студентов необходимо выводить на уровень самостоятельной речевой деятельности — построение монологической/диалогической речи, связанной с реальной ситуацией в профессиональной сфере.

В процессе формирования навыков перевода большое значение имеет самостоятельная работа студента, заключающаяся, по большому счету, в расширении страноведческих знаний и совершенствовании навыков перевода. Указанное ранее систематическое развитие всех видов речевой деятельности (аудирование, чтение, письмо, говорение) возможно лишь при условии серьезной самостоятельной работы обучающихся. Самостоятельная работа студентов заключается в выполнении упражнений, переводе текстов, поиске информации страноведческого характера, приобретении страноведческих фоновых и общеобразовательных знаний, работе с толковыми и лингвострановедческими словарями и другой справочной литературой [Емельянова, 2011].

В качестве домашнего задания в виде самостоятельной работы студентами может выполняться письменный перевод (редактирование, сегментация переводимого текста, работа со словарями и другой справочной литературой и т. д.). В целях нахождения оптимального переводческого решения целесообразно проводить проверку задания при коллективном участии группы, что включает всесторонний анализ работы, разбор и анализ вариантов перевода, обсуждение причин допущенных неточностей.

Необходимым условием формирования переводческих навыков является и обращение к лингвокультурной парадигме русского языка. Совершенствование переводческих навыков учащихся происходит одновременно с формированием лингвокультурологической компетенции, знакомством с языковой картиной мира русских. И если «языковые ошибки» зачастую бывают очевидными и их исправление не составляет большого труда, то «культурные ошибки» обычно бывают менее явными и для их устранения необходимо проведение тщательного анализа. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на пословицы, поговорки, другие устойчивые выражения в русском языке и их эквиваленты в китайском языке. Восприятие последних нередко представляет большую трудность в силу значительной денотативной и коннотативной разницы единиц. При разработке заданий целесообразно представляется также работа с «ложными друзьями переводчика», что будет способствовать расширению языковых и фоновых знаний студентов и формированию необходимых переводческих навыков и умений.

Для решения разных коммуникативных задач необходимо привлечение текстов различных жанров. При подборе материала упражнений следует ориентироваться на проблемы, моделирующие реальные ситуации в профессиональной сфере. Так, при тренировке устного перевода важно использовать современные актуальные ресурсы.

Все упражнения и тексты, предлагаемые студентам в курсе перевода, должны не только обогащать лексический запас, но и иметь познавательную ценность. Поэтому подбор материала для упражнений должен исходить из принципа целесообразности и полезности.

Таким образом, в процессе подготовки китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный, необходимо в первую очередь обратить внимание на два аспекта: а) знание языкового материала, доведенное до уровня автоматического перевода; б) формирование фоновой эрудиции переводчика.

Для студентов мы ставим задачу в первую очередь добиться адекватной передачи смысловой информации текста. За сложностью лексических и грамматических конструкций

необходимо рассмотреть и сохранить основной посыл переводимого текста. Именно по этой причине компьютерный перевод, ориентирующийся на перевод от формы к форме, на данном этапе еще не в состоянии заменить живого переводчика, для которого главное — передача смыслового содержания высказывания или текста.

Процессы интеграции и глобализации оказывают влияние на развитие современной образовательной модели. В настоящее время в КНР обучение в рамках программы бакалавриата предполагает первые два года изучение родного и иностранного языков, культуры Китая и зарубежных стран, основ переводоведения, а также обучение непосредственно переводу. На следующем этапе (3–4 курсы) студенты выбирают дополнительный курс из области экономики, внешней торговли, литературы и т. д. [Ван Мэняо, 2014].

Таким образом, проанализировав основные проблемы обучения китайских учащихся навыкам перевода, мы приходим к заключению:

1. В российской и китайской высшей школе профессиональная подготовка переводчиков является актуальным перспективным направлением и находится в стадии организации объединяющего теорию с практикой учебного процесса, что в свою очередь связано с появлением новых понятий, теорий, концепций и требует научного объяснения и практического решения вопросов.

2. В образовательной модели переводоведения отмечается смещение вектора от лингвистической направленности в сторону социокультурного и коммуникативного подходов.

3. Перевод — важнейшее средство межкультурной коммуникации, способствующее не только расширению кругозора студентов, но и содействующее пониманию и принятию иноязычной культуры. В процессе перевода перед учащимися стоит задача осознания содержания иноязычного текста и правильной его трансляции на другом языке.

4. Переводческие упражнения должны развивать умения проводить предпереводческий, собственно переводческий и постпереводческий анализ, соблюдать нормы языка перевода, нормы принимающего языка, нормы языка, на который делается перевод, предпринимать необходимую культурную адаптацию, выполнять все лексико-грамматические и синтаксические трансформации (конкретизация, генерализация, модуляция, антонимический перевод, экспликация, компенсация, целостное преобразование и т. д.), осуществлять саморедактирование.

5. На формирование переводческих навыков и умений оказывают большое воздействие лингвокультурные факторы. По этой причине при разработке упражнений следует учитывать, что специфика работы в основном проявляется не в типах упражнений, а в видах заданий, поэтому необходима тщательная работа, предусматривающая изучение фоновых слов, реалий, «ложных друзей переводчика» и др.

6. Наиболее эффективными упражнениями для обучения переводу являются сами переводческие упражнения, что требует соответствующей квалификации преподавателя — владения изучаемыми языками.

Список источников

1. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — М., 2014. — 153 с.
2. Емельянова Я. Б. Процесс формирования лингвострановедческой компетенции переводчика // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 2. Т. 2 : Психолого-педагогические науки. — С. 67–71.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / под ред. С. Ф. Гончаренко. — М. : ЭТС, 2002. — 424 с.
4. Лю Сумэй. Обучение русскому языку в вузах Китая: состояние и перспективы // Русский язык за рубежом. — 2014. — № 4. — С. 120–123.
5. Рецкер Я. И. Основные этапы подготовки переводчика (из опыта преподавания перевода с английского языка) // Тетради переводчика / под ред. Л. С. Бархударова. — М. : Международные отношения, 1967. — Вып. 4. — С. 63–76.

6. Чжао Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся) : автореф. дис. канд. пед. наук : 13.00.02. — М., 2008. — 22 с.
7. Цянь Чжуншу. Осажденная крепость : роман, рассказы / пер. с кит. В. Сорокина. — М. : Худож. лит., 1989. — 511 с.
8. 王宏印. 中国传统译论经典诠释——从道安到傅雷. 武汉 : 湖北教育出版社, 2003年, 433页. Ван Хунинь. Классическая интерпретация китайской традиционной теории перевода — от Даоаня до Фу Лэя. — Ухань : Изд-во Просвещение Хубэй, 2003. — 433 с. (На кит. яз.).

References

1. Wang Mengyao. *Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendentsii razvitiya* [Modern translation in China: History of formation and development trends]. Moscow, 2014, 153 p. (In Russian).
2. Yemelyanova Y. B. Process of Forming the Translators' Linguo-Cultural Competence *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2011, iss. 2, vol. 2, pp. 67–71 (In Russian).
3. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern translation techniques]. Moscow, ETS Publ., 2002, 424 p. (In Russian).
4. Liu Sumei. Teaching Russian at universities in China: Current state and prospects. *Russkii yazik za rubejom* [Russian language abroad]. 2014, no. 4, pp. 120–123. (In Russian).
5. Retsker Y. I. The main stages of training translators (from the experience of teaching translation from English. *Tetrad perevodchika* [Translators' notebooks]. Moscow, 1967, iss. 4, pp. 63–76. (in Russian).
6. Zhao Yujiang. Lingvodidakticheskiye osnovi etnoorientirovannogo obucheniya russkomu yaziku i testirovaniya (na primere kitaiskih uchashihsya) [Linguistic and didactic foundations of ethno-oriented teaching and testing of the Russian language (on the example of Chinese students)]. Moscow, 2008, 22 p. (In Russian).
7. Qian Zhongshu. *Osazhdyonnaya krepost* [Fortress Under Siege]: Novel, short stories; translation from Chinese V. Sorokin. Moscow, 1989. 511 p. (In Russian).
8. 王宏印. 中国传统译论经典诠释——从道安到傅雷. 武汉:湖北教育出版社, 2003年, 433页. Wang Hunin. Classical interpretation of Chinese traditional translation theory. From Taoan to Fu Lei. Wuhan, 2003. 433 p. (In Chinese).

Информация об авторе

А. К. Хабдаева — доктор философских наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

Information about the author

A. K. Khabdaeva — Doctor of Philosophy, Associated Professor of Russian Language and Intercultural Communication Dpt.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2021;
одобрена после рецензирования 21.07.2021;
принята к публикации 21.07.2021.*

*Submitted 25.06. 2021;
approved after reviewing 21.07.2021;
accepted for publication 21.07.2021.*

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/>)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. **Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.**

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года **входит в перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознанию) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Начиная с 2021 года публикации **бесплатны**, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылаются электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желаящие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если они содержат лингвистическую составляющую: «исследование особенностей использования сопоставлений на разных уровнях, выявление особенностей восприятия, употребления, типичных лингвокультурных ошибок и особенностей использования в разных языковых общностях» (см. «Паспорта научных специальностей»: <http://vak.ed.gov.ru/316>).

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

<i>Индекс</i>	<i>Специальности</i>	<i>Науки</i>
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	филологические
10.02.19	Теория языка	филологические
10.02.04	Германские языки	филологические
10.02.05	Романские языки	филологические

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).

3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:
 - фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
 - ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
 - наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
 - приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
 - основные направления научных исследований;
 - средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).
6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.
7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.
8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК.* Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.
2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, используя заглавные только там, где это необходимо, избегая аббревиатур и сокращений.
3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100–300 слов, избегая использования аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.
4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются (;) точкой с запятой. Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.
5. *Текст статьи.* Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала —

3 тыс. см² площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется отдельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, необходимо в библиографическое описание вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Yu. D., Petrov P. K. <i>Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'ture i sporte</i> [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи из журналов, сборников научных трудов, материалов конференций)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — Тамбов, 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. <i>Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"</i> [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.

Материалы конференций

<p>Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.</p>	<p>Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde’s plays. Ignatovich Yu. (ed.) <i>Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii”</i> [Papers of the International scholarly conference “Language in Various Spheres of Communication”]. Chita, Zabaikal’sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).</p>
---	--

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
<p>Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).</p>	<p>Rybakov S. Iu. The problem of spirituality in the context of education. <i>Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya</i> [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).</p>

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru (4912) 21-57-23, (4912) 97-15-15 (доб. 1030)

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 3 (58)

2021

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:

Е. С. Устинова (английский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Т. Я. Кузнецова (латинский язык)
Ю. Б. Финикова (французский язык)
А. В. Ахренев (испанский язык)

Редактор Ю. А. Филатова
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 24.09.2021. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 10,3. Заказ № 105. Тираж 200 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а